

*К 100-летию
со дня рождения
Ярослава Смелякова*

Угрешская Лира

Литературный альманах

Выпуск 3

Москва
2012

ББК 84 (2Рос-Рус)6-5

У 27

Угрешская лира / Литературный альманах. Выпуск 3. — Москва: Московская областная организация Союза писателей России (литературное объединение «Угреша»); Дзержинский: БФ «Наш город», 2012. — 312 с., ил., вкл.

В третий выпуск альманаха «Угрешская лира», посвящённый 100-летию со дня рождения известного русского поэта Ярослава Смелякова, включены материалы о его жизни и творчестве, документальная повесть Елены Егоровой «Коммунар Смеляков», очерк Марины Бобковой «Ярослав Смеляков в Сталиногорске», подборка стихов Я.В. Смелякова, связанных с его биографией, и стихотворные посвящения поэту.

В разделе «Смеляковские лауреаты» помещены подборки лучших произведений лауреатов московской областной литературной премии имени Я.В. Смелякова за 2005-2011 годы. Раздел «Угрешский Парнас» составлен из лучших стихов и прозы членов литературного объединения «Угреша». Произведения победителей конкурса «Юная муза Угрешы» в 2007-2011 годах опубликованы в одноимённом разделе. Стихи авторов прошлого, чьи судьбы связаны с угрешской землёй и подмосковным г. Дзержинским, помещены в разделе «Элизиум «Угрешской лиры».

На вклейке и внутренней стороне обложки представлены уникальные фотоматериалы из фондов Новомосковского историко-художественного музея и частных архивов. Книга предназначена для широкого круга читателей.

Редколлегия: *Елена Егорова, Татьяна Уварова, Валерий Аушев*

Редактор-составитель: *Елена Егорова*

Художник: *Елизавета Нистратова*

Попечители: *Администрация г. Дзержинского Московской области, Г.И. Ерастов (ООО «Торговый дом «Нефтьмагистраль»)*

ISBN 978-5-9903866-4-8

© Литературное объединение «Угреша» Московской
областной организации Союза писателей России, 2012

© БФ «Наш город», 2012

© Егорова Е.Н., составление, вступительная статья, дизайн, 2012

© Авторы, соответствующие тексты стихов и прозы, 2012

© Нистратова Е.В., иллюстрации, 2012

Дрослав Сменяков

Вековой юбилей Смелякова

Столетие со дня рождения выдающегося русского поэта Ярослава Васильевича Смелякова – знаменательная дата для любителей русской поэзии. Для членов литературного объединения «Угреша» имени Я.В. Смелякова это особенный праздник.

В подмосковном г. Дзержинском, расположенном на древней земле Угрешы и близлежащих к ней старинных сёл и деревень, поэт оставил значимый духовный след. Здесь в 1937-1939 годах Смеляков работал ответственным секретарём многотиражной газеты «Дзержинец», выпускавшейся трудкоммуной № 2 НКВД, в декабре 1938 года преобразованной в производственный комбинат. Сюда Ярослав был переведён из тюрьмы, где находился с 1935 года по сфабрикованному обвинению «за участие в антисоветской группе». Работа в газете в разгар сталинских репрессий была непростой, но пребывание Смелякова в коммуне скрасили искренняя дружба, доброе отношение коммунаров и воспитателей, взаимная любовь и радость творчества. На страницах «Дзержинца» молодой поэт публиковал свои очерки, рассказы, заметки и, конечно, стихи. Друзья и коллеги с душевной теплотой называли его Ярочкой.

В дальнейшем Смелякову была уготована тяжёлая судьба. Он, любивший советскую власть всей душой и талантливо воспевавший её в стихах, трижды попадал в лагеря ГУЛАГа, был в финском плену во время Великой Отечественной войны. Почти треть своей взрослой жизни — двенадцать лет — Смеляков провёл в заключении, но это не сломило его душу. Поэзия помогла ему выжить, остаться истинно творческой личностью.

В последние годы жизни Ярослав Васильевич был признанным, маститым поэтом, любимым читателями. Он получил Государственную премию СССР, премию Ленинского комсомола, выпускал книги одну за другой. Собратья по перу уважали Смелякова за стоический характер, принципиальность, доброту, юмор, прощали ему чудачества во время застолий. Его здоровье, подорванное в лагерях, резко ухудшилось в 1972 году, и он скончался за полтора месяца до своего 60-летия.

Ярослав Смеляков оставался верным убеждениям юности. Словно подводя итог своему творческому пути, незадолго до смерти он написал:

*Что делать? Я не гениален,
нет у меня избытка сил,
но всё ж на главной магистрали
с понятием собственным служил.*

Это «собственное понятие» сыграло роковую роль в жизни поэта, но оно же и обессмертило его, наряду с большим талантом и трудолюбием. Критик В.В. Дементьев так оценивал творчество Смелякова: «Его лучшие строфы написаны на высокогорном уровне». Поэт ярко выразил чаяния, надежды, любовь и борьбу своего поколения. «Он часть нашей жизни и часть нас самих», — отмечал Н.М. Коржавин.

Лучшие произведения Смелякова вошли в сокровищницу русской поэзии. Это стихи о вечном: о состояниях человеческой души, о труде, о любви к женщине, к матери, к Родине, к родному языку, к животным, к природе и о подвигах ради этой любви. В избранное можно включить и ряд стихотворений, написанных на Угрешской земле или посвящённых происходившим здесь событиям. Поэту не довелось вновь приехать сюда, но он, встречаясь с людьми из посёлка имени Дзержинского, с интересом расспрашивал о здешней жизни, беседовал по телефону со своей доброй знакомой Т.Н. Рудко (в девичестве Волковой). Она до сих пор бережно хранит память о Смелякове, перечитывает его стихи.

В 2005 году администрацией г. Дзержинского и Московской областной организацией Союза писателей России была учреждена московская областная литературная премия им. Я.В. Смелякова. В 2005-2011 годах её лауреатами стали 28 лучших подмосковных поэтов, чьи стихи опубликованы в настоящей книге в разделе «Смеляковские лауреаты».

Третий выпуск альманаха «Угрешская лира», посвящённый столетию со дня рождения Ярослава Смелякова, — свидетельство нашей непреходящей любви к нему и его творчеству.

Ярослав Смеляков

Краткая летопись жизни и творчества

1912 г., 26 декабря с. ст./1913 г. 8 января н.ст. Родился в г. Луцке в семье железнодорожного рабочего.

1914 г. Переехал с семьёй в деревню под Воронеж, затем в Воронеж.

1924 г. Окончил начальную школу в Воронеже, начал писать первые стихи, переехал в Москву, поступил в семилетнюю школу.

1928 г. Окончил семилетнюю школу № 48 Краснопресненского района г. Москвы.

1928–1930 гг. Работал в различных московских организациях дворником, истопником, помощником агента снабжения промкооперации.

1930 г., весна. Поступил в полиграфическую школу фабрично-заводского обучения имени Ильича. Первая публикация в стенгазете.

1930–1934 гг. Занимался в литературных кружках при журнале «Огонёк» и газете «Комсомольская правда».

1931 г. Познакомился с поэтом Михаилом Световым, впервые опубликовавшим его стихи в журнале «Октябрь». Окончил школу ФЗО им. Ильича.

1931–1934 гг. Работал в 14-й типографии Полиграфиздата, публиковал подборки стихов в центральных газетах, журналах, альманахах, некоторые из которых сам набирал.

1932 г. Опубликованы брошюра «Стихи» в библиотечке «Огонька» и первая книга «Работа и любовь».

1934 г. Принят в Союз писателей СССР. Вышла в свет брошюра политической лирики «Счастье», сборник «Стихи» и в библиотечке «Огонька» — книга стихов «Дорога».

1934 г., 22 декабря. Арестован НКВД по ложному обвинению (участие в антисоветской группе).

1935 г., 4 апреля. Приговорён к трём годам заключения.

1935–1937 гг. Находился в тюрьме, где работал бригадиром.

1937 г., начало. Досрочно освобождён и переведён воспитан-

ником в трудовую коммуну НКВД № 2 (пос. Дзержинского Люберецкого района Московской области).

1937–1939 гг. Работал ответственным секретарём многотиражной газеты «Дзержинец», где публиковал свои репортажи, очерки и стихи: «Мама», «Лирическое отступление», «Майский вечер», «Давным-давно», рассказ «Поражение мастера» и другие.

1938 г., апрель. Восстановлен в гражданских правах.

1939 г., июль. Восстановлен в Союзе писателей СССР по ходатайству секции поэзии, поддержанному А.А. Фадеевым.

1939 г., ноябрь. Призван в действующую армию рядовым и принял участие в войне 1939-1940 гг. с Финляндией.

1940 г., весна. Демобилизован, зачислен в резерв РККА. Принят на работу ответственным инструктором секции прозы. Поселился у матери в Москве (ул. Большая Молчановка, 31).

1940-1941 гг. Писал много стихов (цикл «Крымские стихи», «Хорошая девочка Лида», «Если я заболею...» и др.), публиковал их в «Молодой гвардии», «Литературной газете», «Красной нови», журнале «30 дней» и других изданиях. Под руководством В.В. Казина готовил новый сборник стихов, который не был издан.

1941 г., май. Призван из резерва во 2-ю легкострелковую бригаду рядовым и направлен на прохождение службы в Карелию.

1941 г., лето–осень. Участвовал в боях на подступах к Ленинграду, попал со своей частью в финский плен.

1941 г., осень – 1944 г., осень. Находился в финском лагере для военнопленных, выполнял подневольные работы на ферме.

Осень 1944 г. По обмену военнопленными освобождён из финского лагеря и направлен в проверочный советский лагерь в Сталиногорский (ныне Новомосковский) район Тульской области, где работал на 13-й шахте, исполнял обязанности банщика, затем помощника заведующего банно-прачечным комбинатом шахты. Сотрудничал в газетах «Сталиногорская правда» и «Московская кочегарка».

1945 г., октябрь. Освобождён из лагеря без права проживания в Москве, переехал в Сталиногорск, при содействии главного редактора К.И. Радченко и поэта С.Я. Позднякова принят в штат

газеты «Сталиноградская правда» на должность ответственного секретаря.

1946–1947 гг. Жил в Сталиногорске на квартире С.Я. Позднякова, руководил литературным объединением, писал много стихов («Земля», «Кремлёвские ели», «Милые красавицы России», «Манон Леско» и др.), которые начали публиковать московские журналы «Новый мир», «Знамя». Вступил в первый брак. При содействии К. Симонова получил разрешение проживать в Москве.

1948–1951 гг. Жил с матерью Ольгой Васильевной и женой Евдокией Васильевной (Дусей) в Москве на ул. Арбат, 38/1, в маленькой однокомнатной квартире.

1948 г. Восстановлен в Союзе писателей России. Выпустил в свет сборник «Кремлёвские ели».

1949 г. Написал поэму «Лампа шахтёра».

1950 г. Вышел сборник «Стихи».

1951 г., август. Арестован НКВД по доносу и осуждён по статье 58 УК на 25 лет лагерей.

1951–1954 гг. Отбывал заключение и поселение (с 1954 г.) в г. Инте. Работал на руднике (лагерный номер Л-222). Вынужденно, из-за судимости, развёлся с первой женой. В лагере писал стихи («Мы не рабы» и др.), 1-ю часть поэмы «Строгая любовь».

1952 г. Смерть матери О.В. Смеляковой.

1954 г. Отбывал ссылку на поселение в г. Инте.

1955 г. Освобождён по амнистии. Возвратился в Москву, где вновь поселился в квартире на ул. Арбат, 38/1. В журнале «Октябрь» опубликована поэма «Строгая любовь».

1956 г. Реабилитирован, восстановлен в Союзе писателей СССР. Выпустил в свет книгу «Строгая любовь», получившую широкое признание (переиздана в 1967 г.). Начал редактировать альманах «День поэзии». Женился на поэтессе и переводчице Татьяне Валерьевне Стрешневой.

1957 г. Вышла в свет книга избранных стихотворений. (Однотомники и двухтомники избранных стихов издавались при жизни также в 1961, 1964, 1967 и 1970 гг.).

1957–1972 гг. Работал в аппарате Союза писателей СССР

(председатель секции поэзии вместе с М.К. Лукониным), в издательстве «Молодая гвардия», в журнале «Дружба народов» (вел раздел поэзии). Публиковал стихи, поэмы, очерки и публицистические статьи в различных изданиях. Много ездил по республикам СССР, а также во второй половине 1960-х гг., по зарубежным странам: Монголии, Японии, Болгарии, Франции, Чехословакии, Югославии. Награждён тремя орденами Трудового Красного Знамени.

1959 г. Вышла в свет книга «Разговор о главном».

1960 г. Выпустил книгу «Работа и любовь» (переиздана в 1963 и 1973 гг.). Переехал в новую квартиру на Ломоносовском проспекте.

1962 г. Вышла в свет книга «Золотой запас».

1963 г. Вышла в свет книга «Хорошая девочка Лида».

1965 г. Выпустил книги «Алёнушка» и «Роза Таджикистана».

1966 г. Выпустил книгу «Милые красавицы России».

1967 г. За книгу «День России» (переиздана в 1968 и 1974 гг.) удостоен Государственной премии СССР. Избран в Правление Союза писателей СССР.

1968 г. Выпустил книги «Товарищ комсомол», «Молодые люди. Комсомольская поэма», «Новые стихотворения». Получил премию Ленинского комсомола. Перенёс серьёзную болезнь, лежал в больнице.

1970 г. Выпустил книги «Связной Ленина», «Декабрь». Избран членом Правления Союза писателей РСФСР.

1972 г. Выпустил книгу «Моё поколение».

1972 г., 27 ноября. Скончался на 60-м году жизни (похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве).

Летопись составила

Елена Егорова

зам. руководителя

литобъединения «Угреша»

Елена Егорова

Коммунар Смеляков

Документальная повесть

Поезд со свистом подъехал к станции. Кондуктор открыл дверь, и Смеляков первым соскочил на высокую платформу. Лучи утреннего мартовского солнца брызнули ему в глаза, и он невольно прищурился. Вслед за ним высыпала на платформу рабочая молодёжь.

— Товарищ, где тут у вас управление коммунной? — спросил Ярослав у паренька в синем полупальто.

— Там, — махнул рукой юноша в сторону видневшихся за голыми деревьями зданий бывших церквей.

— А долго идти?

— Минут пять.

— Спасибо! — поблагодарил Смеляков и взглянул на часы.

Без четверти восемь. До назначенного в предписании времени оставалось 15 минут. Ярослав подождал, пока платформа опустеет. Ему захотелось оглядеться и закурить. Он достал почтую пачку «Беломора» и затянулся. После тюремных самокруток хорошие крепкие папиросы доставляли ему особое удовольствие, почти забытое за два минувших года.

Арестовали молодого комсомольского поэта Смелякова в декабре 34-го, а в апреле 35-го осудили на три года «за участие в антисоветской группе». По такому же абсурдному обвинению посадили и его друга-поэта Павла Васильева, которого выпустили ещё в прошлом 36-м году. И вот теперь условно освободили Ярослава, вернее, перевели в Люберецкую трудовую коммуну № 2 НКВД.

В Москве он побыл с матерью, старшим братом и сестрой Зиной всего-то сутки, наговорился, отмылся, сменил тюремную одежду на гражданскую, которую носил до ареста. Из поэтов он успел повидаться только с Долматовским. Женя рассказал ему, что Павла осенью опять исключили из Союза писателей и месяц назад арестовали, а их общий друг поэт Борис Корнилов, кото-

рого в последнее время травили в газетах за богемную жизнь, теперь в Ленинграде, но уже с неделю от него ни слуху ни духу: никто не может ему дозвониться и все подозревают худшее. Стихи Ярослава, написанные в тюрьме, Евгению понравились, особенно «Я вспоминаю...» и «Вот женщина...», но листки с ними он у себя не оставил: всё равно пока не сможет напечатать.

Рано утром Смеляков с сожалением покинул родную квартиру на Большой Молчановке, чтобы к 8 часам явиться в трудкоммуну к заведующему «тов. Смелянскому Е.П.», как значилось в предписании. Молодой поэт потуже затянул пояс на брюках, поверх рубашки надел связанный матерью толстый шерстяной свитер, чтобы старая куртка не болталась на нём, похудевшем в тюрьме, как на вешалке, и отправился на Казанский вокзал. До Панков, а оттуда до коммуны он добрался довольно быстро.

Ярослав спустился с платформы, повернул направо и не спеша зашагал по расчищенному от свежевывавшего снежка тротуару мимо нескольких новых трёхэтажек. На домовых табличках значилось, что это улица Коммунаров. Слева переливался заснеженный лёд большого пруда. Впереди высилась стройная колокольня с поблёскивающим на солнце куполом без креста. «Красивая, — подумалось Ярославу. — Как огромная свеча». Он остановился возле бывшей монастырской стены с живописными башенками, похожими на кремлёвские, только гораздо меньших размеров. Увидев пробитый в кирпичной стене проход с открытыми воротами, Смеляков вошёл внутрь. Здесь был второй пруд, за ним виднелся большой собор без куполов с прорубленными прямоугольными окнами. Справа, в деревянном здании с покрытым тёсом фасадом и надписью над дверью «Музей», тоже угадывалась бывшая церковь. Смеляков спросил у спешившей навстречу работницы в тёплом комбинезоне:

— Девушка, как пройти к управляющему?

— Тут и идти нечего, — выпалила та, указав на крышу двухэтажного дома, видневшуюся из-за башенок. — Из ворот налево вдоль стены до конца. Там и вход.

— А как этот монастырь раньше назывался?

— Не знаю, — пожал плечами девушка и заспешила дальше по своим делам.

— Я знаю, товарищ, — услышал Ярослав густой красивый баритон из-за спины. — Николо-Угрешский. Ему больше пятисот лет.

Смеляков оглянулся. Перед ним стоял высокий красивый парень в модном элегантном пальто.

— Будем знакомы. Ерастов. Ваня, — представился он и протянул руку для приветствия.

— Смеляков. Яра, — ответил Ярослав, пожимая руку.

— Ты новенький или по делам к нам?

— Новенький.

— А я здесь с 28-го года. Видел эти здания ещё с куполами. И Горького встречал — он к нам приезжал тогда. Тебе, наверное, в управление?

— Мне к товарищу Смелянскому.

— И мне, — продолжил Ерастов. — Я здесь по снабжению работаю, на летучку спешу. Кстати, дом, где теперь квартира

управляющего, раньше назывался архиерейским, важные владыки в нём останавливались. Мне жена рассказывала, она местная. А эта узорная стена называлась Палестинской, потому что город Иерусалим изображала. Ну, идём скорей, а то вот-вот восемь пробьёт. Ефим Палыч тебе обязательно поможет — душа-человек!

— И я тоже по снабжению в потребкооперации работал, только это было давным-давно — в 29-м году. А теперь меня направили в газету. Корреспондентом буду.

— Да ты писатель?

— Больше поэт.

— Вот здорово! — Иван даже чуть замедлил ход, видно, что-то припоминая, и спросил:

— А «Любку Фейгельман» ты написал?

— Я.

— Отличные стихи! Здорово, что ты у нас работать будешь! А то газета наша — «Коммунар» — скукотень одна.

Ответить Ярослав не успел. На колокольне мелодично заиграли куранты и начали бить восемь. Ребята уже дошли почти до конца Палестинской стены и, не сговариваясь, побежали к двери. Через минуту они уже были в приёмной расположенного на 1-м этаже кабинета управляющего.

— Здравсте, товарищ Артамонова. Летучка началась? — спросил Иван с порога.

— Нет, одного тебя ждут, — строго ответила секретарша, приятная брюнетка лет 40-45 с толстой обвитой вокруг головы косой.

Ерастов быстро вошёл в кабинет. Ярослав показал секретарше своё предписание. Та велела ему подождать конца совещания и принялась печатать какие-то бумаги. Под бойкий стрекот её пишущей машинки Смеляков, сидя на добротном деревянном стуле, стал внимательно разглядывать обстановку приёмной. Белёные стены и потолки, деревянный дощатый пол, в углу — высокий старинный шкаф, с которым контрастировал новый стол Артамоновой. На стене висел портрет чекиста в папаше с воле-

вым лицом и добрым глубоким взглядом. Человек этот почему-то показался Ярославу знакомым, но спросить строгую секретаршу он не решился.

Не прошло и получаса как совещание кончилось, из кабинета управляющего вышли озадаченные руководящие работники коммуны и направились по своим делам. Последним на минутку появился управляющий — невысокий плотноватый человек приятной наружности с тёмными слегка вьющимися волосами. Вид у него был озабоченный. Он сказал секретарше:

— Товарищ Артамонова, пока никого не пускайте ко мне. Мы с Перепёлкиным тут побеседуем. Ты новенький? — дружелюбно спросил он Смелякова.

Тот кивнул.

— Обожди, брат, немного. Разберусь с важными делами и вызову.

Пришлось ещё с полчаса просидеть в приёмной. Ярослав всё-таки осмелился спросить секретаршу о Перепёлкине. Та вкратце рассказала ему, что Павел Степанович был до 35-го года управляющим, при нём построены четыре завода коммуны, музыкальная фабрика, клуб и жилые дома. Теперь он живёт в Москве, управляет всеми трудкоммунами страны, но здесь часто бывает по делам, навещает мать, младшего брата Васю и, конечно, своих воспитанников.

— Коммунары Перепёлкина любят, — закончила секретарша и снова застрекотала на машинке.

Наконец из кабинета вышел высокий красивый мужчина в гимнастёрке без знаков различия. Ярослава сразу привлекли его большие лучистые глаза.

— Что, братец, в коммуну поступаешь? — понимающе подмигнул он и широко улыбнулся.

— Да.

— Не гляди так насторожённо. Всё у тебя будет теперь хорошо. — Перепёлкин похлопал его по плечу. — Успеха тебе! Проходи.

Смеляков поблагодарил и зашёл в кабинет. На лице управляющего ещё была видна озабоченность. Ярослав не мог знать,

о чём он говорил с Перепёлкиным. А разговор оказался очень тяжёлым. Павел Степанович передал Смелянскому рассказ знакомого учителя из Болшевской трудкоммуны № 1. Тот ездил в город Горький к зачинателю коммунарского движения Погребинскому, который создал в стране несколько трудкоммун, привлёк в них тысячи ребят, болтавшихся на улице или сидевших в тюрьмах, наладил их новую трудовую жизнь. Теперь Матвей Самойлович, будучи уже не первый год на должности начальника НКВД в Горьком, находился в подавленном настроении. Он по роду службы вынужден участвовать в набирающих обороты репрессиях. Коллеге, которому он очень доверял, сказал, что не понимает происходящего, что больше не может одной рукой перевоспитывать беспризорников и молодых правонарушителей, а другой — сажать в тюрьмы и лагеря лучших сынов партии по ложным обвинениям. Погребинский собрался даже писать письмо Сталину об этом. Обстановка подозрительности вокруг него и созданных при его участии коммун начинала накаляться.

Увидев Ярослава, Смелянский привычно скинул с лица маску озабоченности, пробежал глазами его предписание, улыбнулся и неожиданно протянул руку для приветствия. Обменявшись с управляющим рукопожатием, Ярослав сразу почувствовал себя увереннее. Этому способствовала и простая обстановка кабинета: из мебели — только недорогой гардероб и массивный книжный шкаф, покрашенный серой краской металлический сейф, посередине кабинета поставленные в ряд столы со стульями для посетителей и двухтумбовый заваленный бумагами стол самого управляющего. Единственной старинной вещью было бюро, стоявшее у окна. Над столом висел портрет Сталина, а напротив окна — наркома Ежова.

— Присядь-ка. Пиши заявление в коммуну, — сказал Ефим Павлович, положив перед Ярославом чистый лист бумаги. — Примем тебя завтра на комиссии. Мы обычно на общем собрании принимаем, но не с твоей статьёй. Наслышан о тебе. Поэт, значит, почти мой однофамилец! «Любка Фейгельман» — твоё стихотворение?

— Да, — ответил Ярослав, не ожидая, что управляющий может интересоваться поэзией.

— Вот и славно. Твою книжку «Работа и любовь» я читал. Хорошо о труде пишешь. Такие стихи в газете нам нужны. Мы ведь задумали отдельно от первой коммуны свою газету выпустить с названием «Дзержинец». Надоело в Болшево в редакцию «Коммунара» материалы возить: получается неоперативно, неповоротливо. Наши рабкоры обижаются, что их корреспонденции не все помещают — места не хватает. Нужна, нужна нам своя газета. У тебя опыт-то есть?

— Я до 34-го года писал в газеты и репортажи, и очерки.

— Хорошо. Но здесь тебе скоро самому придётся компоновать номера, работать с рабкорами. Ответственный редактор будет только просматривать всё, контролировать, приносить публикации от нашего начальства. Стенгазеты тоже твоя обязанность. Критика и самокритика — вот теперь важная задача, поставленная последней партконференцией. Мы нашу стенгазету в управлении назовём «За самокритику». Первый номер «Дзержинца» должен выйти недели через две-три. Сначала будешь под крылом у ответственного редактора Медовой. Но мы скоро её переведём на партийную работу. Справишься?

— Постараюсь.

— Ты с поэтами нашими позанимайся, кружок организуй, на пушкинскую выставку в Москву их свози.

— Попробую. И на выставку обязательно съездим, я сам там не был.

— Да, у нас в коммуне сухой закон. Строгий. Мат и жаргон тоже под запретом.

— Неужели не нарушают?

— Нарушают, бывает. И об этом надо тоже писать в газете. Мы злостных нарушителей на общем собрании по субботам в клубе пропесочиваем.

Намёк управляющего Ярослав понял, конечно. Смелянский, завизировав его заявление, распорядился:

— Зайдёшь сейчас в бухгалтерию. Я туда позвоню и распо-

ряжусь, чтоб тебе выдали «маму», — и в ответ на вопросительный взгляд Смелякова продолжил: — «Мамой» здесь называют бесплатные коммунарские карточки на питание, проживание в общежитии и одежду-обувь. Устроишься, пообедаешь и приходи к моему заместителю по политчасти товарищу Щербакову. Он курирует газету и введёт тебя в курс дела.

Ярослав поблагодарил Смелянского и отправился в бухгалтерию. Карточки ему выдали без проволочек, но устройство в общежитии и особенно подбор вещей на складе заняли часа два. Комендант выделил ему свободную койку в комнате, где жили несколько парней, и место в общем гардеробе, куда Смеляков быстро выгрузил своё нехитрое добро из вещмешка. Никелированная койка оказалась удобной, с чистым бельём.

— Такие кровати у нас в коммуне делают, — с гордостью заметил комендант, серьёзного вида молодой парень, на поясе у которого висел пистолет в кобуре: он единственный из коммунаров имел здесь право ношения оружия.

— Спасибо большое. Кровать, в самом деле, хорошая. А где у вас тут склад?

— Из дверей налево метрах в ста, — деловито ответил комендант.

Кладовщица, по возрасту годящаяся Ярославу в матери, быстро измерила у него размер груди, шеи, рост по сантиметровым меткам на деревянном косяке и запричитала:

— Господи, худой-то какой! Где ж я тебе рубашку 36-го размера по вороту сыщу при таком-то росте? 176 сантиметров! У меня такие только на 158 да на 164.

Ярослав смутился. Он после тюрьмы в своей доарестной экипировке и вправду выглядел подростком в одежде на вырост.

— Ну, если немного велика будет, не беда,— пробормотал он.

— Погоди-ка, есть у меня вроде 37-го размера на такой рост и брюки 46-го. Даст Бог, поправишься у нас, в самый раз будут. А пиджак уж не подберу, не взыщи, нет пока твоего размера.

Кладовщица нырнула вглубь склада и принесла Ярославу

новую рубаху и чёрные брюки. Выдав ему ещё комплект нижнего белья, кожаные ботинки и вельветовые тапки, она отрезала от карточки Смелякова нужные купоны. Сложив обновки в вещмешок, тот поблагодарил её за заботу и, попрощавшись, бодро зашагал к общежитию. Настроение у поэта улучшилось, он даже улыбнулся, глядя, как вешнее солнышко растапливает тонкий слой свежего белого снега на молоденьких зелёных ёлочках.

Неподалёку от дверей склада Ваня Ерастов что-то бойко объяснял водителю полуторки. Видать инструктировал того, как проехать за грузом.

— «Маму» получил? — окликнул он Ярослава. — Дело хорошее.

— Да, выдали вот самое необходимое.

— Ты смотри в столовку к двенадцати не опаздывай. Она у нас на втором этаже в соборе. Ребята в обеденный перерыв набегут — мало что останется. Купон на раздаче отрывают только за второе, так некоторые особо голодные умудряются по два первых съесть.

— Да я и не опоздаю, целых полчаса в запасе. А ты идёшь?

— Не, я попозже, дел много. Надо три машины за материалами отправить. Мне Таня, моя жена, оставит. Она на фабрике-кухне раздатчицей работает. Ты её сразу узнаешь — глазастая такая, улыбочивая. Ну пока, — откланялся Ваня и побежал в заводоуправление.

— Пока.

Ярослав поправил потяжелевший вещмешок на плече и пошёл к общежитию. Там он быстро выгладил новую рубашку и брюки и, переодевшись, отправился в столовую.

Без пяти двенадцать у входа уже стояло несколько человек. Смеляков занял очередь и, когда дверь открылась, взял поднос и встал к окну раздачи. На стенах в столовой висели лозунги, которые показались Ярославу интересными: «Хошь живи, не хошь — уходи», «Все отвечают за каждого, каждый отвечает за всех», «Чтобы жить трудовой жизнью, надо уметь что-нибудь делать», «Воспитывая из себя сознательного пролетария, помогай сде-

латься им и другим», «У нас все должны учиться», «Каждый должен украшать дом, в котором живёт, улицу, по которой ходит», «Честь коммуны превыше всего, все в ответе за неё», «В коммуне сухой закон для всех», «Будь вежлив в обращении со всеми», «Пресекай азартные игры и воровство»; «Человек труда никогда не позволит себе присвоить чужую копейку».

«Наверно, это не просто агитки, а всамделишные правила жизни здесь», — подумалось Смелякову. Во всяком случае, в коммуне не воровали. Даже в магазине штучный отдел работал без продавца и кассира: Ярослав просто положил мелочь в ящик, когда забежал на минутку купить себе спичек и пачку папирос.

Ванину жену он и впрямь легко узнал: она разливала первое и всем улыбалась, желая приятного аппетита.

— Спасибо, Татьяна! — поблагодарил он её, когда та налила ему в тарелку порцию борща.

— На здоровье. А откуда ты знаешь моё имя, ты ж новенький?

— Маленький секрет, — улыбнулся Ярослав.

— Небось, с Ваней моим уже познакомился, он и сказал про меня?

— Так и есть. Меня зовут Яра.

— Приятного аппетита! — пожелала Таня, доливая тарелку до краёв.

Взяв второе и стакан компота, Ярослав сел за свободный столик. Он с удовольствием наворачивал наваристый борщ, когда к нему подсел паренёк лет семнадцати.

— Приятного аппетита! Давай знакомиться. Лёнька Пушкинский.

— Яра, — Смеляков пожал руку новому знакомому.

— Я здесь третий год, на музфабрике работаю. Стахановец. Раньше беспризорником был. Целых четыре года. А ты?

— Я сегодня только прибыл, в газете буду работать.

— Здорово! Напишешь про нашу фабрику? А то я бы больше выработку давал, когда б мне станок вовремя чинили. Позавчера полдня из-за этого простоял.

— Как-нибудь напишу. Обязательно. Только разберусь сначала во всём. А какие инструменты вы делаете?

— Домры, балалайки, гитары, баяны и даже скрипки.

— Хорошие?

— Ага! У нас в прошлом году сам маршал товарищ Тухачевский скрипку себе заказывал. Сделали ему, он хвалил. Мастера на фабрике что надо.

— Ну а где ж твои коллеги-стахановцы?

— Да они пол-обеда за станками вкалывают, чтоб больше нормы дать.

— А ты что же?

— Я вовремя всегда ухожу. И полторы-две нормы даю. Мне оставаться после работы некогда. В вечерней семилетке учусь, скоро заканчиваю.

— И как учёба? — спросил Ярослав Лёньку, доедая котлету с картошкой.

— Нормально, учителя хвалят.

Тут в столовую ввалилась группа ребят и девчат и все, шумно переговариваясь, встали в очередь к раздаче.

Ленька залпом допил компот и стал прощаться с Ярославом:

— Мне пора. Хочу физику повторить до конца перерыва.

— И мне тоже через 10 минут надо к заму управляющего по политчасти.

— К Щербакову? Я тебе покажу, где его кабинет.

— Вот спасибо!

Они отнесли грязную посуду к окошку мойки, и Лёнька довёл нового знакомого до кабинета замполита.

— Можно? — спросил Смеляков, приоткрывая дверь.

— Входи, входи! Смелянский мне говорил про тебя, — приветливо ответил Щербаков и представился:

— Михаил Петрович.

— Ярослав.

— Я думаю так: сначала ты поработаешь корреспондентом, а через пару месяцев будешь ответственным секретарём, когда Медова Анна Андреевна уйдёт на партработу. Другого ответст-

венного редактора назначим, но он больше для контроля публикуемых материалов. Верстать номер — твоя обязанность. К тебе будут поступать заметки рабкоров, статьи от наших профсоюзов, комсомольцев и коммунистов. Ну и из района будут важные материалы присылать. Эти даже редактировать не придётся. Только объём рассчитать для номера. Справишься?

— Очень постараюсь. Дело знакомое. Я полиграфическое ФЗУ в 31-м закончил, потом наборщиком в типографии работал.

— Вот и ладно. Пошли, я тебя познакомлю с сотрудниками редакции.

Редакция занимала комнаты 12 и 13 на втором этаже клуба. В 13-й был стол, несколько стульев и диван. Здесь иногда сидела Медова, строгая, довольно молодая женщина. Из 12-й раздавался мерный стрекот пишущей машинки. Щербаков представил Ярославу машинистку Анну Ивановну Морозову и экспедитора Аню Илюнину, симпатичную девушку лет восемнадцати. На безымянном пальце у неё сияло новенькое обручальное колечко.

— Анна будет собирать корреспонденции от рабкоров и доставлять сюда, а готовый номер возить в Москву в Мособлгорлит и потом сразу в типолитографию имени Воровского, — отрекомендовал её Щербаков. — Серьёзная и исполнительная сотрудница, надёжный товарищ.

— Очень приятно, — Ярослав пожал девушке руку. Её открытый приветливый взгляд внушал доверие.

— Я бы хотел познакомиться с рабкорами, обсудить, о чём и как предстоит писать, — продолжил Смеляков. — Может, кто-то стихи сочиняет или прозу?

— Всех сразу не соберу, они в разных сменах работают. Завтра их предупрежу, — ответила Аня. — А стихи много кто пишет. Лёня Мариани, наш директор музфабрики Алексей Чекмазов, Коля Аристархов и другие ребята. Познакомлю со всеми.

— Мне бы и стенгазеты посмотреть.

— Одна большая стенгазета здесь в фойе висит, другая — в управлении, а ещё есть на каждом заводе и в общежитии. Пошли, я покажу.

Всю вторую половину дня Ярослав изучал стенгазеты, но по ним трудно было представить полную картину жизни коммуны. Анины рассказы и пояснения ему очень помогли. На стенах в клубе висели портреты вождей и руководителей НКВД. Среди них был знакомый портрет чекиста в кубанке.

— Аня, а это кто? — спросил Смеляков.

— Матвей Самойлович Погребинский. Коммунары зовут его Кубанкой. Он многих из тюрем вызволил, Болшевскую коммуну организовал и у нас бывает часто. Сергеев в кино «Путёвка в жизнь» с него сделан. Смотрел?

— А как же! Наш первый звуковой фильм. Вот мне и показалось, что я уже видел Погребинского. А теперь он где?

— В городе Горьком начальник НКВД. Наши коммунары к нему прошлый год ездили в гости. И он к нам приезжал.

— О нём что-нибудь есть почитать? — заинтересовался Ярослав.

— Он сам две книжки написал. Возьми в библиотеке.

Вечером Смеляков познакомился с ребятами в общежитии. Встретили его приветливо, не спрашивали, за что и сколько он сидел. После ужина кто читал, кто готовил уроки, кто ушёл на свидание с девушкой. Ярослав присоединился к компании ребят, игравших в домино.

Первый день в коммуне прошёл очень насыщенно. Та теплота, с которой к нему отнеслись, тронула его и внушила надежду. Люди здесь, похоже, доверяли друг другу. Но по опыту он знал, что в любом коллективе могут быть доносчики, и откровенничать с кем-либо пока опасался.

Уже на следующий день Ярослав активно включился в работу. Утром Аня отвела его в библиотеку. Там младшим библиотекарем работала её сестра 16-летняя Таня Волкова. Пока девушка подбирала ему книги, он невольно залюбовался ею: спортивная, стройная, с ясными глазами и задорными ямочками на щеках. «Хорошенькая и румяная, как вишня», — подумал Смеляков. Он ничуть не удивился, когда через несколько недель Танечке досталась роль Вишни в остроумном скетче. Ярослав так и прозвал её — Вишней.

Он взял томик Пушкина и книги Погребинского «Трудовая коммуна ОГПУ» и «Фабрика людей», чтобы лучше узнать коммунарскую жизнь. В редакции он целый день внимательно просматривал подшивку газеты «Коммунар». В обеденный перерыв на музыкальной фабрике собралось бюро актива под председательством Алексея Чекмазова, худощавого мужчины среднего роста. По внешности никак нельзя было предположить, что он имеет серьёзное уголовное прошлое. В 1924 году Погребинский вытащил парня из Соловков в трудкоммуну № 1, где тот не только отказался от старых привычек, но и проявил незаурядные организаторские и актёрские способности. А потом его перевели в Николо-Угрешу, и он уже лет девять возглавлял здесь бюро актива коммуны, одно время работал завклубом, а теперь директорствовал на музыкальной фабрике, помещавшейся в бывшей конюшне. Чекмазов удачно женился на очень красивой девушке Анне Макаровой, которая приехала в коммуну с родителями в начале 30-х годов. Жену и маленьких дочек он обожал. Всё было бы у него замечательно, если бы не донимавшая время от времени чахотка, подхваченная в Соловках.

Лишних вопросов Ярославу Алексей и члены актива не задавали, ограничились обещанием новичка соблюдать правила коммуны и без проволочек приняли его. Так он стал коммунарком Смеляковым. Чекмазов дал ему почитать журнал «За коммуну», где опубликованы его стихи, весьма неплохие.

После ужина в редакцию стали заходить рабкоры. Некоторые показывали Ярославу свои стихи. Он намеревался раз в неделю собирать местных поэтов, чтобы коллективно обсуждать их творения, но на первых же занятиях ребята стали спорить, обижаться на замечания собратьев по перу. Кроме того, в апреле начала дважды в неделю выходить газета «Дзержинец», и у Ярослава не оставалось времени проводить занятия по вечерам, а в воскресенье он старался получить увольнительную, чтобы съездить в Москву к матери, которую очень любил. Ольга Васильевна сильно переживала, когда сын сидел в тюрьме, очень ждала его и много молилась. Ярослав в детстве воспитывался в православном духе,

но в московской школе, как и почти все его сверстники, стал атеистом. Однако чувства матери уважал и никогда не позволял себе при ней ни одного пренебрежительного слова о Боге.

В одно апрельское воскресенье Смеляков собрал рабкоров и поехал с ними в Государственный исторический музей на юбилейную Всесоюзную пушкинскую выставку. Сколько здесь было уникальных и очень интересных экспонатов! Ярослав с трепетом рассматривал личные вещи любимого поэта, его автографы, прижизненные издания, портреты и... доносы на него, анонимки, на которые экскурсовод обратил особое внимание посетителей.

Не всё так радужно было и в коммуне. Незадолго до 10 апреля — дня выхода в свет первого номера «Дзержинца» — пришли трагические известия: 4 апреля арестовали Генриха Ягоду, министра связи, бывшего наркома внутренних дел. И в тот же день застрелился начальник Горьковского НКВД Матвей Самойлович Погребинский, оставив предсмертное письмо Сталину. В Болшевской коммуне вскоре начались аресты, ведь она носила имя Ягоды. Руководство Люберецкой коммуны ходило хмурое, хотя Николо-Угрешу репрессии пока обходили стороной. Слово имя Дзержинского, полученное коммуной в 1936 году, хранило её до поры до времени.

Смеляков с головой погрузился в коммунарскую жизнь, появляясь с блокнотом и пером на заводах и фабриках, в общежитии, на стадионе и, конечно, в клубе, который был идеальным местом расположения редакции. Здесь работали кружки, студии, секции и народный драмтеатр. Им руководил Николай Николаевич Виноградов, актёр Первого московского передвижного рабочего театра.

Однажды Ярослав засиделся допоздна в 12-й комнате, подбирая заметки для очередного номера «Дзержинца». Аня Илюнина осталась ему помогать. Она ждала мужа Лёву, занятого в театре. В коридоре раздался шум: закончилась репетиция. Ребята и девчата высыпали из малого зала в просторное фойе. Смеляков как раз завершил свою работу и выходил из редакции. Его внимание тотчас привлекла одна девушка, самая красивая из всех:

правильные черты лица, большие сверкающие глаза — серые с игривым зеленоватым оттенком, — необыкновенно грациозные и пластичные движения, выразительная мимика — всё это очень выделяло её среди подруг. Девчата прошли мимо Ярослава, не обратив на него никакого внимания.

— Кто она? — спросил он у Ани.

Та сразу догадалась, о ком речь:

— Маша Мамонова. Она скоро дебютирует у нас в пьесе Гусева «Слава», в главной роли. Лётчицу Лену Медведеву будет играть. Машенька очень талантлива, она раньше занималась у нас в самых разных кружках — фортепиано, хореографии, театральном. К Максиму Горькому в 35-м на дачу выступать ездила, когда к нему Ромен Роллан приезжал. Николай Николаевич на неё очень надеется. Ой, мне пора, — заторопилась Анна, увидев Лёву, выходявшего из зала последним, вместе с Виноградовым.

Ярослав дождался следующей репетиции, чтобы познакомиться с прелестной Машенькой. Она играла очень естественно. Смелякову не надоело смотреть целый час мизансцену, которую режиссёр заставлял её повторять с партнёрами. После репетиции Ярослав подошёл к девушке, представился ей и попросил ответить на несколько вопросов. Маша, видно, спешила куда-то и отвечала очень кратко, по привычке слегка кокетничая. Она почти не обратила внимания на нового корреспондента. «Белобрысый, невидный какой-то», — подумалось ей.

Поэт и впрямь не отличался яркой внешностью: светловолосый, ушастый, брови и ресницы белёсые, глаза бледно-голубые, не улыбочивые. Впрочем, Тане Волковой, которая дружила с ним, но вовсе не была влюблена, нравился его бархатистый баритон, а цвет глаз Ярослава она сравнивала с оттенком цветков цикория, выгоревших на солнце.

В конце апреля состоялась премьера. Машенька в роли лётчицы Лены Медведевой была не просто хороша — блистательна. Она, казалось, не играла — жила на сцене. После спектакля зал взорвался овациями.

— Мамонова! Мамонова! — скандировал Ярослав вместе со зрителями, много раз вызывая дебютантку на поклон. Ей подносили скромные букетики первоцветов, собранных в ближайшем Гремячевском лесу, а один парень где-то достал тюльпаны.

Смеляков написал в газету восторженный отзыв и поместил его в ближайшем номере, подписавшись псевдонимом Старик. Машенька всё больше занимала его воображение. Любовь это или простое увлечение, он не мог понять, но его неудержимо тянуло к ней, такой яркой и талантливой.

К Первомаю Ярославу выписали премию, причём не деньгами, а бонами. В коммуне на площади у бывшего монастыря был двухэтажный магазин вроде торгсина, где продавались за боны дефицитные вещи. Там Смеляков купил себе модный коверкотовый костюм бежевого оттенка и подходящий к нему кирпичного цвета галстук. В этом костюме он ходил теперь и на работу, и на прогулки.

Ясным субботним вечером Ярослав решил пригласить Машеньку в кино. Он пораньше поужинал в столовой, которая после семи работала как ресторан, пришёл в клуб к открытию кассы и взял два билета в последний ряд на семичасовой сеанс на лирическую комедию «Цирк» с участием Любви Орловой и Сергея Столярова.

На полшестого была назначена репетиция: театр коммуны готовился к спектаклю в Люберцах. Ярослав купил букет махровой сирени у бабушки-цветочницы и поспешил к репетиционному залу. Но подняться на второй этаж он не успел. К его удивлению, Мамонова с подружками уже выходила из дверей клуба на улицу. Девушки весело пересмеивались о чём-то своём.

— Привет! Репетицию отменили? — спросил Смеляков, протягивая Маше букет.

— Да, Николай Николаич позвонил. Его в театре поставили в сегодняшний спектакль. Какой-то актёр у них заболел. В понедельник репетировать будем, — ответила та, приняв букет как должное, и с удовольствием вдохнула аромат персидской сирени, цвет которой удивительно гармонировал с её голубым платьем.

Машенька улыбнулась и взглянула на Ярослава своими «звёздными» глазами. Но пригласить её на сеанс он не успел: следующее мгновение она уже смотрела куда-то в сторону.

— Андрюха... — нежно прошептала девушка. — Ну, всем пока! — она сунула букет подружке и устремилась к высокому красивому коммунару, который выходил из кассы клуба с двумя билетами.

Это был тот самый парень, который на премьере преподнёс ей тюльпаны. Андрей по-хозяйски обнял её за талию, и они прошли мимо в парк, никого не замечая. До обескураженного Ярослава донеслись обрывки их разговора:

— В последний... На семь.

— В поцелуйный! Здорово!..

Ярослав, стараясь не выдать своего огорчения, отдал билеты двум подружкам Маши:

— Девчата, сходите в кино.

— А сам что ж не идёшь?

— Не смогу. Срочные дела в редакции. К тому же фильм «Цирк» я уже видел в Москве. И ещё раз посмотрю, только не сегодня. Замечательная комедия!

— Спасибо! — обрадовались ничего не подозревавшие девушки и, попрощавшись с Ярославом, тоже пошли в парк.

— Ярочка, привет! — услышал он звонкий голос Тани Волковой, которая только что закончила работу в библиотеке.

— Привет, Вишня!

— У тебя костюм новый! Очень хороший!

— Купил с премии. А ты куда спешишь?

— Сначала домой ужинать, а потом на лодках кататься. Идут Аня с Лёвой, Вася Перепёлкин, Таня Слободчикова. Давай с нами!

— Нет, не могу. Мне надо отредактировать заметки рабкоров, — отказался Ярослав, решив сделать работу, запланированную на утро понедельника.

— Ну ладно, пока! Счастливо поработать, — Таня легко вскочила на велосипед и, помахав Ярославу рукой, помчалась домой.

Смеляков понуро поднялся в 12-ю комнату. «Хороша Маша, да не наша», — горько вздохнул он. Случись с ним такое до ареста, он бы, наверное, напился, чтоб расслабиться и обо всём забыть. Но здесь ему могла помочь только работа, и он принялся разбирать заметки рабкоров, разложил их по темам, отобрал те, которые пойдут в текущий номер. Дальше дело застопорилось. Мысли приняли поэтический оборот, нахлынули образы, и Ярослав принялся сочинять стихотворение. Он написал сначала одно четверостишие, следом другое, сделал несколько поправок в каждом из них, потом подумал, поменял их местами, добавил четыре стиха и перебелил:

*Солнечный свет. Перекличка птичья.
Черёмуха — вот она, невдалеке.
Сирень у дороги. Сирень в петличке.
Ветки сирени в твоей руке.*

*Чего ж, сероглазая, ты смеёшься?
Неужто опять над любовью моей?
То глянешь украдкой. То отвернёшься.
То щуришься из-под широких бровей.*

*И я, как дурак, в середине мая
в жаре и цветах, в предвечернем дыму
вдруг хохочу или вдруг вздыхаю,
согласно желанию твоему.*

Не окончив стихотворения, он открыл окно и поглядел в сторону пруда, откуда долетал аромат черёмухи и сирени, мелодии духового оркестра и гармошки. Больше поэтические строки не рождались, но те, что уже выплеснулись на бумагу, успокоили Ярослава, и он деловито принялся редактировать заметки. Обработав всю стопку, он аккуратно сложил листки возле пишущей машинки. Анна Ивановна Морозова послезавтра придёт на работу и быстро их перепечатает. Зато Смеляков, у которого в кармане лежала увольнительная до утра понедельника, теперь сможет заночевать

дома у матери и приехать в редакцию к 8-ми утра прямо из Москвы. А иначе ему бы пришлось возвращаться вечером, чтобы прийти в полседьмого и успеть подготовить задание для машинистки.

Без четверти девять Ярослав закрыл комнату, сдал ключ вахтёрше и пошёл к верхнему пруду. Гуляние было там в самом разгаре. Молодёжь каталась на лодках, танцевала, пела, люди постарше прогуливались вокруг пруда с детьми, пили газировку, ели мороженое. Смелянский гулял с женой Александрой Даниловной, непременной участницей всех коммунарских культурных и спортивных затей, и тремя детьми. Двухлетняя Леночка сидела у отца на плечах, а девятилетний Юра и семилетняя Инга, немного отстав от родителей, перебрасывались мячом. Ефим Павлович приветливо улыбнулся Ярославу:

— Как дела? В редакции засиделся?

— Да. Заметки к понедельнику готовил.

— Молодец, у тебя хорошо получается. Гуляй, братец, отдыхай теперь. А нам уже домой пора — малышку укладывать. До понедельника.

— До свидания.

Смелянский помахал рукой Перепёлкину, который катался на лодке с женой Раисой Павловной и дочками Машей и Раей, и пошёл домой, а Леночка, обернувшись, продолжала махать пухленькой ручкой «дяде Пасе», как она звала Павла Степановича. Тёплый ветерок забавно шевелил светлые кудряшки, обрамлявшие милое личико девочки.

На лодках катались и Таня Волкова с Илюниными, и Вася Перепёлкин со своей девушкой, и Машенька Мамонова с Андреем. Ярослав невольно вздрогнул, услышав её счастливый серебристый смех. Ваня Ерастов, сидя рядом с женой на скамье у пруда, играл на собственноручно собранном баяне импровизацию по мотивам старинных русских романсов. Вокруг Вани толпилась молодёжь, которая ему подпевала.

Солнце уже зашло, но сумерки оставались пока светлыми, на небе слегка розовели лёгкие перистые облака и одна за другой зажигались весенние звёзды, у пруда наливались матовым светом

шарики фонарей, а в кустах вспыхивали крошечные огоньки светлячков. Смеляков чувствовал себя уютно среди этих людей, которые строили здесь, как ему казалось, настоящий город-сад. Сделав несколько кругов у пруда и по дорожкам парка, он вернулся в общежитие. Соседи по комнате уже улеглись, а поэт всё сидел за столом и дописывал своё стихотворение, с ходу сочинив начало:

*Светом солнечным, светом лунным,
майскими звёздами освещена
не только Люберецкая коммуна —
вся наша Родина, вся страна.*

Перед его глазами оживала картина вечернего пруда, окрашенного нежными тонами заката, и одна за другой на бумаге появлялись строки:

*И кажется: вот ещё два мгновенья,
и я в этой нежности растворюсь,—
стану закатом или сиренью,
а может, и в облако превращусь.*

Концовку ему захотелось сделать всё-таки мажорной, созидательной:

*Не лучше ль под нашими небесами
жить и работать для счастья людей,
строить дворцы, управлять облаками,
стать командиром грозы и дождей?*

*Не веселее ли, в самом деле,
взрастить возле северных городов
такие сады, чтобы птицы пели
на тонких ветвях про нашу любовь?*

*Чтоб люди, устав от железа и пыли,
с букетами, с венчиками в глазах,
как пьяные между кустов ходили
и спали на полевых цветах.*

Стихи подняли ему настроение. Независимо от обстоятельств он испытывал ощущение счастья от самого процесса их сочинения. Набело переписав стихотворение и добавив название «Майские звёзды», Ярослав закрыл рабочий блокнот. Пусть стихи отлежатся немного, а потом он опубликует их в газете.

Заснул он на удивление быстро, утром бодро вскочил со звонком будильника и с одним из первых поездов поехал в Москву. На Казанском вокзале работало радио, передавали песни советских композиторов. Ярослава словно полосуло по душе объявление диктора: «Музыка Дмитрия Шостаковича, слова народные. «Песня о встречном». Нас утро встречает прохладой...» Это же стихи Борьки Корнилова! Что с другом? Где он? Жив ли? Из уличного автомата Смеляков позвонил Жене Долматовскому и Василию Васильевичу Казину, своему первому редактору, договорился с ними о встрече и поехал к матери.

К приезду сына Ольга Васильевна напекла блинов. Вкусно позавтракав и позабавившись с крошкой-племянницей Алёнкой, Зининой дочуркой, Ярослав отправился к Казину, куда приехал и Женя. Новости у них оказались плохие. От Павла Васильева вестей никаких — как сгинул в казематах НКВД. Бориса Корнилова тогда, в марте, в Ленинграде арестовали. О нём тоже ничего толком неизвестно. Друзья немного выпили в кафе за их освобождение, обсудили несколько стихотворений и разошлись как-то грустно.

Вернувшись в коммуны, Ярослав снова по уши окунулся в газетные будни. На заводе «Спартак» он однажды брал интервью у ребят-стахановцев, потом у начальника цеха. Во время беседы в кабинет вошла симпатичная молодая женщина из бухгалтерии отдать какие-то документы. Она была в синем английском костюме, белой блузке и элегантных туфлях-лодочках на стройных ногах.

— Спасибо, Валентина Аркадьевна. Быстро оформили, — поблагодарил сотрудницу начальник.

— Да не за что, — ответила женщина певучим голосом. — Обращайтесь, если что надо. До свиданья.

Она быстро вышла, мельком взглянув на Ярослава своими большими серыми глазами с бархатными ресницами и сверкнув белозубой улыбкой.

«На Тамару Макарову похожа, — отметил про себя Смеляков. — Сама улыбается, а глаза грустят».

Вечером он поехал в посёлок Красково на аэродром, где ребята из коммуны занимались в аэроклубе. На свои средства они в складчину купили самолёт У-2. Ярослав невольно залюбовался, как лихо один парень выполнял над аэродромом фигуры пилотажа и потом красиво посадил самолёт. Смеляков достал блокнот и пошёл знакомиться с пилотом. Это был высокий юноша спортивного вида, со светлыми волосами и ясными голубыми глазами.

— Федя Сметанин, — представился он.

— Давно в аэроклубе занимаешься?

— Почти два года.

— А работаешь где?

— На электрозаводе в коммуне.

— Лётчиком хочешь быть?

— Да, получу свидетельство аэроклуба и буду в лётное училище поступать. Извини, сейчас наши парашютисты прыгать начнут. Давай посмотрим.

В воздухе кружил самолётик Р-4, из которого один за другим прыгали коммунары, раскрывая в небе разноцветные грибки парашютов.

— Смотри, как точно вон тот паренёк приземлился! — сказал Ярослав Феде.

— Паренёк? Да это ж Анюта Кнутова! — улыбнулся Сметанин, вынул из сумки заранее припасённый букетик ландышей и помчался к девушке.

Та уже успела ловкими движениями свернуть и убрать парашют. Они подошли вместе к Ярославу. Он узнал, что Аня тоже года два занимается в аэроклубе, учится пилотажу, а свой первый прыжок совершила 12 декабря 1936 года. «Симпатичная, волевая девушка, с сильным характером, — решил Смеляков. — Не просто с ней будет Феде. Он-то, кажется, по уши влюблён,

а она к нему только как к товарищу относится. Но может быть, ещё завоюет её сердце. Время покажет, — вздохнул он, вспомнив своё безнадежное чувство к Машеньке Мамоновой, которая продолжала его игнорировать.

На днях он зашёл по делам в бухгалтерию жилищного отдела, где она работала счетоводом. Маша бойко щёлкала костяшками счётов, что-то записывала в ведомость и на него даже глаз не подняла. Её занимал лишь бурный роман с Андрюхой и спектакли в драмтеатре. Для Ярослава в её сердце не нашлось места даже как для приятеля.

В конце мая шахматный кружок коммуны пригласил дать сеанс одновременной игры молодого гроссмейстера Исаака Мазеля. Смеляков немного опоздал, протиснулся к окну, вдоль которого стояли столы с шахматными досками, и с интересом наблюдал, как мастер делает быстрые и точные ходы в каждой партии, как волнуются и потеют над ответными ходами его соперники. Гроссмейстер выиграл девятнадцать партий из двадцати и свёл вничью лишь одну — с работником совхоза Каменевым.

Вернувшись после сеанса в редакцию, Ярослав набросал по свежим впечатлениям короткую заметку и принялся за рассказ, чтобы разнообразить газету, сделать её интереснее для ребят. Он засиделся за полночь, но задуманное выполнил и даже сам перепечатал текст на пишущей машинке: черновик был настолько исчерпан, что так вышло быстрее, чем перебивать вручную для машинистки. Ему ведь очень хотелось поставить рассказ, названный «Поражение мастера», в текущий номер за 2 июня 1937 года. Смеляков ярко и точно передал атмосферу сеанса одновременной игры за исключением финала: у него мастер одну партию проиграл, поражённый красотой своей неопытной соперницы: «И они прошли мимо нас вдвоём — мастер и женщина — в майскую ночь, под звезды. И, перемежая улыбки и вздохи с гамбитами и дебютами, мастер подпрыгивал, как мальчик, и сиял».

Через день, когда газета с «Поражением мастера» вышла, к Ярославу во время обеденного перерыва подсел в столовой Ваня Ерастов и похвалил:

Шахматный кружок завода существовал полгода. На завтра назначили встречу с известным столичным мастером. Он согласился приехать и дать сеанс одновременной игры.

Я не шахматист. Но вчерами, устал от волн духового оркестра, кружения пар в танцевальном зале, грохота миллиардных шаров, упрямно не падающих в азарт, как будто им вдали за это, — заходил к шахматистам и, пользуясь тем, что в их комнате курили и молчали, покусывая папиросу, подолгу смотрел не столько на доски, как на важные лица игроков.

Я опоздал к началу сеанса. Знаменитый мастер с необычайной для этой медлительной игры быстротой двигал белые фигурки и вновь возникал перед начинавшим ряд бухгалтером на столько внезапно, что бедняк не успевал отмыслиться и лишь бессмысленно жевал трюбые губы.

Мастер был прекрасен, сосредоточен, молот. Рыжие курчавые волосы венчали его голову и заставляли забывать о маленьком угловатом росте. Слишком коротко брились позволяли всем увидеть новые шелковые носки, начинающие расцветкой два коротких выстрела в пол.

Кружковцы первичали, морщили лбы, загорались несбыточными надеждами, искали подвоха в простейших ходах мастера, а самые молодужные, серживая биче сердца, сланились не залого до середины игры. И видел, как у розовощекого мальчишки после каждого хода мастера брови неожиданно взлетали к самой вершине лба. Я видел, как наливались кровью затылки побеждаемых. Слоны перескакивали шахматные доски, лошади делали зыбелюпые скачки, пешки навалились от усталости и — чего скрывать — многие король позорно прятались в углубках за купеческие плечи туры, за слабые спины двух — трех равнодушных петок и робко выглядывали через их головы, ожидая немигнуемого ужасного

Мастер стремительно передвигал маленькие ноги и ступни деревянными фигурками. Он не сводил глаз с досок: белые и черные фигурки шпобались в его зрачках.

А за окном простиралась дивная майская ночь. Весенний ветер колыхал ветви деревьев. Из темноты выступали белые кусты черемухи. Крутом предала сирень. Недалеке, почти неслышно, журчала река. Из-за леса на темное небо со свистом взлетал рассыпающийся фейерверк. Девушки, опьяненные душистым томлением и вздохами, покорно опускали глаза, и под старыми деревьями на низких скамейках там и здесь всхливали поцелуй. Невозможно забыть этих ночей в середине мая!

Вот уже стался слесарь Васька, обломивший наконец зубья на белых лещках мастера. Тяжело вздохнув, ныбл в строя бухгалтер. Король табельщика Речкина позорно бежал от близкой гибели, покнутый защитниками и подругами. Староста кружка шныскал в листок фамилию очередной жертвы. Мастер неистовствовал. Кругом ваялись окурки и пешки. Оставляла неоконченной всего одна партия. Мастер, ожидая ответного хода, не-

нял глаза на партнера и увидал, что над доской, закусив губы, наклонилась девушка. И какая девушка! Черные легкие волосы, ясное нежное лицо, чуть-чуть поднятое плечо — во всем ее облике было столько очарования и зоронья! Он был отделен от нее целым полем, на котором ржали кони, и язг мечей заглушал гомоб трубы войны. Я следил за мастером и один во всем мире видел, как стоял он, сутулый, откинувшись назад, расставив руки, и глядел с восхищенным в упор круглыми голубыми глазами. А когда и она, оторвавшись от доски, улыбнулась ему в ответ — судьба последней шахматной партии была решена. Мастер победил, качнулся, и сдавленным голосом прошептал «сдаюсь», — быстрой рукою смешал фигурки.

Все ахнули! Девонка, которую обгтрисал каждый, которая месяц назад утверждала, что конь может ходить брауе через пять ваток, даа мат мастеру Соваз!

И они прошли мимо нас вдвоем — мастер и женщина — в майскую ночь, под звезды. И пережегая улыбки и влохп с губытами и дебютами, мастер подпрыгивал, как мальчик, и сиял.

Фотограф А. ПОЗДЕВА.

— Молодец! Интересный получился рассказ и очень поэтичный!

— Я рад, Вань, что тебе понравилось.

— Ты вообще больше печатай стихов и рассказов, Старик.

Для Ивана, как и для многих в коммуне, не являлся секретом псевдоним Смелякова, которым тот подписывал часть своих корреспонденций, чтобы его имя не пестрело на каждой странице газеты.

— Обязательно буду печатать — и мои, и других наших поэтов.

— Вот и замечательно!

В номере за 11 июня Ярослав поместил стихотворение «Майские звёзды». На следующий день его пригласил к себе в кабинет замполит Щербаков.

— Здравствуй. Проходи и садись, — сказал он, указывая жестом на стул. — Ты молодец, хорошо с газетой управляешься. Медова тобой довольна. Она на днях передаёт дела Пащенко. Уверен, что и с новым редактором ты сработаешься. Газета стала намного интереснее по сравнению с «Коммунарком», все говорят. Твои «Майские звёзды» хороши. Но теперь очень нужно, чтобы ты написал ещё одно стихотворение. Читал сегодня в центральной прессе о приговоре банде Тухачевского?

— Да, конечно.

Ярослав был в курсе последних публикаций, где всячески поносились «враги народа»: бывший маршал Советского Союза Тухачевский, командармы Якир, Уборевич, Корк и другие, арестованные в конце мая и в ходе следствия признавшие себя виновными в организации военного заговора с целью свержения советской власти и установления военной диктатуры, в шпионаже и измене Родине. 11 июня восьмерых «заговорщиков» осудили на смертную казнь и сразу расстреляли. В газетах описывалось всё так правдоподобно: и признательные показания, и сами «чёрные» дела Тухачевского с «подельниками». Но Ярослав не знал, насколько этому можно верить. Не укладывалось в голове, что прославленный со времён Гражданской войны командарм мог совершить такое. О жестоких методах ведения следствия в НКВД поэт знал не понаслышке. В лагере со Смеляковым сидело много «врагов народа», однако никто из них никакой антисоветской деятельностью не занимался.

— Так вот, — продолжил Михаил Петрович, — весь народ возмущён их злодеяниями. Мы скоро проведём собрание в поддержку решения Верховного суда. Напиши-ка к собранию стихотворение. Советую назвать его «Воля народа».

— Я попробую, но не уверен, что быстро получится, — замялся Смеляков, которому очень не хотелось сочинять такое стихотворение.

— Ты, братец, постарайся. Видишь ли, в Болшевской коммуны идут аресты. Там тоже, как выяснилось, есть враги народа. И там собрание пройдёт раньше, чем у нас. Да и тебе самому это важно. Не забыл ведь, за что тебя осудили?

— Вечером засяду, — понял намёк Ярослав.

Он остался, по обыкновению, на ночь в редакции, но откладывал до последнего «заказ» замполита. Сверстал полностью текущий номер, отредактировал несколько заметок в следующий и только потом попытался начать стихи. Но у него так ничего и не вышло. Строки получались казённые, вымученные. Промаявшись до трёх часов ночи, Ярослав уснул тяжёлым сном на кожаном диване ответственного редактора в 13-й комнате.

К собранию стихи написаны не были. Щербаков, узнав, что Ярославу не с чем выступить, укоризненно покачал головой и сказал:

— Ну ладно, напиши после и обязательно опубликуй в газете.

Собрание прошло шумно, руководство коммуны и все ребята, конечно, гневно осуждали заговорщиков. Их слова Смеляков «взял на карандаш» и написал-таки злополучное стихотворение, которое поместил в 21-м номере «Дзержинца». Заканчивалось оно так:

*И во веки веков, до скончания мира,
не померкнет сияние наших знамён.*

*Будь же проклята ложь тухачевских, якиров,
восьмерых уничтоженных нами имён.*

Ярослав понимал, что написал, наверное, худшие свои стихи, но он не мог не выполнить приказ замполита, которому подчинялся.

Прошло несколько дней. 23 июня в газете «Ухтомский рабочий» напечатали статью с запоздалым выпадом против рассказа «Поражение мастера»: «Газета «Дзержинец» сделала попытку дать «Литературную страницу». Но, по-видимому, редакция не сумела привлечь к газете читателей и ограничилась написанием «рассказа» сотрудника редакции Я. Смелякова. Причём рассказ явно неудачен и по форме, и, тем более, по содержанию».

Ярослав расстроился, хотя это был булавочный укол по сравнению со статьёй Максима Горького «Литературные забавы», опубликованной 14 июня 1934 года сразу в четырёх центральных газетах: «Правде», «Известиях», «Литературной газете» и «Литературном Ленинграде». Там цитировалось письмо некоего «партийца», а вернее — доносчика: «Несомненны чуждые влияния на самую талантливую часть молодёжи. Конкретно: на характеристике молодого поэта Яр. Смелякова всё более и более отражаются личные качества поэта Павла Васильева. Нет ничего грязнее этого осколка буржуазно-литературной богемы. Политически (это не ново знающим творчество Павла Васильева) это враг. Но известно, что со Смеляковым, Долматовским и некоторыми другими молодыми поэтами Васильев дружен, и мне понятно, почему от Смелякова редко не пахнет водкой, и в тоне Смелякова начинают доминировать нотки анархо-индивидуалистической самовлюблённости, и поведение Смелякова всё менее и менее становится комсомольским. Прочтите новую книгу Смелякова. Это скажет вам больше (не забывайте, что я формулирую сейчас не только узнанное, но и почувствованное)».

Слова о якобы беспробудном пьянстве Ярослава и «почувствованном» клеветником «анархо-богемском духе» его творчества и стали первопричиной ареста поэта. Следователь Павловский так и сказал ему на допросе: «Что же ты надеялся, мы оставим тебя на свободе? Позабудем, какие слова о тебе и твоём друге Павле Васильеве сказаны в статье Горького? Не выйдет!» Не мог забыть Ярослав и того унижительного заседания в Союзе писателей, когда собратья по перу в один голос осуждали Павла, открыто называя его врагом. Смеляков отчаянно пытался защитить друга, но все на

него так набросились, припоминая ему грехи, что вынудили замолчать и на словах согласиться с общим мнением.

Не получалось у Ярослава вычеркнуть из памяти и вульгарную девку, которая вскоре после того заседания настойчиво приставала к нему в ресторане, пока он несколько раз крепко не обматерил её, сообразив, что она специально подослана с целью его скомпрометировать. На следующий день проститутка подала в милицию заявление, будто Смеляков совершил над ней насилие. Свидетели дали показания в пользу Ярослава, но по кабинетам его потаскали изрядно. Пущенная продажной девкой клевета тогда вконец испортила репутацию молодого поэта в Союзе писателей.

Погрузившись в тревожные воспоминания, навеянные выпадом районной газеты, Ярослав не заметил, как в 12-ю комнату вошла Аня Илюнина с пачкой заметок в текущий номер «Дзержинца».

— Ярочка, ты что такой угрюмый? — озабоченно спросила она, но увидев в руках Смелякова газету «Ухтомский рабочий», всё поняла. — Из-за глупой статьи? Не бери в голову. Нам твой рассказ понравился. И стихи тоже.

— Ты права, пожалуй. Но я больше не из-за этого расстроился. Вспомнил про арест и допросы. Они ведь после статьи были, которую Горький написал. И девку подосланную вспомнил, — признался Ярослав.

Ане одной он доверял и позволял себе с нею откровенничать, не сомневаясь, что она никому ничего не расскажет, даже своей сестре.

— Та статья с клеветой была в центральной прессе и совсем о другом. А здесь так, местный бумагомарака от зависти накропал. Забудь и пиши новые стихи и рассказы. Вот тебе материалы в следующий номер «Дзержинца» и для стенгазет, — Аня положила на стол листки с заметками и стихами.

— Спасибо, сейчас займусь ими, — ободрённый Смеляков пододвинул к себе пачку.

— Яр, можно я пойду. Мне на занятие надо.

— Иди, Анют. А что у тебя за занятие? Интересное?

— Я занимаюсь математикой с Валей Климович из бухгалтерии. Ей скоро на курсах экзамен сдавать, но есть проблемы с этим предметом. Она у нас с 32-го года работала секретарём управляющего, а месяцев пять назад, после смерти мужа Сергея Макарова, её в бухгалтерию перевели. Она недолго была замужем, и мне привычней её называть по девичьей фамилии.

— А какая она из себя? — заинтересовался Ярослав.

— Красивая! Из донских казачек. На свою однофамилицу Тамару Макарову очень похожа. Видел «Семеро смелых»?

— Конечно. Тамара и в фильме «Люблю ли тебя» чудно играла. В 34-м смотрел его, до ареста. А Валентину я на заводе, кажется, встречал, — вспомнил Смеляков симпатичную женщину с грустными серыми глазами и ослепительной улыбкой в кабинете начальника цеха. — Её отчество Аркадьевна?

— Да.

— А что с её мужем случилось?

— Говорят, чем-то серьёзно заболел и умер. Но я точно не знаю, Валя сама не рассказывает. Сергей хороший человек был, умный, талантливый, юрист по профессии. Он приезжал из Москвы консультировать руководство нашей коммуны. Так с Валей и познакомился. В 36-м они поженились, комнату просторную им дали в бывшей монастырской гостинице «Париж». Но когда она овдовела, её отправили работать в бухгалтерию и переселили в маленькую комнатку в Клубном переулке.

— Ань, познакомь меня с ней.

— Ладно, только сначала спрошу у неё. Вдруг ещё не захочет ни с кем знакомиться после смерти мужа. До свиданья.

— Пока.

Валентина охотно согласилась познакомиться с Ярославом. Она читала его статьи, стихи и очерки в газете и, может быть, тоже помнила ту первую мимолётную встречу с ним на заводе «Спартак». Через несколько дней, когда она сдала экзамен, Илюнина познакомила их у проходной после работы. Сначала они гуляли вчетвером: Аня, её муж Лёва, Ярослав и Валя, но вскоре Илюнины заспешили домой, оставив Смелякова с новой знако-

мой. Побродив немного вокруг пруда, они пошли в кино на фильм «Цирк», который снова привезли в клуб. Возникла тема для общих разговоров. После сеанса Ярослав пошёл проводить Валентину, хоть её дом и находился почти рядом с клубом. Она вела себя сдержанно, но не скованно.

Они стали встречаться сначала изредка, а потом всё чаще. Смеляков чувствовал себя легко с этой удивительной женщиной. Она была на пять лет его старше. Между ними ощущалось родство душ, переживших немалые страдания. Валентина любила и умела слушать Ярослава: его рассказы, стихи, мнения о прошлых и настоящих событиях, — заразительно смеялась его шуткам, но сама не отличалась многословием, о себе рассказывала мало. Смеляков деликатно не расспрашивал её о покойном муже, понимая, насколько такой разговор тяжёл для неё. Им было хорошо вдвоём. Они могли долго гулять по окрестностям Николо-Угреши, по берегу Москвы-реки, разглядывать на Голюбовской горке, что у деревни Гремячево, замшелые староверческие надгробия, стоя под раскидистыми старыми соснами, молча любоваться панорамой окрестностей: изгибами реки, заречным старинным селом Остров с шатровой белокаменной церковью и другим селом Беседы, где церковь оставалась действующей.

Ярослава тянуло к Валентине, но он не сразу понял, что по-настоящему полюбил её: отголоски чувства к Машеньке всё ещё жили в его душе. В середине лета он снова был на спектакле «Слава», где блистала юная актриса, и 27 июля опубликовал в «Дзержинце» огромную хвалебную рецензию. А Валя вела себя по-прежнему строго, иногда в её глазах он улавливал какую-то отчуждённость и тоску. Наверное, её не отпускали воспоминания о Сергее Макарове. Оттого и сблизилась она с Ярославом небыстро.

А жизнь вокруг бурлила: коммуна готовилась к своему десятилетию. К юбилею планировали перевести музыкальную фабрику в новое четырёхэтажное здание. Многих ребят-коммунаров стали выпускать из коммуны, вручая им паспорта. Приятное, казалось бы, событие для большинства из них становилось испытанием, ведь они одновременно лишались коммунарской «мамы» и отныне сами

должны были платить за питание, общежитие и одежду. А некоторые коммунары, зная, что всегда будут накормлены и одеты, тратили свои немалые заработки — 400-500 рублей в месяц — в Москве на сладости и дорогое курево за несколько дней. В июле Смелянский привёз в коммуны целых два чемодана новых паспортов, которые и вручил на ближайшем субботнем общем собрании. Смеляков бы с радостью получил взамен бесплатных карточек паспорт и полную свободу, но до конца срока, истекавшего в апреле 1938 года, ему это не светило. Впрочем, «мама» помогала ему экономить деньги на помощь родной матери Ольге Васильевне и сестре Зине.

В преддверии праздника коммунары, привыкшие доверять друг другу, мало обращали внимания на критические статьи в местной прессе, а Ярослав внимательно следил за ней. Репрессировали секретаря райкома Павлова, и его дело бросило тень на бывшего с ним в дружеских отношениях Смелянского. 17 июля в «Ухтомском рабочем» Смеляков прочёл: «...в районе Павлов был не одинок. При его содействии в коммуны укрывался приёмный сын расстрелянного обер-бандита Каменева Глебов-Каменев... Брат Павлова жил и работал в коммуны, окружённый заботой, вниманием и покровительством Смелянского». Глебов, толковый инженер, работал на фибролитовом заводе и ни в чём предосудительном замечен не был, как и брат репрессированного секретаря райкома.

Через неделю Ярославу передали для публикации в 31-м номере газеты статью «Вооружимся бдительностью», направленную против якобы действовавших «врагов народа», которых недвусмысленно предлагалось «вытащить на солнышко» для «выкорчёвывания охвостьев фашистского подполья не только в районе, но и в коммуны», где «не особенно любят даже общие разговоры о бдительности к врагу». Это встревожило Смелякова. От газетчиков требовали, чтобы ни один материал о производстве или работе руководства не обходился без критики. Ярослав понимал, что рано или поздно в коммуны начнутся аресты. А пока руководство Хозяйственного отдела НКВД, которому подчинялась коммуна, только ограничило коммунарскую вольницу, упразднив бюро актива.

Празднование юбилея прошло 30 августа, в понедельник, очень весело. Утром открыли новое здание музыкальной фабрики. Работу на предприятиях закончили на час раньше — в четыре дня. Собрание было недолгим и очень торжественным. В зал попали не все, перед клубом толпились коммунары и жители посёлка, слушая выступления, которые транслировались на улицу. Смелянский и Перепёлкин говорили как всегда ярко и зажигательно об успехах коммуны, вручили почётные грамоты и объявили начало концерта самодеятельных ансамблей, театра и гимнастов. После концерта гулянье выплеснулось на улицу. Песни, танцы под духовой оркестр, катание на лодках, смех, поцелуи, яркие воздушные шары, улетающие в небо...

Ярослав с Валентиной закружились было в этом праздничном калейдоскопе, но скоро им захотелось уединиться. После двух первых танцев — фокстрота и танго — Валя предложила:

— Ярочка, давай к Москве-реке прогуляемся, на лодке покатаемся.

— Пойдём.

Они под руку прошли через весь парк, потом вдоль стены монастыря к берегу реки. У лодочной станции оказалось тоже многолюдно, и кататься Валя передумала. Они побрели подальше от шума по дорожке вдоль берега, остановились под толстой старой ракушкой и стали смотреть, как оранжевый диск солнца садится за излучиной реки. Начало смеркаться, и на продолговатых ивовых листьях засветились светлячки.

— Как красиво! Будто синенькие звёздочки, — восхитилась Валя.

— Смотри, Валенька, — Ярослав взял одного светлячка, который продолжал светиться у него в ладонях.

Она наклонилась, чтобы лучше разглядеть светящееся брюшко маленького жучка. Но огонёк вдруг стал тускнеть и скоро совсем угас. Смеляков бережно посадил насекомое обратно на ветку. Валя подняла свои сияющие глаза, их взгляды встретились, и Ярослав вдруг решил крепко обнять её и поцеловать.

Последнюю ночь августа они впервые провели у неё в комнате. Она любила горячо и как-то даже торопливо, а он был просто без памяти от нахлынувшего вдруг счастья. Потом Ярослав часто оставался у Вали и всякий раз находил в ней новые привлекательные черты. Но всё-таки сохранялась между ними какая-то психологическая грань, которую они не могли перейти.

Валя ничего не требовала от Ярослава, не намекала на заги, но до конца перед ним не открывалась. То она казалась беспечно весёлой, искромётной, порывистой, а то мелькала в её глазах глубоко затаённая печаль. Может быть, Валентина корила себя за то, что так скоро изменила покойному мужу. А Смеляков любил безоглядно, не думал о том, что может с ним случиться в ближайшем будущем, больше волнуясь о любимой. За дарованную судьбой красоту чувств, за это хрупкое счастье он даже готов был простить своих врагов, упёкших его за решётку. Мерцающие вечерами светлячки словно освящали их любовь особенным романтическим светом. И Ярослав сочинил о них стихи:

*У меня на руке дымится
то ли капля холодной воды,
то ли синенькая крупца,
улетевшая от звезды.*

*И стою я, врагов прощая,
оттого лишь, что тот огонь
так таинственно освещает
человеческую ладонь.*

*Но недолго он пламенеет,
этот узенький самоцвет:
всё печальнее, всё бледнее,
всё тревожнее слабый свет.*

*Он теперь уже светит глухо,
он совсем уже не горит.*

*То ли куколка, то ли муха
на ладони моей лежит...*

*Нет, не в шутку и не напрасно
я, целуя твои глаза,
всё тревожусь — как бы не сгасла,
не померкла твоя краса.*

Причины для волнения за Валентину были. И самые серьёзные. Сначала арестовали инженера Глебова. Сгустились тучи над Смелянским, с которым Макарова несколько лет работала. В сентябре он вернулся с районного собрания без партбилета: исключили «за потерю бдительности». С должности управляющего Ефима Павловича тут же сняли и вместо него назначили чекиста Осипова, ничем особенным не выделявшегося. Смелянский переехал с семьёй в свою московскую квартиру, был на приёме у Ежова, хлопотал о восстановлении в партии, за него просили друзья, но всё оказалось тщетно.

Начались аресты среди работников фибролитового завода. За решёткой с обвинениями по расстрельным статьям оказались директор Малахов, начальник отдела Сафронов, механик Разумов-Сергеев. Добрались и до завода «Спартак», где трудилась Валя. Чёрный воронок увёз помощника директора Маслова, калькуляторщика Емельянова, снабженца Эгле... Поводом для репрессий могла послужить любая производственная неурядица, объявленная вредительской: поломка станков, очереди на проходной, якобы недостаточная рентабельность фибролита.

Однако жизнь в коммуне продолжалась: и культурная, и спортивная, и трудовая. В преддверии двадцатилетия Октябрьской революции на предприятиях развернулось социалистическое соревнование. Сентябрьским днём в редакцию в обеденный перерыв зашёл Лёнька Пушковский. Он недавно стал по-новому затачивать резец и теперь давал в день больше трёх норм, тогда как другие и одну-то едва выработывали. Лёнька

принёс заметку с вызовом на соревнование всех комсомольцев коммуны. Ярослав тут же взял материал в текущий номер и решил написать о Пушкинском статью, вспомнив о своём обещании полугодичной давности. Придя на музыкальную фабрику, он убедился, насколько чётко, быстро и качественно работает на станке юноша. Ни одного лишнего движения, всё продумано до мелочей, никаких перекуров и отвлечений на разговоры. Статью «Стахановец Леонид Пушкинский» Ярослав подписал своим обычным псевдонимом Старик и поместил в следующем номере в большой полосе «Учитесь у лучших». Лёнька проснулся местной знаменитостью.

Несмотря на громкие успехи коммуны, репрессии усиливались. Незадолго до Нового года — 9 декабря — в числе других работников коммун арестовали Ефима Павловича Смелянского. Страшным обвинениям против него никто из коммунаров не верил, надеялись, всё вот-вот выяснится, их воспитателя отпустят и восстановят в партии. Но вместо этого Смелянского и почти всех ранее попавших в застенки НКВД по приговору «троек» расстреляли. В феврале приехал чёрный воронок и за Александрой Даниловной Смелянской, которую осудили как жену врага народа на 10 лет без права переписки. Её детей Ингу и Юру забрали в детдом, и только крошка Леночка осталась в коммуне с бабушкой.

Пытаясь защитить друзей, Перепёлкин сам лишился работы и партбилета. Расстреляли по обвинению в шпионаже его старшего брата Степана Степановича. Перепёлкин собрал чемодан и со дня на день в одиночестве ждал ареста в своей московской квартире. Жену и дочек он загодя отправил в коммуну, чтобы не травмировать их. Там Маша ходила в школу, а Раечка — в детский сад. Павел Степанович никому не жаловался на своё положение, ни у кого ничего не просил, поступая так, как сам учил воспитанников, которых наставлял: «Запомни! Никогда не жалуйся и не проси. Жизнь со временем сама всё расставит по местам». Пощады он не ждал: накануне забрали жену брата и племянника-подростка Женю, ведь по новому закону, принятому в 1935 году, полная уголовная ответ-

СТАХАНОВЕЦ ЛЕОНИД ПУШКОВСКИЙ

В 1931 г. с поезда, идущего на Украину, сошел мальчишка 12 лет, начавший самостоятельную жизнь. Вагон, в котором сжали его родители, паровоз потянул дальше. В этот день Лёня Пушковский стал беспризорником.

Четыре года он скитался по городам, ночевал, где понало, мерз, мучился, вел однообразную горькую жизнь заправского беспризорника.

В 1935 г. в Ростове молодого правонарушителя арестовали, отправили в детприемник, а оттуда забрали в трудовому. Пушковский стал коммунаром.

Его отправили на Музыкальную фабрику подносить материал в машинный цех. Парнишка оказался любознательным и способным. Он приглядывался к работе станочников. Когда станочники уходили в курительную комнату, он по несколько минут работал на станке. И через два месяца, в феврале 1936 г., начал работать самостоятельно, выучившись без чьей-либо помощи, неожиданно для многих.

Работал и учился. Окончил семилетку и получил премию за хорошую учебу. В день 19-й годовщины Великой Социалистической революции подыл заявление о приеме в ряды Ленинского комсомола и вскоре получил комсомольский билет. В это время Пушковский давал 140—145 проц. выработки в среднем. По окончании годовой программы фабрики получил премию за высокопроизводительную качественную работу.

С начала этого года комсомолец Пушковский вошел в ряды стахановцев. Стал выполнять норму на 170—180, а потом на 200—220 проц. в среднем за месяц.

Сентябрь объявили стахановским месяцем. Стахановец Пушковский в первый день сентября сделал пять норм. В среднем за I декаду 320 проц. Показатели прекрасные! Однако, во II декаде показатели снизились до 234 проц. В III декаде будет процентов 200—220. В чем же дело? Почему производительность одного из лучших стахановцев фабрики снижается день ото дня? Винают в этом, во-первых, Деревообделочный завод, снабжающий цех несвоевременно материалом низкого качества, и во-вторых, отдел меха-

ника, задерживающий ремонт оборудования. По их вине стахановец Пушковский стоял в сентябре без работы по целым суткам. Его отличные показатели (около 250 проц. в сентябре) могли быть чуть ли не вдвое выше!

В чем же секрет работы Пушковского? Рабочий день у него уплотнен до предела. Он не ходит курить, не занимается разговорами. Каждый день приходит на работу за десять минут до звонка и подготавливает рабочее место. Начинает вместе со звонком. Он провел почти неаппетитную рационализацию, которая дает большой производственный эффект: заменил старое сверло сверлом для железа, специально наточив его. Работа пошла легче и быстрее.

Необходимо отметить еще одно достоинство Пушковского. Он никогда не остается работать в обеденный перерыв или по окончании смены. Кончатся и начинает вместе со звонком. А этого, к сожалению, нельзя сказать о многих наших стахановцах.

В дни предоктябрьского соревнования Пушковский взял обязательно дивать не менее 250 проц. нормы ежедневно при хорошем качестве и вызвал на соревнование всех комсомольцев коммуны. Этот вызов напечатан в прошлом номере газеты. Думаем, что комитет комсомола, все комсомольцы коммуны достойно ответят на него. Думаем, что Пушковский с товарищами значительно перевыполнят свои обязательства, если им создадут должные условия работы.

Самым любимым оправданием плохой работы большинства наших руководителей служит надоевшая, затасканная песенка об отсутствии кадров. Никого, видите ли, выдвигать, не на кого положиться! Смысл этих песенок заключается в том, что руководители не знают своих рабочих. На наших заводах, в наших организациях, в наших совхозах работают тысячи прекрасных советских людей, грамотных, аккуратных, деловых, преданных до последней капли крови партии Ленина—Сталина. Учитесь видеть их.

СТАРИК.

ственность наступала уже с 12 лет. Морозной февральской ночью чуткий сон Павла Степановича прервал телефонный звонок:

— Здравствуйте. Узнаете?

— Да, — глухо сказал Перепёлкин, узнав по голосу своего воспитанника Колю, который после выпуска из коммуны учился в школе НКВД и работал в Бутырке. Звонил смелый парень явно из автомата.

— Приходите завтра к известному вам подъезду точно в девять утра. На моих сейчас двадцать три сорок пять.

— Приду.

— Будьте осторожны. До свидания.

В трубке слышались короткие гудки. Так и не уснув до утра, Павел Степанович вышел из дома пораньше, минут пятнадцать петлял по улицам и, убедившись, что за ним нет слежки, поехал к тюрьме. Снова побродив по переулкам, выходящим на Новослободскую улицу, он минута в минуту подошёл к нужному подъезду. Дверь открылась, и к нему на руки буквально упал его до смерти перепуганный племянник. Перепёлкин как ни в чем не бывало поправил Жене шарф и шапку, взял его за руку и спокойно повёл к трамвайной остановке. К счастью, тут же подошёл трамвай, и они поехали на Казанский вокзал. Везти мальчика на московскую квартиру было небезопасно, и Перепёлкины отправились на поезде в коммуну. Здесь они перевели дух. В кармане племянника обнаружались недооформленные документы на арест. Они тут же полетели в печь. В другом кармане оказалась метрика. Спасая Женю, Коля очень рисковал, но теперь Павел Степанович перестал беспокоиться за воспитанника: вряд ли ребёнка хватятся в следственном изоляторе, ведь никаких документов о его аресте не осталось. Счастье, что племянника привезли в Бутырку в Колино дежурство.

В коммуне от работавших в органах бывших воспитанников уже знали о грозящей Перепёлкину опасности. Он многих ребят в своё время спас от тюрьмы и беспризорной жизни, а теперь пришло время спасти его самого. И коммуна забурлила. В обеденный перерыв в столовой Смеляков, который сам не был хорошо знаком с Перепёлкиным, только и слышал:

— Давайте поручимся за Павла Степаныча! Никакой он не враг, а преданный партиец!

— Брата расстреляли, а он-то тут причём? Брат не с ним работал, а в управлении шоссейных дорог.

— Перепёлкин нас выручал, давайте за него ходатайствовать.

— Товарищи, помните, как его квартиру ограбили и на нас в органах подумали? А Павел Степаныч сказал, мол, нет, не мои коммунары украли, лучше ищите. И вправду ведь скоро домушников, обчистивших его хату, нашли.

— И за нас он в 35-м поручился, когда мы свистнули ожерелье супруги Ромена Роллана на даче у Горького. Он нам сделал «страшные глаза», и мы в сад это ожерелье подбросили. И обошлось. Перепёлкин в тюрьму нас не упёк, поверил.

— Все под ходатайством подпишемся!

— Ребята, не шумите. Так делу не поможешь, — сказал Гриша Миронов, который работал в НКВД и приехал в коммуны в увольнение. — Соберём актив после смены в красном уголке общежития и составим ходатайство. Все желающие, кто в коммуны пришёл до 35-го года, когда Павел Степаныч управляющим был, подпишут. Добровольно. Никого заставлять не будем.

На том порешили и разошлись по цехам. Ярослав отправился в редакцию и до десяти вечера верстал текущий номер. Сделав самое необходимое, он поспешил не к Валентине, а в общежитие: вдруг понадобится его помощь. Честно говоря, он не верил, что удастся выручить Перепёлкина, но в стороне от хорошего дела оставаться не хотел, несмотря на то что его подпись под ходатайством не требовалась. Да и фамилия обязывает: пусть ребята не подумают, что Смеляков струсил.

Когда он появился в красном уголке, коммунары уже составили и от руки переписали бумагу. Ваня Ерастов, первым заметив приятеля, обрадовался:

— Яра, молодец, что зашёл. Посмотри наше ходатайство. Может, что посоветуешь?

— Сейчас посмотрю, только вы не гомоните, дайте сосредоточиться, — Ярослав сел за стол к настольной лампе и быстро пробежал глазами сочинённую бумагу. — Товарищи, вы в целом правильно написали, но только длинновато и как-то сумбурно. Надо чётче и короче. Начальство длинных бумаг не любит.

— Ты прав, — откликнулся Гриша Миронов, — и я о том же говорил. Поможешь отредактировать?

— Конечно. Только вы мне не мешайте, лучше подписи идите собирать.

— Да мы уже вон сколько собрали, — Лёнька Пушкинский указал на скоросшиватель с листами. — И ещё несут. Ребята, давайте выйдем на полчаса, не будем Яре мешать.

В красном уголке остался только баловень общежития Рыжик, развалившийся прямо на столе. Смеляков почесал кота за ушком и под мурлыканье стал вчитываться в ходатайство. Лишние подробности он вычеркнул, некоторые пункты переставил местами и отредактировал так, чтобы текст уместился на одном машинописном листе. Закончив работу, он позвал ребят и прочёл вслух, что получилось.

— Очень хорошо, — похвалил его Миронов. — Всё убедительно и по делу. Надо переписать, а лучше перепечатать на машинке. Но где это сделать? В общаге машинки нет.

— Можно в редакции, — предложил Смеляков. — А к которому часу надо?

— Не позднее полвосьмого завтра выезжаю, к девяти должен быть на Лубянке, — ответил Гриша.

— Ребята, сейчас уже поздно идти, а утром охранник раньше полседьмого клуб не откроет. Мне самому так быстро не напечатать, я ж не машинистка, — огорчился Ярослав.

— А я наверняка успею, — вызвалась Лора Копорова. Она ещё до поступления в коммуны была квалифицированной машинисткой. Однажды её застучали за левой работой и осудили на три года, но отправили, к счастью, не в тюрьму, а в коммуны.

Утром Лора не заставила себя ждать, и в шесть тридцать они с Ярославом уже сидели в редакции. Под его диктовку девушка

строчила ходатайство, как автомат, и без единой поправки. Они даже успели в столовую на завтрак. Туда же коммунары, которые жили не в общежитии, а в отдельных комнатах, принесли листы со своими подписями. Гриша собрал бумаги, пронумеровал их и увёз в столицу. В девять утра папка уже лежала на столе у начальника Хозяйственного отдела НКВД, которому подчинялась коммуна.

«Случится чудо, если это поможет», — думал Смеляков, не веривший в успех затеянного дела. Однако ходатайству коммунаров дали ход, и чудо всё-таки произошло. Павел Степанович уехал в Москву и продолжал ждать по ночам ареста. Но воронок за ним прислали утром и повезли без наручников и чемодана не на Лубянку, а в коммуны. В кабинете нового управляющего Иосифа Петровича Осипова комиссия НКВД, состоявшая из бывших сослуживцев Перепёлкина, объявила решение по его делу. Наказание было на удивление мягким: исключить из партии сроком на один год за потерю бдительности, лишиться всех чинов и должностей, отправить с семьёй на постоянное жительство в деревню Ольгино, что рядом с посёлком Железнодорожный Московской области. Там Павлу Степановичу предстояло работать дворником на новых уборочных машинах. Он простился с воспитанниками и скоро перебрался на место ссылки. Его брат Вася, племянник и мать остались жить в коммуне. От них коммунары и узнавали новости о Перепёлкине, который, по своему неписаному правилу, никому не жаловался и ни о чём не просил, но благодаря деловым качествам и золотому характеру скоро выдвинулся и на новой работе. Смеляков ничуть не удивился тому, что через год, когда Павлу Степановичу вернули партбилет, он создал в Железнодорожном Управление по уборочной технике, а вскоре стал заместителем управляющего коммунального хозяйства Раменского района.

Немного успокоился Ярослав и в отношении своей Валентины, ведь секретаршу Смелянского Артамонову органы не тронули, из бухгалтерии «Спартака» никого не арестовали. И хотя отдельные аресты шли в коммуне весь 38-й год, Вале серьёзная

опасность, похоже, не угрожала. По счастью, репрессии не затронули никого из их близкого окружения в коммуне.

В апреле срок у Ярослава закончился, и ему выдали паспорт. Пришлось расстаться с карточками коммунаской «мамы», но он несколько не сожалел. Теперь, когда ему возвращены гражданские права, можно без всяких увольнительных ездить в Москву к матери и по делам, можно запросто в воскресенье поехать с Валентиной в любой московский парк, на Всероссийскую сельскохозяйственную выставку, встречаться с друзьями-поэтами. Можно снова печататься в столичных изданиях и восстановиться в Союзе писателей. Казин попытался прощупать почву на этот счёт, но ему намекнули: мол, рановато, пусть ещё годок в многотиражке поработает. Смеляков и сам пока не рвался на работу в Москву, ведь тогда бы он стал редко видеться с Валентиной.

В клубе жизнь по-прежнему была ключом. Театральный сезон был в разгаре. Готовилась постановка трагедии Беляева «Псиша». На главную роль бывшей крепостной актрисы Лизы Огоньковой (Псиши) Виноградов назначил, конечно, Марию Мамонову. Роль её возлюбленного Ивана Плетня, танцора крепостного театра, досталась Лёве Илюнину, а Петя Мысин играл владельца театра помещика-крепостника Калугина. Шли репетиции, но Смеляков не спешил на них, как в прошлом году, когда увлекался Машенькой. Иногда он видел её в фойе клуба. Раньше она была всегда весела, как птичка, а теперь всё чаще грустила и ни с кем не делилась причиной такого настроения. Местные сплетницы гадали, чем же оно объясняется: глубоким погружением в трагическую роль или ссорой с Андреем, который давно считался её женихом. Парень получил паспорт и куда-то уехал из коммуны.

Впрочем, Ярослав особо не интересовался личной жизнью Маши. На апрельскую премьеру он пошёл с Валентиной. Спектакль превзошёл его ожидания. Все актёры играли очень хорошо. Машенька настолько глубоко перевоплотилась в свою героиню, что Смелякову казалось, будто он находится не в зрительном зале клуба, а в помещичьей усадьбе в XVIII веке и является свидетелем происходящих наяву событий. Вот приезжает в село

Лиза Огонькова в надежде, что Калугин благословит её брак с Иваном. Она встречается с возлюбленным и вся светится от счастья. Вот к ней пристаёт со своими признаниями и предложением выйти замуж жестокий крепостник Турка, которого она ненавидит. И огромные глаза актрисы выражают живое страдание! Лиза с Иваном бегут, но они выданы Калугину и пойманы. Озверевший помещик приказывает забить плетью Ивана на глазах у Псиши. Он погибает, а девушка сходит с ума. Сумасшествие своей героини Мария представляет так натурально, что Смелякову на миг становится страшно за рассудок самой актрисы...

Занавес опустился. В зале несколько мгновений царит тишина, а потом раздаётся гром оваций! «Мамонова! Мамонова! Илюнин!» — кричат со всеми Ярослав с Валентиной. Артисты выходят на поклоны, и последней выбегает Машенька. Она улыбается, а в её выразительных глазах блещут алмазные бусины слезинок. На сцену летят букетики подснежников...

После спектакля Смеляков пошёл с Валентиной в её комнатку в Клубном. Валя на скорую руку приготовила яичницу с колбасой, намазала хлеб маслом, вскипятила на примусе чайник. За ужином Ярослав только и говорил о прекрасной игре Мамоновой, расхваливал её выразительные глаза, жесты, костюмы. И вдруг он заметил, что Валентина чем-то огорчена, смотрит на него как-то холодно, отчуждённо, а улыбается неестественно, через силу. «Ревнует», — догадался он и сразу перевёл разговор на другую тему:

— Что это я всё о её глазах? Твои глаза прекраснее, Валенька. Хочешь, я тебе прочту новые стихи? Они, правда, пока не окончены.

— Прочти, Ярочка. Я вся внимание, — оживилась она.

Смеляков открыл блокнот с черновиком стихотворения «Лирическое отступление». Он не хотел прежде времени показывать его любимой женщине, собираясь сначала опубликовать в журнале и преподнести номер ей. Так вышло бы эффектнее. Но теперь, чтобы успокоить её, стал декламировать проникновенным баритоном:

*Валентиной
Климовичи дочку назвали.
Это имя мне дорого —
символ любви.
Валентина Аркадьевна.
Валенька.
Валя.
Как поют,
как сияют
твои соловьи!*

Читая, Смеляков видел, как теплеют Валины глаза, светлеет улыбка.

— Дальше у меня несколько строф совсем в черновике, — он показал Вале исчерканные странички блокнота, — а вот эти вроде уже готовы:

*Если б звонкую силу,
что даже поныне
мне любовь
вдохновенно и щедро даёт,
я занёс бы
в бесплодную сушу пустыни
или вынес
на мертвенный царственный лёд,
расцвели бы деревья,
светясь на просторе,
и во имя моей,

Валентина,
любви
рокотало бы

тёплое синее море,
пели в рощах вечерних
одни соловьи.*

*Как ты можешь казаться
чужой,
равнодушной?
Неужели
забавою было твоей
всё, что жгло моё сердце,
ковёркало душу,
всё, что стало
счастливою мукой моей?*

*Как-никак —
а тебя развенчать не посмею.
Что ни что —
а тебя позабыть не смогу.
Я себя не жалел,
а тебя пожалею.
Я себя не сберёг,
а тебя сберегу.*

— Ярочка, спасибо. Так красиво и нежно! Прямо сердце замирает, — растрогалась Валя.

Она с разрешения Ярослава полистала его блокнот и наткнулась на черновик другого стихотворения:

— «Давным-давно, ещё до появления...» — стала она читать, но дальше из-за исправлений разобрать не смогла.

— Эти стихи тоже о тебе, но они совсем сырые, я даже ничего не перебелил, — смутился Смеляков.

— Ну прочти хоть несколько строк. Ну пожалуйста.

— Ладно, слушай:

*Давным-давно, ещё до появления,
я знал тебя, любил тебя и ждал.
Я выдумал тебя, моё стремленье,
моя печаль, мой верный идеал.*

*И ты пришла, заслышав ожиданье,
узнав, что я заранее влюблён,*

*как детские идут воспоминанья
из глубины покинутых времён.*

— А дальше только наброски, — закончил Смеляков.

— Не могу надивиться, как это у тебя так здорово стихи получаются? — восхитилась Валентина. — Я бы сама ни строчки не смогла сочинить. А твои стихи мне очень легко запомнить. Какое чудное стихотворение у тебя о матери! Ты будто и о моей маме написал:

*Добра моя мать. Добра, сердечна.
Приди к ней — увенчанный и увечный —
делиться удачей, печаль скрывать —
чайник согреет, обед поставит,
выслушает, ночевать оставит:
сама — на сундук, а гостям — кровать.*

*Старенькая. Ведь видала виды,
знала обманы, хулу, обиды.
Но не пошло ей ученье впрок.
Окна погасли. Фонарь погашен.
Только до позднего в комнате нашей
теплится радостный огонёк...*

Настал черёд растрогаться Ярославу. Она читала просто и сердечно, без всякой театральности, и слушать её певучий грудной голос было невыразимо приятно — до мурашек по спине. И в эту ночь они были особенно нежны друг с другом.

Маша Мамонова отыграла в апреле-мае все намеченные спектакли с большим успехом. Вокруг неё после отъезда Андрея снова роились поклонники и ухажёры, а она всё грустила и никому не подавала надежды. Однажды Смеляков, выходя из редакции, невольно услышал её разговор с подругами:

— Маш, ну что у тебя глаза на мокром месте. Уехал и из сердца вон. Не мучь себя. Других парней полно.

— И правда, Маш, забудь этого Андрюху. Больно мнит о себе. Недостоин он тебя.

— Не могу я, девчонки. И хотела бы забыть его, да не выходит, — отвечала им Мария со слезами в голосе.

Причина её горя в июне стала видна всем: она оказалась на пятом месяце беременности. Ярослав не был злопамятен и жалел Машу. Дома родители девушку простили, но старухи из окрестных деревень, ходившие в коммуну кто за покупками, кто за внуками в детсад, шептались за её спиной, показывали на неё пальцем. Всех ухажёров как ветром сдуло, кроме одного, которого она раньше игнорировала. Это сапожник Проворов, парень невидный, но искусный мастер и всегда при деньгах. Он дарил Мамоновой цветы и носил гостинцы, несмотря на её интересное положение. И сплетниц умел приструнить. В коммуне он не состоял и нецензурных выражений не стеснялся: «Цыц, такие раз-этакие! Заткнитесь! Сами-то по молодости лучше, что ль, были? А ещё в Беседы в церковь ходят! Что там поп говорит? Не судите да не судимы будете. А вы, так вас этак, только и знаете, что всех судить-рядить».

Бабки при виде сапожника умолкали, побаиваясь, что он перестанет шить и чинить им обувь: другого такого хорошего мастера в округе не было. Постепенно сплетни сошли на нет. Осенью Мария родила сына Рому. Проворов продолжал свои ухаживания за нею, и теперь она принимала их с благодарностью.

Жизнь Ярослава и Валентины в 38-м году шла по накатанной колее. Почти всё время у Смелякова отнимала работа в газете, ведь необходимо было освещать многообразие происходивших в коммуне событий.

С сентября поселение коммуны стало официально именоваться Дзержинским рабочим посёлком. Однако его ещё долго называли коммуной. Новое просторечное название Дзержинка прижилось не сразу. В добавление к бюстам и памятникам Ленину, Сталину и Горькому здесь открыли памятник Дзержинскому, заложенный в сквере у верхнего пруда осенью 37-го года. В июне 38-го первые дипломы инженеров вручили во втузе при электротехническом заводе.

Многих знакомых коммунаров выпускали из коммуны, выдавали им паспорта. Некоторые из них находили себе работу в других городах и уезжали из посёлка. Среди них и Лёнька Пушкинский. Работать на музфабрике ему стало неинтересно. Искусных старых мастеров репрессировали, и фабрика перестала выпускать уникальные инструменты, переключившись на ширпотреб.

Одних ребят забирали служить в армию, другие поступали в институты и училища. Членов коммуны становилось всё меньше. Покидали посёлок и некоторые вольнонаёмные. Федя Сметанин стал курсантом лётного училища. Он уехал один: Аня КнUTOва не приняла его предложение руки и сердца.

В последних числах декабря 38-го года Хозяйственный отдел НКВД постановил преобразовать подчинённые ему коммуны в производственные комбинаты. Но сначала это мало повлияло на жизнь посёлка, а потом здешнее промышленное производство стали постепенно перепрофилировать на выпуск военной продукции.

В 39-м году репрессии поутихли. В мае большую группу работников комбината наградили орденами и медалями. Самую высокую награду получил управляющий Осипов — орден Ленина. А для Смелякова лучшей наградой стало долгожданное восстановление в Союзе писателей СССР. Произошло это при поддержке председателя Президиума Александра Фадеева в июле 39-го года. Стихи Ярослава начали публиковать центральные газеты и журналы: «Молодая гвардия», «Литературная газета», «Огонёк», «Красная новь».

Однако вместе с гражданскими правами Смеляков обрёл и обязанности. Началась финская война. Поселковских ребят, кто не имел брони, одного за другим призывали в действующую армию. Декабрьским утром в дверь редакции постучал курьер из Ухтомского райвоенкомата.

— Да-да, входите, — откликнулся Ярослав.

— Товарищ Смеляков Ярослав Васильевич? — спросил курьер.

— Так точно.

— Вам повестка, распишитесь вот здесь.

Ярослав расписался и прочёл повестку. Явиться с вещами предписывалось на следующий день к восьми утра в Люберцы на сборный пункт.

Смеляков написал заявление об увольнении в связи с призывом в армию и завизировал у ответственного редактора Дубровского. Отдав Анне Ивановне Морозовой на перепечатку законченные газетные материалы, он пошёл к коменданту и, получив обходной лист, принялся сдавать то, что за ним числилось. Вернул книги в библиотеку, заглянул в гараж, где уже полтора года работала Таня Волкова. Простившись с Вишней, он снова зашёл в редакцию и застал там Аню Илюнину: она была беременна и задержалась на приёме в женской консультации.

— Ярочка, жаль расставаться. Воюй храбро, но не лезь на рожон понапрасну. И возвращайся к нам. Будем тебя ждать, — от души пожелала Аня.

— И ты береги себя, Анют. И роди крепкого пацана. До свиданья.

К концу рабочего дня сборы были окончены. Смеляков сдал коменданту койку в общежитии, собрал всё необходимое в вещмешок, летние вещи сложил в небольшой чемоданчик и понёс к Валентине. Ей уже передали, что Ярослав получил повестку, она приготовила ужин и с нетерпением ждала его. Валя понимала, что ему надо проститься с матерью и он не останется ночевать. Она проводила его как настоящая казачка — без слез и причитаний. Убрала на антресоли чемоданчик, вкусно накормила. Они крепко обнялись, поцеловались на прощанье, и Валя тихо сказала:

— Я буду тебя очень ждать. Пиши.

— Обязательно напишу. Можно я возьму твоё фото?

— Конечно, — она достала из рамочки снимок и сама положила ему в нагрудный карман. — Иди, Яра, а то на последний автобус опоздаешь.

Они простились у дверей. Ярослав пошёл на площадь, где останавливался автобус. Немного отойдя, он остановился за-

курить, оглянулся на знакомое окно, светящееся в темноте, и увидел, что Валя перекрестила его. «Как мать», — подумал Смеляков и, помахав ей рукой, быстро зашагал по освещённому фонарями заснеженному тротуару вниз к остановке...

Финская кампания оказалась неожиданно тяжёлой. Маленькая обречённая страна отчаянно сопротивлялась, и Красная армия, имея значительное превосходство в численности и технике, несла большие потери убитыми, ранеными, обмороженными, больными. Финляндия капитулировала только 13 марта 1940 года, удовлетворив все территориальные претензии СССР.

Смеляков воевал честно и отважно, за чужие спины не прятался. В январе во время затишья он написал два коротеньких письма матери и Валентине, а когда началось наступление на линию Маннергейма, стало уже не до писем. Ярославу повезло: пули его не задели, болезни и обморожения обошли стороной. Но скольких его товарищей по оружию поглотила эта короткая кровопролитная война! Он бережно хранил в нагрудном кармане фото Валентины и свой походный блокнотик со стихотворением «Луна закрыла горестные тучи...», посвящённым погибшим, и другими стихами, набросанными в перерывах между боями.

Весной 40-го года Смелякова демобилизовали, он вернулся в Москву и поселился на квартире у матери. Друзья возобновили хлопоты за него, и Ярослава приняли наконец на работу в аппарат Союза писателей инструктором секции прозы. Пока он воевал, в «Молодой гвардии» вышла подборка его стихов, написанных в коммуне. Смеляков прихватил журнал с собой, когда поехал в Дзержинку выписываться из общежития и проведать Валентину: сильно по ней соскучился.

Она очень обрадовалась его приезду и поэтическому подарку. И вслух тихо, почти про себя, прочла последние строфы стихотворения «Давным-давно»:

*Благодарю за смелое ученье,
за весь твой смысл, за всё — за то, что ты*

*была не только рабским воплощеньем,
не только точной копией мечты:*

*исполнена таких духовных сил,
так далека от всякого притворства,
как наглый блеск созвездий бутафорских
далёк от жизни истинных светил;*

*настолько чистой и такой сердечной,
что я теперь стою перед тобой,
навек покорённый человеческой,
стремительной и нежной красотой.*

*Пускай меня мечтатель не осудит:
я радуюсь сегодня за двоих
тому, что жизнь всегда была и будет
намного выше вымыслов моих.*

Они проговорили весь вечер о том, как Смеляков воевал, о событиях в посёлке и общих знакомых. Он остался у Валентины ночевать, любил её так же самозабвенно и страстно, как раньше, и она ему отвечала не менее горячо.

Ярославу казалось, что чувство его к ней ничуть не померкло, но он ошибался. Это был последний взлёт их любви. Утром поэт простился с Валентиной, обещая часто приезжать. Они вместе вышли из дома: она — на работу, он — в паспортный стол со своим чемоданчиком, всю зиму хранившимся у неё.

Получив паспорт со штампом о выписке, Смеляков уехал в Москву, принялся там хлопотать о прописке, о постановке на учёт в военкомате и вскоре получил все необходимые советскому гражданину документы. Потом новые дела, сердечные увлечения, творческие командировки, подготовка сборника стихов захватили его так, что времени не находилось съездить в Дзержинку. Сама Валя не звонила, не в её правилах было навязываться. Её образ и воспоминания о годах, проведённых в

коммуне, стали отдаляться, уходить в прошлое. Нет, он не забыл ещё недавно так горячо любимую женщину. Проводя отпуск в Крыму, Ярослав купил ей, как и сестре Зине, дорогой флакончик настоящего розового масла и баночку душистого горного мёда, намереваясь навестить в посёлок сразу после возвращения в Москву. Но поэтические вечера, заседания, застолья, командировки, текущая работа в Союзе писателей, собственные стихи и статьи, которые он часто писал по ночам, снова закрутили его. Положа руку на сердце, он мог бы выкроить время, но всё откладывал поездку.

Подходил к концу сентябрь, когда Смеляков наконец понял, что если в предстоящее воскресенье не поедет к Вале, то потом так и не выберется в Дзержинку. В субботу он позвонил Валентине на работу:

— Привет. Извини, долго не мог попасть к тебе. Работы много. Завтра в двенадцать буду у тебя.

— Приезжай, Яра, жду, — ответила она вежливым и непривычно холодным тоном.

В воскресенье вечером поэт отправлялся в очередную командировку, поэтому собрал вещмешок, чтобы из Дзержинки сразу ехать на вокзал. Он долго прождал автобус в Люберцах и добрался до Валиного дома только в половине первого. У неё, как всегда, был готов вкусный обед. Она встретила улыбкой, благодарила за подарки, сразу надушилась розовым маслом, но на поцелуй ответила сдержанно. Ярослав оживлённо рассказывал ей о своей работе, о друзьях, о готовящемся сборнике. Она слушала его, не перебивая, гостеприимно подкладывала в тарелку лучшие кусочки. Но за её внешним радушием таилась отчуждённость, которая чувствовалась во взгляде по-прежнему прекрасных больших глаз. Густые длинные ресницы, казалось, затеняли блеск этих серых глаз, придавая им печальное выражение. Валя оживилась, только когда Смеляков читал ей свои крымские стихотворения и «Казачью походную» — песню, пока не положенную на музыку. Краем глаза он заметил, что журнал «Молодая гвардия» с его стихами лежит у неё на прикроватной

тумбочке. О себе Валя говорила мало: мол, всё у неё хорошо. Ни в чём не упрекала, ни о чём не просила. Ярослав не мог понять, обижена ли она его долгим отсутствием или её любовь к нему перегорела. А может быть, она, как всегда, не хотела навязываться, безошибочной женской интуицией давно почувствовав, что он уже не испытывает к ней прежней любви.

Пробыв у Валентины часа два, Смеляков стал собираться на вокзал:

— Ну, мне пора, как бы на поезд не опоздать.

— Подожди минутку, я тебе пирожков в дорогу дам, — она быстро вышла из комнаты, принесла с кухни бумажный пакет с пирогами, завернула его ещё в старый номер «Дзержинца» и положила в вещмешок. — Счастливого пути. Приезжай, если сможешь, — сказала она грустно, но без слёз в голосе.

На пороге они обнялись, Смеляков взял вещмешок и, попрощавшись, вышел из подъезда. На улице он оглянулся по привычке на Валино окно и увидел, что она перекрестила его, как год назад, когда провожала на фронт. В уголках её глаз блестели слезинки. И Ярослав понял, что она его отпустила. Без возвращения назад. Напоследок помахав ей рукой, он пошёл по усыпанной жёлтыми листьями дорожке в сторону площади на остановку. На душе он испытывал тяжесть и лёгкость одновременно. И был благодарен судьбе за любовь к Валентине, которая подарила ему столько счастья и скрасила его коммунарные годы.

Проходя мимо клуба, он вдруг услышал знакомый голос Ани Илюниной:

— Ярочка, здравствуй! Как я рада тебя видеть!

Она гуляла на площадке с полугодовалым сынишкой на руках, который всё время хныкал. «Как похудела, осунулась», — пожалел её Смеляков, но вида не подал:

— Здравствуй, Анют. Я тоже так рад, что встретил тебя! Как сына назвала?

— Кириллом. Он у меня такой беспокойный. Животиком день и ночь мается, плачет. Но доктор говорит, это неопасно, пройдёт со временем. А тут ещё зубик режется.

— Кирюшка, ты ж пацан, чего нюни распустил? — Ярослав соорстил уморительную рожицу. — Плакса-вакса-гуталин, на носу горячий блин!

Малец перестал хныкать, улыбнулся и загулил.

— Агу! — передразнил его Смеляков. — Пойдёт ко мне? — спросил он Аню.

— Отчего нет. Кирюшка у нас любопытный, — ответила она.

Ярослав поставил вещмешок на асфальт и взял мальчонку на руки. Тот притих: его заинтересовал блестящий козырёк на кепке.

— Ань, а как там Вишня, как Лёва?

— Сестра всё так же в транспортном отделе работает, в гараже. Ей там нравится. Коллектив очень дружный. Лёва на службе пропадает и в театре. Завком наконец нашёл деньги на постановку. Кстати, Маша недавно вернулась на сцену. Она теперь Проворова. У неё такое горе случилось: Ромочка, сынишка её, умер.

— Жаль-то как, — расстроился Ярослав. — Хороший был мальчишечка. А чем он болел?

— Не знаю точно. Не то корью, не то скарлатиной. Температура очень высокая поднялась, сильные судороги пошли. Врачи ничего не смогли сделать. Другие дети тоже болели, но все выздоровели. Кстати, у Вани Ерастова сын родился, Колей назвали. Он на месяц старше моего Кирюши. Иван теперь начальником службы снабжения работает. Я с его женой в детской поликлинике иногда вижусь. А ты-то сам как?

— Я в порядке, в Союзе писателей инструктором в секции прозы работаю, новый сборник готовлю с Владимиром Владимировичем Казиным.

— Это который тебе первые книги редактировал?

— Да.

— Успеха, Ярочка! Мы читали твои стихи о войне в журнале. Очень понравились.

— Я рад.

Тут Кирюша на руках у Смелякова стал кукситься: видно разглядывать козырёк на кепке и слушать взрослые разговоры

малышу надоело. Аня сунула ему погремушку и взяла ребёнка у Ярослава, но мальчик опять расхныкался, бросив игрушку на землю.

— Кирилл свет Львович, что же ты мокроту разводишь? — шуточно обратился к нему Смеляков, опять соорудив весёлую рожицу. — Не хнычь, не болей, гляди веселей!

Мальчик умолк, посмотрел на него удивлённо круглыми ясными глазками и сказал:

— Гу-у-у!

— Яра, спасибо. У тебя так здорово получается его развлечь!

— Вот видишь, какой я хороший нянь, — улыбнулся Ярослав, но взглянув на часы, погрузился и заторопился:

— Анют, я на автобус спешу. В командировку сегодня уезжаю. Привет от меня Вишне, Лёве и всем знакомым.

— Обязательно передам. До свиданья, Ярочка.

— Прощай. Кто знает, свидимся ли ещё?

Он подобрал погремушку, положил её Ане в сумку, вскинул вещмешок на плечо и не оглядываясь пошёл на площадь к остановке. Через десять минут автобус увозил его на станцию Люберцы. Ярослав глядел в заднее стекло на знакомые улицы, на удаляющиеся барабаны бывшего собора. Куранты пробили три часа. Блеснул на прощанье из-за поредевших золотистых крон деревьев купол колокольни и скрылся из виду.

Смеляков печально вдохнул. Он словно почувствовал, что больше никогда не увидит здешних друзей и не вернётся в посёлок, где протекли три трудных и счастливых года его молодости, воспоминания о которых будут вдохновлять его в конце жизни.

Ярослав Смеляков в Сталиногорске

Ярослав Смеляков — участник Великой Отечественной войны. С июня по ноябрь 1941 года был рядовым на Северном и Карельском фронтах. Попал в окружение, находился в финском плену, в котором пробыл три года. В плену Смеляков скрыл от финнов, что он известный русский поэт. Он возвратился на родину осенью 1944 года, когда заключили перемирие с Финляндией и был произведён обмен военнопленных. Смеляков, как и сотни тысяч других военнопленных, был несправедливо осуждён сталинским режимом и отправлен в лагерь под Сталиногорск, на 13-ю шахту, где исполнял обязанности банщика.

В 1930-ом году, когда молодой наборщик Смеляков встал впервые к типографскому станку, в котловане Бобриковского химкомбината закладывался первый камень. Года не прошло, как рабочие проложили широкий прокос на пустыре вблизи деревни Степановка, а проектировщики из Мосхимэнергостроя вбили на прокосе первые вешки. От этих-то вешек и пошло начало будущего гиганта большой химии и столицы угольного Подмосковья — города Сталиногорска (нынешнего Новомосковска).

Валерий Дементьев, автор книги о Я.В. Смелякове, так писал об этом городе: «...Если посмотреть с террикона шахты № 13 через овраги, поля и огороды, то будет видна панорама большого города. Характерный облик ему придают силуэты красных «стахановских» домов и одиннадцатизэтажное здание — «вышка», как попросту зовут его в Новомосковске. Напрямки до города рукой подать, но случается, что жизнь проложит некую невидимую черту, которую человек ни перейти, ни переступить не может. И тогда вечерний туман, волнистой гладью лёгший на поля, будет похож на морские дали, а город — на землю обетованную, которая, казалось бы, близка и бесконечно далека от человека».

Однажды сентябрьской ночью на шахту № 13 зашёл местный журналист Степан Поздняков в поисках газетного материала и совершенно случайно на шахтном дворе встретил Ярослава Смелякова. Когда-то они были знакомы по московскому литобъ-

7 Пионерская зорька

Над синевой пятипяток
восход красно-розов.
Утро этого дня,
утро будущих дней,
будто красные флажки
октябрьских мастеров
словно ~~красивейший~~ ^{красные} ~~парусиный~~ ^{парусиные}
~~дочки~~ ~~моих~~ наших детей.
Я ~~на шло~~ ^{на шло} ~~на шло~~ ^{на шло}
не уйраю ~~де~~ ~~слезы~~ -
благодарно и зорко,
как в сияющем небе,
бесшумно горя,
над ~~далью~~ ^{далью} ~~идущий~~ ^{идущий} ~~блестящий~~
Пионерская зорька -
Золотистая дочка
Зари Октября.

Дрослав Смердяков

и а а

В музее Революции лежит,
среди реликвий нашего народа,
рошок, в который прообрубил Магдрик
начало битвы шрицаить шестого года.

Со Владимиром, тучкополовой,
украшенный материей багряной -
в болотный час ~~под звездной~~ Высотой
касти и сколоту он стийся багрянику.

Триковам чество и лому еволену,
~~Фрагментация~~ забравши багачами,
соглаб свободы ивнели и пелу
и чешениб расбулунам тубанам.

Рошок полчишии лума мн хранит
в нем Вану Славу ~~Заве~~, на почетном месте.

Тучкай бригади, тучкай бригади за нем
постыаишии сви мадридского бригадиста?

И тучкай ~~отряд~~ ^{отряд} мн иберидиенк сеп,
~~распутан~~ ^{полки республиканской} ~~армии~~ ^{армии} ~~свобода~~,
~~распутан~~ ^{между собой} ~~распутан~~ ^{сигнал} ~~распутан~~ ^{распутан} ~~распутан~~.

... на ~~битву~~ ^(битву) ~~битву~~ ^{битву} по трупам иа мн и стий
~~битву~~ ^{битву} ~~битву~~ ^{битву} в ночи
Сигнальце бой,
сигнальце бой по ртн стий,
тубунце ~~битву~~ ^{битву} победы, тубунце.

Гресь В Селен В

Автограф стихотворения «Рошок». 1948 г.

единению, и теперь это полузабытое знакомство вспомнилось, затем переросло в дружбу.

Единственное, что огорчало Смелякова, — разлука с матерью, её страдания. «А что касается меня самого, — признавался поэт, — это всё ерунда, были бы чернила да то, что этими чернилами можно излагать: ведь моим истинным увлечением всегда были и будут одни стихи, и хорошие стихотворения делают меня счастливым вопреки всему остальному».

Не без иронии Смеляков писал горячо любимой матери о своём положении: «Я теперь — страшно подумать! — помощник заведующего банно-прачечного комбината». Ещё один отрывок из письма является, несомненно, ярким штрихом к его портрету. «...Если я скоро выйду, стихи напечатаются сами собой, а если нет — печать ничем не поможет. А впрочем, я затрудняюсь сказать что-либо определённое. Бог его знает. Мне было только очень приятно узнать отзыв Светлова — его мнение я ценю: он поэт настоящий».

Условия, в которых жил Ярослав Васильевич, были действительно тяжёлыми. Не хватало бумаги, не было у него даже пера для ручки, не было лезвий для безопасной бритвы, не было обуви и мало-мальски сносной одежды. Друзья помогали, чем могли, но они сами бедствовали в этот последний военный год.

В бушлате с поднятым воротником, нахохлившийся, как большая птица, сидел Смеляков на чердаке банно-прачечного комбината. Возле его каморки находился распределитель горячей и холодной воды. У чердачного окна стоял топчан. Сквозь запylённые мутные стёкла поэт часами разглядывал один и тот же пейзаж: террикон в струйках горячей серы, голые деревья на шахтном дворе, суровый блеск осеннего небосвода.

В октябре 1945 года Ярослав Смеляков переехал в Сталиногорск и стал работать ответственным секретарём в газете «Сталиногорская правда». Получить эту работу ему помогли два человека — главный редактор газеты Константин Разин и поэт Степан Поздняков.

«Он вошёл ко мне в кабинет страшно худой, в армейской телогрейке, подпоясанный солдатским ремнём, на голове военная

шапочка, но без звёздочки и какая-то сильно изношенная. Глаза, очень напряжённые глаза. «Я — поэт Ярослав Смеляков. Умею писать стихи, корреспонденции, репортажи... Думаю, что я мог бы быть полезным для вашей газеты», — вспоминал Константин Иванович Разин.

Смеляков пишет театральные рецензии, заметки, стихи, руководит городским литературным объединением. Сталиногорский период в творческой биографии поэта поразительно плодотворен и кипуч. При этом Смеляков отнюдь не чуждался и «черновой» работы — писал новогодние поздравления передовикам производства, составлял подписи к дружеским шаржам, посылал предпраздничные стихотворные приветы. Напряжённая, почти фронтовая обстановка в Мосбассе давала ему богатый материал как журналисту-газетчику.

Работа работой, но где-то надо было жить, спать и есть. Поэт Степан Поздняков, приютил его в своей комнате в коммуналке. Жили в тесноте да не в обиде: койку Ярослава отделял от хозяев большой самодельный шифоньер. По ночам Ярослав часто сочинял стихи и утром читал их Позднякову. Несмотря на тяжёлые обстоятельства, Смеляков сочиняет здесь светлые стихи о матери, сравнивая её с Родиной, которую надо оберегать.

В своей автобиографии Ярослав Васильевич писал, что одной из самых значительных своих книг считает сборник стихов «Кремлёвские ели», изданный в 1948 году. Стихотворение, одноимённое с названием этой книги, он написал в 1945 году, находясь в Сталиногорске.

Валерий Дементьев, автор книги о Смелякове «Сильный как тёрн», считал примечательной вещью стихи Ярослава «У насыпи братской могилы...». В строфах этого произведения — правда времени, глубокая народная правда. Она досталась поэту нелёгкой ценой. Она была оплачена многими ошибками и заблуждениями, но она звучала и звучит неумолчно в его сердце, окрыляет его стихи. Это стихотворение, созданное Ярославом Васильевичем на новомосковской земле, позднее вошло в его сборник

«День России», за который в 1967 году ему была присуждена Государственная премия СССР.

*У насыпи братской могилы
я тихо, как память, стою,
в негнущихся пальцах сжимая
гражданскую шапку свою.
Под тёмными лапами елей,
в глубокой земле, как во сне,
вы молча и верно несёте
сверхсрочную службу стране.*

Степан Поздняков, друг поэта, писал, что вдохновляли Смелякова на создание произведений в этот период живые прототипы, жители нашего города. Так, героем поэмы «Лампа шахтёра» стал горняк-новатор Михаил Фомченков. В образе пряхи из одноимённого стихотворения запечатлена известная сказительница Двинская. Стихотворение «Кладбище паровозов» навеяно посещением депо Урванка.

В послевоенные годы в Сталиногорске Ярослав Васильевич пишет многое из того, что впоследствии станет смеляковской поэтической классикой: стихотворения «Английская баллада», «Милые красавицы России», «Моё поколение», «Памятник», «Наш герб»... О двух последних стоит сказать особо. Строки стихотворения «Памятник», посвящённого первой жене поэта Евдокии, Ярослав Васильевич однажды ночью нацарапал карандашом на пачке из-под папирос. Потом он несколько раз зажигал спичку и, зажав её в ладонях, светил себе, перечитывал написанное. А утром Степан Яковлевич Поздняков был первым, кому Смеляков прочёл:

*И ты услышишь в парке под Москвой
Чугунный голос, нежный голос мой.*

Когда Ярослав Васильевич задумал написать стихотворение «Наш герб», он закрылся в своей комнате, а ключ от неё в форточку отдал Позднякову. Раз в сутки Степан Яковлевич приносил поэту нехитрую еду: картошку, хамсу, квашеную капусту в железной чашке — передавал в форточку. Ровно трое суток провёл

Смеляков в затворничестве, истязая себя и своё воображение, но желаемого добился, социальный заказ выполнил на высочайшем уровне.

В 1948 году Ярослав Васильевич, благодаря содействию московских друзей, возвратился в Москву. Многое ещё предстояло пережить поэту: несправедливое осуждение по печально известной 58 статье УК на 25 лет лагерей; развод с женой Евдокией, (чтобы не подвергать её опасности репрессий); заключение в Инте...

Только в 1956 году Смеляков был реабилитирован и довольно скоро вернулся к литературной деятельности. В этом же году в 12-й книге журнала «Октябрь» была опубликована поэма Ярослава Смелякова «Строгая любовь». Свежесть чувств, чеканность языка, рельефность образов героев, как будто выбитых на медали, наконец, бережная памятьливость поэта — вот высокие свойства «Строгой любви», которые сделали её одним из талантливейших лироэпических произведений нового времени.

Последние годы жизни Смелякова были вполне благополучными. Он стал председателем секции поэзии Союза писателей СССР, выступал на радио, в телевизионных передачах, ездил по стране, бывал в зарубежных командировках, встречался с молодыми поэтами. Многие из них с благодарностью вспоминают его строгую, но всегда доброжелательную и справедливую критику. В конце ноября 1972 года после тяжёлой болезни Смеляков скончался.

В 1981 году в музее города Новомосковска была открыта мемориальная комната Я.В. Смелякова. Личные вещи поэта, часть его библиотеки передала в музей в конце 1970-х годов его вдова Татьяна Валерьевна Стрешнева.

Комната эта невелика, но каждая вещь, находящаяся здесь, напоминает о большой, интересной и трудной жизни выдающегося советского поэта и просто человека. В витрине под стеклом — поздравительный адрес в связи с 50-летием поэта, подписанный его друзьями, известными писателями. «И наш народ, — говорится в адресе, — которому Вы так талантливо служите и который умеет

ценить и любить настоящую поэзию, ибо по природе своей он поэтичен и песенен, по праву относит Вас к лучшим поэтам современности».

Главное в мемориальной комнате Смелякова — книги, подаренные ему, многие из них с автографами. Среди экспонатов — диплом лауреата Государственной премии, которой Смеляков был удостоен за книгу стихов «День России» в 1967 году.

Смелякову всегда был чужд культ вещей, о чем свидетельствуют простые и непритязательные предметы, находящиеся в его мемориальной комнате: массивный старый письменный стол, за которым работал поэт; на нём — телефонный аппарат старого образца, скромная настольная лампа, чернильный прибор с выгравированной надписью: «На память от нефтеразведчиков Черноземья, май 1968 г. п. Комсомольский», настольные часы, сделанные рабочим московского завода, почитателем Смелякова; большой прозрачный кристалл — его отгранил и подарил Ярославу Васильевичу любитель и поклонник его поэзии из Плёса; палка, собственноручно сделанная и подаренная Смелякову поэтом М. Дудиным.

В 2006 году депутатами Тульской областной Думы от города Новомосковска Д.В. Бычковым и С.Н. Мирко совместно с Тульским отделением Союза писателей России учреждена ежегодная областная литературная премия имени Ярослава Смелякова, которая присуждается лучшим поэтам и прозаикам области. Среди лауреатов премии такие известные авторы, как Валерий Савостьянов, Валентин Киреев, Галина Харламова, Валерий Маслов, Алексей Яшин, Галина Плахова, Алёна Кузнецова, Александр Топчий, Валентина Люшкинова, Александр Пешков, Вячеслав Кузнецов.

*Материал подготовила
зав. экспозицией Новомосковского
историко-художественного музея
Марина Бобкова*

Ярослав Смеляков

«Нам время не даром даётся...»

Возвращённая родина

*17 сентября 1939 года
части Красной Армии
вошли в город Луцк...*

Я родился в уездном городке
и до сих пор с любовью вспоминаю
убогий домик, выстроенный с краю
проулка, выходившего к реке.

Мне голос детства памятен и слышен.
Хранятся смутно в памяти моей
гуденье липы и цветенье вишен,
торговцев крик и ржанье лошадей.

Мне помнятся вечерние затоны,
вельможные брюхатые паны,
сияющие крылья фаэтонов
и офицеров красные штаны.

Здесь я и рос. Под этим утлым кровом
я, спотыкаясь, начинал ходить,
здесь услышал — впервые в жизни! — слово
и здесь я научился говорить.

Так мог ли я, изъездивший полсвета,
за воду ту, что он давал мне пить,
за горький хлеб, за лёгкий лепет лета,
за первый день — хотя бы лишь за это —
тот городок уездный не любить?

Нет, я не знал беспечного покоя:
мне снилась ночью нищая страна,
бетонную, враждебную чертою,
прямым штыком и пулей разрывною
от сердца моего отделена.

Я думал о товарищах своих,
оставшихся влачить существованье
в местечках страха, в городках стенанья,
в домах тоски на улицах кривых.

Я вспоминал о детях воеводства,
где на полях один пырей возрос,
где хлеба — впроголодь, а горя — вдосталь
и вдоволь, вволю материнских слёз.

Так как же мне, советскому поэту,
не славить вас, бойцы моей земли,
за жизни шум — хотя бы лишь за это! —
хотя б за то, что в жёлтых тучах света
в мой городок вы с песнею вошли?

1939

Три витязя

Мы шли втроём с рогатиной на слово
и вместе слезли с тройки удалой —
три мальчика,
три козыря бубновых,
три витязя бильярдной и пивной.

Был первый точно беркут на рассвете,
летающий за трепещущей лисой.
Второй был неожиданным,
а третий — угрюмый, бледнолицый и худой.

Я был тогда сутулым и угрюмым,
хоть мне в игре
пока ещё — везло,
уже тогда предчувствия и думы
избороздили юное чело.

А был вторым поэт Борис Корнилов,—
я и в стихах, и в прозе написал,
что он тогда у общего кормила,
недвижно скособочившись, стоял.

А первым был поэт Васильев Пашка,
златоволосый хищник ножевой, —
не маргариткой
вышита рубашка,
а крестиком — почти за упокой.

Мы вместе жили, словно бы артельно.
но вроде бы, пожалуй что,
не так —
стихи писали разное и отдельно,
а гонорар несли в один кабак.

По младости или с похмелья —
сдуру,
блюдя всё время заповедный срок,
в российскую свою литературу
мы принесли достаточный оброк.

У входа в зал,
на выходе из зала,
метельной ночью, утренней весной,
над нами тень Багрицкого витала
и шелестел Есенин за спиной.

...Второй наш друг,
ещё не ставши старым,
морозной ночью арестован был
и на дощатых занарымских нарах
смежил глаза и в бозе опочил.

На ранней зорьке пулею туземной
расстрелян был казачества певец,
и покатился вдоль стены тюремной
его златой надтреснутый венец.

А я вернулся в зимнюю столицу
и стал теперь в президиумы вхож.
Такой же злой, такой же остролицый,
но спрятавший
для обороны — нож.

Вот так втроём мы отслужили слову
и искупили хоть бы часть греха —
три мальчика,
три козыря бубновых,
три витязя российского стиха.

1967

Послание Павловскому

В какой обители московской,
в довольстве сытом иль нужде
сейчас живёшь ты, мой Павловский,
мой крёстный из НКВД?

Ты вспомнишь ли мой вздох короткий,
мой юный жар и юный пыл,
когда меня крестом решётки
ты на Лубянке окрестил?

И помнишь ли, как птицы пели,
как день апрельский ликовал,
когда меня в своей купели
ты хладнокровно искупал?

Не вспоминается ли дома,
когда смежаешь ты глаза,
как комсомольцу молодому
влепил бубнового туза?

Не от безделья, не от скуки
хочу поведать не спеша,
что у меня остались руки
и та же детская душа.

И что, пройдя сквозь эти сроки,
ещё не слабнет голос мой,
не меркнет ум, уже жестокий,
не уничтоженный тобой.

Как хорошо бы на покое,—
твою некстати вспомнив мать,—
за чашкой чая нам с тобою
о прожитом потолковать.

Я унижаться не умею
и глаз от глаз не отведу,
зайди по-дружески, скорее.
Зайди.

А то я сам приду.

1967

Майский вечер

Ранняя редакция

Светом солнечным, светом лунным,
майскими звёздами освещена
не только Люберецкая коммуна —
вся наша Родина, вся страна.

Солнечный свет. Перекличка птичья.
Черёмуха — вот она, невдалеке.
Сирень у дороги. Сирень в петличке.
Ветки сирени в твоей руке.

Чего ж, сероглазая, ты смеёшься?
Неужто опять над любовью моей?
То глянешь украдкой. То отвернёшься.
То щуришься из-под широких бровей.

И кажется: вот ещё два мгновенья,
и я в этой нежности растворюсь,—
стану закатом или сиренью,
а может, и в облако превращусь.

Но только, наверное, будет скучно
не строить, не радоваться, не любить —
расти на поляне иль равнодушно,
меняя свои очертания, плыть.

Не лучше ль под нашими небесами
жить и работать для счастья людей,
строить дворцы, управлять облаками,
стать командиром грозы и дождей?

Не веселее ли, в самом деле,
взрастить возле северных городов

такие сады, чтобы птицы пели
на тонких ветвях про нашу любовь?

Чтоб люди, устав от железа и пыли,
с букетами, с венчиками в глазах,
как пьяные между кустов ходили
и спали на полевых цветах.

1937

* * *

Если я заболею,
к врачам обращаться не стану,
Обращаюсь к друзьям
(не сочтите, что это в бреду):
постелите мне степь,
занавесьте мне окна туманом,
в изголовье поставьте
ночную звезду.

Я ходил напролом.
Я не слыл недотрогой.
Если ранят меня в справедливых боях,
забинтуйте мне голову
горной дорогой
и укройте меня
одеялом
в осенних цветах.

Порошков или капель — не надо.
Пусть в стакане сияют лучи.
Жаркий ветер пустынь, серебро водопада —
Вот чем стоит лечить.

От морей и от гор
так и веет веками,
как помотришь, почувствуешь:
вечно живём.

Не облатками белыми
путь мой усеян, а облаками.
Не больничным от вас ухожу коридором,
а Млечным Путём.

1940

Ржавые гранаты

Мы не однажды ночевали в школах,
оружие пристроив в головах,
среди белых стен, ободранных и голых,
на подметённых наскоро полах.

И снилось нам, что в школе может сниться:
черёмуха, жужжанье майских пчёл,
глаза и косы первой ученицы,
мел и чернила, глобус и футбол.

Мы поднимались сразу на рассвете,
сняв гимнастёрки, мылись у реки.
И шли вперёд, спокойные, как дети,
всезнающие, словно старики.

Мы шли вперёд — возмездье и расплата,
оставив в классе около стены
страницу «Правды» мятую, гранату,
размотанный кровавый бинт солдата —
наглядные пособия войны.

1941

* * *

Вот опять ты мне вспомнилась, мама,
и глаза твои, полные слёз,
и знакомая с детства панамы
на венке поредевших волос.

Оттеняет терпенье и ласку
потемневшая в битвах Москвы
материнского воинства каска —
украшенье седой головы.

Все стволы, что по русским стреляли,
все осколки чужих батарей
неизменно в тебя попадали,
застревали в одежде твоей.

Ты заштопала их, моя мама,
но они всё равно мне видны,
эти грубые длинные шрамы —
беспощадные метки войны...

Дай же, милая, я поцелую,
от волненья дыша горячо,
эту бедную прядку седую
и задетое пулей плечо.

В дни, когда из окошек вагонных
мы глотали движения дым
и считали свои перегоны
по дорогам к окопам своим,

как скульптуры из ветра и стали,
на откосах железных путей

днём и ночью бесменно стояли
батальоны седых матерей.

Я не знаю, отличья какие,
не умею я вас разделять:
ты одна у меня, как Россия,
милосердная русская мать.

Это слово протяжно и кратко
произносят на весах родных
и младенцы в некрепких кроватках,
и солдаты в могилах своих.

Больше нет и не надо разлуки,
и держу я в ладони своей
эти милые трудные руки,
словно руки России моей. 1945

Моё поколение

Нам время не даром даётся.
Мы трудно и гордо живём.
И слово трудом достаётся,
и слава добыта трудом.

Своей безусловною властью,
от имени сверстников всех,
я проклял дешёвое счастье
и лёгкий развеял успех.

Я строил окопы и доты,
железо и камень тесал,
и сам я от этой работы
железным и каменным стал.

Меня — понимаете сами —
чернильным пером не убить,
двумя не прикончить штыками
и в три топора не свалить.

Я стал не большим, а огромным —
попробуй тягаться со мной!
Как Башни Терпения, домны
стоят за моею спиной.

Я стал не большим, а великим,
раздумье лежит на челе,
как утром небесные блики
на выпуклой голой земле.

Я начал — векам в назиданье —
на поле вчерашней войны
торжественный день созиданья,
строительный праздник страны.

1946

Памятник

Приснилось мне, что я чугунным стал.
Мне двигаться мешает пьедестал.

В сознании, как в ящике, подряд
чугунные метафоры лежат.

И я слежу за чередой дней
из-под чугунных сдвинутых бровей.

Вокруг меня деревья все пусты,
на них ещё не выросли листья.

У ног моих на корточках с утра
самозабвенно лазит детвора,

а вечером, придя под монумент,
толкует о бессмертии студент.

Когда взойдёт над городом звезда,
однажды ночью ты придёшь сюда.

Всё тот же лоб, всё тот же синий взгляд,
всё тот же рот, что много лет назад.

Как поздний свет из тёмного окна,
я на тебя гляжу из чугуна.

Недаром ведь торжественный металл
моё лицо и руки повторял.

Недаром скульптор в статую вложил
всё, что я значил и зачем я жил.

И я сойду с блестящей высоты
на землю ту, где обитаешь ты.

Приблизюсь прямо к счастью своему,
рукой чугунной тихо обниму.

На выпуклые грозные глаза
вдруг набежит чугунная слеза.

И ты услышишь в парке под Москвой
чугунный голос, нежный голос мой.

1946

Мы не рабы

В детские годы в преддверии грозной судьбы,
Сидя за школьною партой, веснушчат и мал,
Я в букваре нашем заповедь: «Мы не рабы!» —
С детскою верой и гордостью детской читал.
Дальше вела меня века крутая стезя,
Марш пятилеток над вьюжной страной гремел:
«Мы не рабы! И рабами не будем друзья!» —
Я с комсомольцами в школе фабзавуча пел.
Выше шагай по расшатанной лестнице лет,
К царству грядущего братства иди напролом.
Как же случилось, что я, запевала-поэт,
Стал — погляди на меня — бессловесным рабом?
Не в чужеземном пределе, а в отчем краю,
Не на плантациях дальних, а в нашей стране.
В грязной одежде раба на разводе стою,
Номер раба у меня на согбенной спине.

1950-е гг.

Воробышек

До Двадцатого до съезда
Жили мы по простоте
Безо всякого отъезда
В дальнем городе Инте.

Там ни дерева, ни тени,
Ни песка на берегу —
Только снежные олени
Да собаки на снегу.

Но однажды в то окошко,
За которым я сидел,
По наитью и оплошке
Воробьишка залетел.

Небольшая птаха эта,
Неказиста, весела,
(есть народная примета)
Мне свободу принесла.

Благодарный честно, крепко,
Спозаранку или днём,
Я с тех пор снимаю кепку
Перед каждым воробьём.

Верю глупо и упрямо,
С наслажденьем правоты,
Что повсюду тот же самый
Воробьишка из Инты.

Позабылось быстро горе,
Я его не берегу,
А сижу на Чёрном море,
На апрельском берегу...

Но и здесь, как будто дома, —
Не поверишь, так убей! —
Скачет старый мой знакомый,
Приполярный воробей.

Бойко скачет по дорожке,
Славословий не поёт
И мои — ответно — крошки
По-достоинному клюёт.

Я отсюдова уйду...

Я на всю честную Русь
заявил, смелея,
что к врачам не обращусь,
если заболею.

Значит, сдуру я наврал
или это снится,
что и я сюда попал,
в тесную больницу?

Медицинская вода
и журнал «Здоровье».
И ночник, а не звезда,
в самом изголовье.

Ни морей и ни степей,
никаких туманов,
и окно в стене моей
голо без обмана.

Я ж писал, больной с лица,
в голубой тетради
не для красного словца,
не для денег ради.

Бормочу в ночном бреду
фельдшерице Вале:
«Я отсюдова уйду,
зря меня поймали.

Укради мне — что за труд?! —
ржавый ключ острожный».
Ежели поэты врут,
больше жить не можно.

1968

Стихи, написанные в фотоателье

Живя свой век грешно и свято,
недавно жители земли,
придумав фотоаппараты,
залог бессмертья обрели.

Что — зеркало?
Одно мгновенье,
одна минута истекла,
и веет холодом забвенья
от опустевшего стекла.

А фотография сырая,
продукт умелого труда,
наш облик точно повторяет
и закрепляет навсегда.

На самого себя не трушу
глядеть тайком со стороны.
Отретушированы души
и в список вечный внесены.

И после смерти, как бы дома,
существовать доступно мне
в раю семейного альбома
или в читальне на стене.

1967

Посвящения Ярославу Смелякову

Елена Егорова

Памяти Ярослава Смелякова

*Не больничным от вас ухожу коридором,
а Млечным Путём.*

Я. Смеляков

Ярослав Смеляков неистовый...
Яра — его прозвание.
Сердце поэта чистое
гордо сквозь испытания
нёс он как символ стойкости
и не сошёл с тропы.
Эпика — резкой точности
пафос его борьбы.
Лирика — чудной тонкости
ткань непростой судьбы,
сплав сильных чувств и мыслей.
Но себя самого
в гениях он не числил:
Пушкин — кумир его.

Ярослав Смеляков неистовый...
Смелость — его стезя.
Строк искромётных, искренних
сердцу забыть нельзя.
Слово любви не продано,
хоть враги жестоки.
Благополучие отдано
жертвою за стихи...
Оставляя в них всё, что дорого,
он ушёл напролом
не больничными коридорами —
Млечным Путём.

Татьяна Уварова

Ярославу Смелякову

1

Славный жизненной силой
Ярослав Смеляков,
И тебя подкосила
Ложь волков и оков.

В шестьдесят слишком рано
Покидать белый свет.
Но душевные раны
Не залечит поэт.

Твою юную славу,
Твой талант не любя,
Зависть, строя подставу,
Предавала тебя.

Но, ломая преграды,
Шёл судьбе поперёк.
Славу взял и награды
Ты на Божий порог.

2

А в году две тыщи пятом,
В знак любви к тебе моей,
Стала я лауреатом
Первой премии твоей.

Я стихом твоим согреюсь.
И, заглядывая вдаль,
Получить ещё надеюсь
Твою славную медаль.

Валерий Аушев

Мой наставник

С вдохновеньем наготове
Я пишу о Смелякове.
В чём же прав, а в чём не прав
Мой наставник Ярослав?

Поучал:

— Не надо гнуться,
Пресмыкаться, льстить, юлить.
Зависть, лесть к тебе вернутся
Музе жизни насолить!

Не хвались: «В веках останусь,
Зацеплюсь хотя б строкой!»
Был такой — двуликий Янус,
Ты ведь, парень, не такой.

Наберись-ка, брат, терпенья,
Будь уверен, собран будь.
Толку нет, коль от кипенья
Забурлит не кровь, а ртуть.

Ты, чай, не в рядах на торге,
Голос ввысь не возноси.
Восхваленья и восторги
Не ценились на Руси...

Речь запомнил, слово в слово,
Ярослава Смелякова,

Но в одном, признаюсь честно,
Мой наставник был не прав:
О врачах судил нелестно,
Честь их фразою поправ:
*«Если я заболею,
К врачам обращаться не стану...»*

Возразят мне — образ это:
Степь — постель, в окне — туман...
Слабость сильного поэта —
Чувства прятать от ума.
Не ответь врачам отказом,
Сколько жить ещё бы мог,
Сколько б выдал раз за разом
Нежных,
 точных,
 крепких строк!

Елена Егорова

«Критикам» Смелякова

Стало модно нынче в интернете
Смелякова мелочно хулить,
Как о человеке и поэте
«Правду-матку голу» рубить:

Был нахалом, мол, и грубияном,
Нецензурной лексикой грешил,
Крепко выпивал, в угаре пьяном
За столом бранился и чудил,

Был ревнив к успеху и тщеславен,
Ленину стихами плёл венок,
Но с Твардовским потягаться славой
Всё равно, мол, никогда не мог...

Отболели страсти те земные,
Низко и грешно их смаковать,
Но как в старой басне, моськи злые
На слона сбежались побрехать.

Смеляков не ангел был, конечно,
Только разве это важно нам?
Главное— мы слышим ритм сердечный,
Придающий жизнь его стихам.

На пластинке голос Ярослава
Хрипловат и задушевно прост.
Тщетно мосек твякает орава:
Наш поэт идёт в свой полный рост.

Взгляд его небесно-васильковый
Устремлён на прапраправнучат.
Лучшие творенья Смелякова
В чистых душах песнями звучат.

Смедяковские лауреаты

Валерий Аушев

Валерий Петрович Аушев — известный поэт и журналист, председатель правления Межрегиональной общественной организации «Содружество творческих сил», член Союза писателей и Союза журналистов России, главный редактор издательского центра «Ветеран Отчизны». Автор и составитель более 30 книг прозы и поэзии, сценариев телепрограммы «От всей души», документально-художественного телесериала «Звезда Ломоносова» и других; лауреат десяти профессиональных премий, в числе которых «Золотое перо Подмосковья» (2002), им. М.Ю. Лермонтова (2002), им. М.А. Шолохова (2005), им. Г.К. Жукова (2006), им. Я.В. Смелякова (2008). Имеет правительственные награды.

В полумиге от Москвы

Мы живём на расстоянии
Полумига от Москвы:
Томный вздох при расставании —
И уже в Угреше вы.

Что? Не так?! Мы не во времени,
Не в пространстве родились,
А в четвёртом измерении:
Скорость веры — наш девиз.

Семафоры, вехи, бакены
Безопасный правят путь.
А мы все, по сути, байкеры,
Одержимость — наша суть!

И в полёте одержимости,
Где свободы — не глоток,
А простор хвои и жимолости
И святой непогрешимости, —
Крутим за витком виток.

Так мы в жизни утверждаемся —
И в мудрёном, и в простом:
По спирали возвышаемся,
К Небу тянемся, растём...

Среди перистых облаков

Среди перистых облаков,
Как в скоплении скорбных морщин,
Два огромных глаза веков —
Непонятных рассудку глубин.
Этот взгляд — запредельности взор —
До сих пор нами непостижим,
Как и жуткий вселенский простор,
Как и то, что под ним и над ним.

Средь небесных морщин-облаков
Чей-то мудрый, пронзительный взгляд.
Не избавит от вечных оков
Ни зарю, ни восход, ни закат...
По загадочной воле судьбы,
Странной смены и дней и ночей
Всё живое и мы все — рабы
Этих непостижимых очей.

Мы — русичи

Коль невтерпёж природы захотелось,
Невероятных видов и красот,
Подняться над собой имейте смелость —
И дух вас по России понесёт.

Как терпок запах утренних черёмух,
Как светел мир занятий и затей!
В глубинке здесь легко встречать знакомых,
Сердечности распахнутых людей.

За речкой ближней, рядом с дачным домом
Вдруг ощутишь земли былинный дух,
Он неподвластен смутам и разломам,
Беспамятства и зла гася недуг.

Сам русский князь рукой приветно машет
И с поля битв несёт благую весть,
Что Русь жива среди лесов и пашен,
А русичам в веках — хвала и честь!

Пусть минул день, который был не промах,
Мы, разомлевшие от запахов и чувств,
В бревенчатых тех, рубленых хоробах
Зажгли простую русскую свечу!

И предки в крепких снах и в лёгких дрёмах
Нам сохранили лик земли родной,
Где колокольный звон и снег черёмух
Омыли душу трепетной волной!

Москворецкая пойма

Москворецкая пойма во весь окоём —
Живописней картины вовек не сыскать:
Сколь зелёных оттенков!
Бирюзой покорён,
Малахитом с прослойкою жёлтой песка.

От защитного цвета озёрной воды
До салатных листочков невянущих ив...
До чего же, мой край, примечателен ты,
До чего же равнинным раздольем красив!

Цвет иссиня-зелёный покоен и тих —
Цвет бодрящихся трав, неуёмной листвы,
Изумрудные тени от туч золотых
Набегают волнами до самой Москвы.

Камышовая стража стоит у озёр,
Верхом копий темнея в закатных лучах,
И сплетает звонарь звонкогласый узор,
Повисая на бронзовых колоколах...

Монастырские храмы в зелёной тиши
Весть благую окрест поспешат разнести,
Донести до моей православной души
О счастливом исходе в конечном пути.

Ни зелёная блажь, ни такая ж тоска
Ни за что не заманят в унынье и сплин...
Пока сердцу природа мила и близка,
Лишь она — и любовь моя, и Господин!

Благовест с небес

«Христос воскрес!» —
Ликуем днём весенним.
«Христос воскрес!» —
«Воистину воскрес!» —
Над Красной площадью,
Василием Блаженным
Пасхальный звон
Как благовест с небес.

И сам Христос
С большим крестом нательным,
Взяв посох веры,
С нами вышел в путь,
Простившись
С кротким образом настенным —
С иконным ликом,
Схожим с ним чуть-чуть.

Не диво ли,
Что от Кремля, отсюда
Отправился сейчас в дорогу он?
И совершилось обновленья чудо
Под трепетный пасхальный перезвон.
Простим же тех,
Кто нам мешал увидеть,
Открыть Христа
Священный лик для всех,
Кто призывал крушить и ненавидеть
В пылу мирских усад или утех.

Теперь все мы
Вновь обратились к церкви,
И сам Господь
Спешит на Пасху к нам,
И свечи в крестном ходе не померкли,
Дорогу освещающие в Храм.

В краях всея Руси и над Москвою
Витает Дух Святой среди небес,
Не знающий мгновения покоя.
Иисус Христос воистину воскрес!

Однокрылый ангел

— Однокрылый ангел, где твоё крыло?
Что с тобой случилось, что произошло?
— Возвращал я свету дитяtko одно,
Но ему другое место суждено.
Там в просторе хладном бесконечный мрак,
Там за лучик света очень много драк.
И в противоборстве, чтоб дитя спасти,
Потерял крыло я, Боже мой, прости!
Я-то ведь поднялся на одном крыле,
А малыш остался в непроглядной мгле.
Не обрёл он солнца, не вкусил тепла,
Поглотила темень, схоронила мгла.
— Однокрылый ангел, и с крылом одним
Ты самим Всевышним и судьбой храним,
Чтоб прийти на помощь, чтоб спасти в беде...
— Где, кому я нужен? Никому. Нигде.
— Однокрылый ангел, так не говори,
Поднимайся в небо на крыле зари,
Ты седьмому небу будешь снова рад,
Кто спешит на помощь, тот всегда крылат!

Юрий Воротнин

Юрий Иванович Воротнин — заслуженный строитель России, член Союза писателей России, лауреат московских областных литературных премий имени Р. Рождественского (2010), имени Я. Смелякова (2010), автор поэтических книг: «Стихотворения 1973–2005» (2006), «На вечной дороге» (2010). Награждён Золотой Есенинской медалью.

Русь

Говорил, говорил — как слова доставал из колодца.
И заплакал потом, и давай причитать-голосить,
Будто горло пронзил наконечник стрелы инородца,
И рванула из горла тоска и печаль по Руси.

Не по родине плач, что гремела державным железом,—
По Руси, гой еси, что лишь в гусельных сказах жива,
Где семь вёрст до небес, только семь, но всё
лесом и лесом,
А за каждым кустом колдуны, ведуны, татарва.

Он плетёт языком, но какие узлы расплетает!
Отмывает слезами, что жизнь накопила во мне.
Красно Солнце встаёт, Ясный Сокол с запястья взлетает,
И в воде не тону, и опять не сгораю в огне.

Я семь вёрст пролечу, отобьюсь, отмолюсь по дороге,
Меч заветный в руках, сапоги-скороходы не жмут.
И увижу свой дом, и узнаю родных на пороге,
И услышу, как птицы и ангелы вместе поют.

* * *

Этот камень веками растёт через тёртое поле.
Он морозит подошвы в студёной подземной реке.
Чтоб избавить себя от сердечной тоски и неволи,
Я к нему прикасаюсь и чувствую холод в руке.

А за холодом вслед чую дрожь, чую: движутся токи, —
И вбираю в себя эту тяжесть как вечный покой.
Всё он помнит про нас, знает замыслы наши и сроки,
Провожает в дорогу, встречает, берёт на постой.

Рядом тракт дождевой, по нему всё шаги да колёса,
Кто-то плачет навзрыд, кто-то снова поёт невпопад.
Будет время и мне собирать землянику с откосов
По дороге в былинный, в лесах затерявшийся град.

А пока я пред камнем стою, усмиряя желанья,
Я поцарствовал всласть, а теперь только мёд в бороде.
Но откликнется он на моё чуть живое дыханье,
И круги от него побегут по подземной воде.

Лебеди-гуси

В каждом прожитом дне понимания больше и грусти,
С каждой спичкой зажжённой и сам, словно хворост, горю,
А забудусь на миг — и несут меня лебеди-гуси
Через дол, через лес, через долгую память мою.

Озаряются дали, и вижу я мать молодую,
И отец — молодец, с ним любая беда — не беда,
Ранним утром меня умывают живую водою,
Чтоб с меня худоба уходила как с гуся вода.

Над тоскою моей, над заснувшей с усталости Русью,
Над вороньим гуляньем, затеявшим суд-пересуд,
Сколько крыльев хватает, летят мои лебеди-гуси,
Сколько крика хватает, зовут мою память, зовут.

То дорога легка, то вокруг облака без просвета,
То дымком от печи, то пожаром потянет с земли,
Золотыми шарами и мёдом нас балует лето,
Серебром осыпают усердные слуги зимы.

Но недолог полёт, возвращенье всегда неизбежно.
Оборвётся забвенью, проститься и то не успеть.
И смотрю я назад, и такая мне видится бездна,
Что оставшейся жизни не хватит её разглядеть.

Август

И прижаться к земле, и почти что сравняться с землёй,
Слава Богу, что август не минул ещё середину.
И трава по утрам от тумана тепла, как бельё,
И ещё холода не томят на рассвете рябину.

А прижавшись к земле, лишь глубинному гулу внимать,
Что в подземной реке оседает и медленно тонет,
И почуять покой, и судьбу научиться читать
По сплетенью корней, как по линиям тёмных ладоней.

И загад разгадав, никого ни о чём не просить,
Никуда не спешить, ни судимым не быть, ни судьёю.
Лишь холодные пальцы с корнями потуже сцепить
И прижаться к земле, и почти что сравняться с землёю.

Золотые шары

Паутина на ветках качается,
Отдыхает трава от жары.
Я не верю, что лето кончается,
Но цветут золотые шары.

По утрам леденцы-колокольчики
Поднимают меня на хоры.
Щеголял бы в нарядной ковбеечке,
Да цветут золотые шары.

Выйду в сад и поёжусь от холода,
Разбросает мне ветер вихры.
Мы не стары с тобой и не молоды,
Нам цветут золотые шары.

Наша осень покоем отмечена,
Пирогам и чаем красна.
И подсолнечным светом просвечена,
И последней любовью честна.

* * *

В безбожном детстве, как в загоне,
Я жил по правилам иным,
И Бог на бабкиной иконе
Мне дедом виделся родным.

Его земля не удержала,
И не спасла моя слеза,
Но в Божьем облике державном
Сияли дедовы глаза.

Римские каникулы. Гоголь

В Вечном городе вечный покой,
Ни движенья, ни ветра, ни смуты.
И забытый в веках часовой
Измеряет веками минуты.

Сыты голуби, голоден Тибр,
Обескровлено древнее русло.
Семь холмов и кофейня-трактир —
Вот что в Риме находка для русских.

И святые, и грешные — в строй!
Каждый камень поёт о геройстве.
В Вечном городе вечный покой.
Но откуда ж тогда беспокойство?

Со щита пробиваясь на щит,
Убежать в дорогие потёмки,
В край, где дым деревянный висит
Да следы замечает позёмка?

День Покрова

Нынче холоден день Покрова,
Снег летит вперемежку с листвою,
Но ещё не остыла трава,
И зима не готова к постою.

Пусть вороны на старой ветле
Затаились в обиде и гнев,
Время будет пожить при тепле
И понежить себя на пригреве.

Я, застигнутый снегом врасплох,
Воротник подниму поневоле,
Каждый выдох глубокий и вдох
Ощутив как предчувствие боли.

И, втянув бесконечность полей
Горше дыма лихой сигареты,
Буду рад я, что есть сорок дней
До зимы, если верить в приметы.

Моя свеча

Какие-то страхи летают,
Какой-то мерещится гул.
Ладонью свечу закрываю,
Чтоб ветер огонь не задул.

Давно мне известно, что будет.
Что было, узнать предстоит.
А ветер всё дует и дует,
Свеча всё горит и горит.

Мне воля — как будто неволя,
И жизнь — не черешневый мёд.
Но всё же обидно до боли,
Что скоро и это пройдёт.

Как будто на многие лета,
Простить и проститься спешу.
Свечу закрываю от ветра
И сам на неё не дышу.

Инна Гильченко

Инна Феликсовна Гильченко — член Союза писателей России, лауреат конкурсов авторской песни, лауреат литературной премии имени Я.В. Смелякова (2006), автор аудиодиска (2006) и поэтической книги «Снежный соловей» (2008). Её стихотворения публиковались в альманахе «Угрешская лира», журналах «Поэзия», «Российский колокол», «Подмосковье», в газете «Угрешские вести», других периодических изданиях и коллективных сборниках.

Колыбельная для ночи

Я не знаю, что будет потом,
и тихонько к груди прижимаю
ночь, которая чёрным котом
на руках у меня засыпает.

Я качаю в руках эту ночь,
как над дочкой склонившись больною.
И звезда над луною — точь-в-точь
её родинка над губою.

Эта ночь — она только моя,
и из рук её вырвать не сможет
даже холод снегов января.
И никто ей, как я, не поможет.

Буду нянькой ночной, а потом
будет ночь со мной нянчиться долго...
Не знакома я с чёрным котом,
да и родинки нет у ребёнка.

Пробуждение

Небо с каждым днём всё выше, выше.
Мне казалось, что весны не будет.
Канителью день сегодня вышит,
И с капелью пробудились люди.

Положу я кошку на подушку,
В чёрный кофе сок лимонный выжму
И собаку почешу за ушком.
Сядем с ней мы у окна неслышно.

А сегодня день такой хороший,
И тепло от батареи греет.
Мы печаль оставим в жизни прошлой.
А иначе жить и не умеем.

* * *

Уйди! Ещё не время расставаться,
Ещё слова по смыслу глубоки,
Ещё желанье губ твоих касаться
Желанием не отнято другим.

Уйди! На этой грани задыхаясь,
Уйди сейчас, не помни обо мне.
Уйди. Я от тебя не отрекаюсь.
Меня сожгут, как ведьму, на огне.

Я — ведьма. Я — хохочущее пламя.
Уйди! Ты слаб, ты не пойдёшь на крест.
Уйди — я провожу тебя стихами
И всё же не прощу тебе отъезд.

Треугольная душа

Треугольник, круг, квадрат...
Геометрии движенье.
Жизни плавное скольжение
По зазубринам утрат.
Покорение вершины.
А с вершины — камнем вниз!
Одинокие мужчины
не боятся женщин-лис.
Перемены, перемены,
перемены по звонку.
Телефонные измены
лягут в новую строку.

Докажите теорему!
И доказываем вновь
всё одну и ту же тему
под названием «Любовь».
Доказали, ставим точку
и, отрезком дорожа,
до звонка берёт отсрочку
треугольная душа.

* * *

Одно холодное окно,
И комната полна безумий.
Днём пьют здесь светлое вино,
А вечером — ликёр раздумий.

Века считает бой часов.
Какая мудрость в нём сокрыта!
И падают осколки слов
В бокалы Истины убитой.

* * *

Ни слова лишнего, ни взгляда, ни упрёка!
Всегда желанный гость, любимый друг.
Как бьётся сердце жалко, одиноко
от этих глаз и рук.

Люблю тебя. Мне больно вслух об этом,
и я шучу: мне весело до слёз.
Мне так легко сиять под светом
любимых грёз...

Тебе так много зим, и лет, и вёсен.
А эта осень, Боже, что творит!
Луна сбивает шишки с пьяных сосен,
и всё здесь о разлуке говорит.

Хранило сердце свято в день прощанья
тепло огня.
Моя любовь не знает расстоянья,
тебя храня.

Ни пошлости, ни ревности, ни яда
в моей любви.
Я за тебя всю жизнь молиться рада.
Сто лет живи!

Люблю тебя, как любят лес, и звёзды,
и летний зной.
Мне всё равно, что лет тебе так поздно,
любимый мой!

* * *

Улетела осень
шёлковой косынкой.
Ветер снежной кляксой
брызнул по окну.
Было ровно восемь
песен на пластинке.
Оставалось слушать мне ещё одну...

Налетели тучи —
серые вагоны.
Сумасшедший поезд
мчался в никуда.
И дымок тягучий
затуманил склоны.
Или это слёзы
подошли тогда?..

А потом был вечер.
Лес читал молитвы,
скрюченные пальцы
к небу вознося.
Догорали свечи,
и острее бритвы
полоснула память,
сердце не спрося...

Улетела осень
шёлковой косынкой.
Ветер снежной кляксой
брызнул по окну.
Было ровно восемь
песен на пластинке.
Оставалось слушать мне ещё одну...

* * *

Ох и тяжела мне твоя музыка.
Невозможно жизнь легко понять:
годы от смешного карапузика —
до метро, где будут место уступать...

Промежуток этот, как в огне, горит,
золотым сечением сечён.
Только он всего мне не договорит
и тебя не спросит ни о чём.

Милый мой! Успокой. Уходить не спеши.
Постучись на постой
Розой красной — такой,
как мгновенье живой души.

За плечами годы — два больших крыла —
и туманов белый хоровод.
Только в твоё сердце камнем грусть легла,
невозможным делая полёт.

К звёздным приведёт огням дорога дня —
я твои печали отведу.
Только ты, пожалуйста, поверь в меня
не на горе и не на беду.

Погляди в глаза мне и поверь скорей,
что возможно по небу кружить.
Камень грусти бросим мы на дно морей,
и ты снова не устанешь жить...

Елена Егорова

Елена Николаевна Егорова — член СП России, автор 26 книг, заместитель председателя литобъединения «Угреша», дипломант московской областной литературной премии им. М.М. Пришвина (2006), лауреат московской областной премии имени Я.В. Смелякова (2005). Награждена Патриаршей грамотой, орденом-крестом «За веру, усердие и труды» 2-й степени, медалью «Александр Пушкин», медалью имени М.В. Ломоносова.

Моя берёза

Наш старый дом мне показался съёженным.
Пятиэтажка. Серенький кирпич.
Вот палисадник, в детстве обихоженный,
И у подъезда старичок-«Москвич»...
Берёза выросла повыше кровли —
Та самая, заветная, моя...
Стерев ладошки нежные до крови,
Её ребёнком посадила я
Под окнами и саженец упорно
Из лейки поливала поутру...
Ветвей густых вольнолюбивых волны
О прошлом что-то шепчут на ветру,
Легонько гладят мне лицо и плечи.
С берёзой мы ровесницы, родня.
Век у берёз почти как человеческий —
Немногим больше. Если же меня
Она переживёт, то будет память
Хранить по мне в трепещущих ветвях.
Когда её охватит смерти пламя,
Она продолжит жить — в моих стихах...

Воскресный вечер

Тёплый прозрачный вечер,
Нежный, погожий, свежий.
Светятся издалече
В небе кресты Угрешы
И за Москвой-рекою
Церкви Преображенья.
Жаждет душа покоя,
С Господом единенья.

Город не суетится
Вечером в день воскресный,
Всюду светлые лица.
Боже мой, как чудесно!
Мир, дарованный людям,
Значит для сердца много.
Завтра заботы будут,
И за всё — слава Богу!

Лебединое стихотворение

Шум моторов чуткий слух не режет.
Нежен день июньский на Угреше.
Благодатно и несуетливо.
Шепчутся таинственные ивы.
Я стою, дыханье затаив, и...

Слышу в радостном ветра трепете,
В изумлённом листочков лепете:
«Поглядите, выплыли лебеди —
Величавые белые лебеди,

Элегантные чёрные лебеди
И за ними гурьбой — лебедята!»
В свете солнца птенцы — словно лилии.
Души их так невинно крылаты!
В акварели пруда плещут линии —
Всюду линии лебединые,
И картина изящно проста,
Но ликуют в их дивной идиллии
Силы жизни непобедимые,
Неотмирная красота.

Музыка Листа

Вот и первые листья
Падают с веток лип.
В парке музыка Листа —
Лета последний всхлип.
Робко сквозь тучи брезжит
Снопик лучей косых,
Словно прощаясь, нежит
Крылышки стрекозы.

Музыка воскрешает
Призрак любовных грёз,
Манит и обольщает
Тем, что не удалось,
Что уже не поправишь
Судьбам наперекор...
Лист на линейке клавиш —
Предосенний аккорд.

Подарок на Покров

Накануне Покрова привёз
Школьный друг букет последних роз,
Но не тех, что в лаковой корзине
Куплены в цветочном магазине,
А других, познавших ветер воли,
Тех, что друг мой сам на даче холил.
Глядя с грядки на лесные дали,
Эти розы свет зари впитали,
Умывались капельками рос.
Леденящею рукой мороз
Лепестки их нежные не тронул.
Я букет поставила к иконам.
Светлый праздник на сердце моём.
Тонким ароматом полон дом
И неизъяснимой благодатью —
Той, что ниспослала Богоматерь
На простор земли моей родной,
Даровав Руси Покров святой.

Поэтические дали России

России поэтические дали
Так глубоки, певучи и грустны.
Светлы их драгоценные скрижали.
Задумчиво на них устремлены
Потомков очарованные очи.
Там на века алмазной вязью строчек
Сердца поэтов запечатлены.

Снежное видение

Снежинки падают безмолвно,
Как в медленном немом кино,
И город нежно и любовно
Укутывают пеленой,
Ажурным кружевом пуховым.
Оно на злате куполов,
На тонких веточках ольховых
Лежит и на стволах дубов.
И в снежном чудится круженье:
На фоне чистой белизны,
Едва заметные, в движенье,
Черты знакомые видны.
Улыбкой молчаливой манят
Воспоминанья прошлых дней.
Снежинки, падая, туманят
Глаза, которых нет милей.
Ушло, сокрылось, отболело
Недавно иль давным-давно...
И всё свежо, светло и бело
В картине зимней кружевной.

Любовь животворящая

Любовь в судьбе настоящая —
Чудо животворящее,
Вся жизнь с неё начинается
И ею благословляется,
Её волшебные лучики
Высвечивают всё лучшее.

Во имя любви страдание —
Пред Богом исповедание.
Когда путь судьбы кончается,
Любовью итог измеряется.

Чета стариков

*Памяти родителей
Валентины и Николая Егоровых*

Инея жемчужные клубы.
Замер лес, на облако похожий.
Небеса светлы и голубы.
И ничто покоя не тревожит.

Не спеша печатает следы
По искрящейся в лучах пороше
Стариков чета, но молодых
Глаз не утаить им от прохожих.

Он ведёт её через овраг,
По мостку ступая осторожно.
Видно, время — друг им, а не враг...
Бог — Любовь, а Богу всё возможно.

Пусть накал страстей давно утих,
Волосы седы, пальто — вне моды,
Но любовь поёт в сердцах у них,
Одолев житейские невзгоды.

Им вослед мечтательно глядит
Девушка, утратив вдруг беспечность.
Старики идут, а впереди —
Вечность.

Лев Котюков

Лев Константинович Котюков — председатель правления Московской областной организации СП России, секретарь правления и член приёмной коллегии СП России, академик Международной академии духовного единства народов мира, главный редактор журнала «Поэзия» и издательской серии «Библиотека русской поэзии», лауреат многих международных, всероссийских и областных премий, в том числе международной премии имени

св. равноапостольных Кирилла и Мефодия, литературной премии имени Я.В. Смелякова (2007), имеет правительственные награды.

Свеча любви

*Человеческая жизнь, даже самая-самая
неудачная, есть сбывшееся явление
Вселенной, и погибшая, несбывшаяся
любовь есть победа.*

Лунным светом омыло плечи,
И Луна погасила свечи,
И согрела холодный сад.
Как прекрасен был лунный вечер!..
Но теперь это всё далече,
Будто тысячу лет назад.

И прекрасно, что нет возврата
В тихий сумрак чужого сада!
Жить несбыточным не хочу!
Но, быть может, любовь когда-то
Вырвет душу мою из ада —
И о Солнце зажжёт свечу.

Озеро

*Любить и быть любимым
во всей полноте —
под силу только Богу, —
и без веры наша любовь мертва.*

Лесное озеро во тьме,
Как вечный сон, забытый миром,
Вдруг наяву предстало мне
В сиянье трепетно-эфирном.

Во тьме таились соловьи,
Томились отраженья тьмою...
Как чаша, полная любви,
Молчало озеро со мною.

И можно было — во всю прыть
Сбежать к воде травую росной,
Но страшно было пригубить
Глоток из чаши светоносной.

Как будто малый тот глоток
Мог полноту любви нарушить.
Как будто не настал мой срок —
Спасать любовью свою душу.

И я очнулся, Боже мой!
И Бог стоял у изголовья...
И оставалось быть собой,
И — не себя спасать любовью...

Божий взгляд

*До 50 лет у человека –
борьба с жизнью, после 50 –
борьба за жизнь.*

Темна вселенская дорога.
Летит на землю вечный снег.
Никто нигде не видел Бога,
Но Бог пронзает взглядом всех.

Мы все без Бога — одиноки —
В ревущем звёздном колесе,
И даже в помыслах высоких
Пред Промыслом — ничтожны все!

И я — греховен и ничтожен,
Но взгляд, исполненный любви,
Останови на миг, о Боже!
В моей душе останови...

В сумерках дубрав

*Бог есть вечная
первая любовь.*

Закат неспешный златоглав —
Земная тишь объяла небо.
В зелёных сумерках дубрав —
Ты лишь со мной поверишь в небыль.

Забудься в сумерках на миг —
И я забуду всё с тобою...
Я так устал от страшных книг,
Написанных моей рукою.

Ещё далече до дождя,
До громоносной круговерти...
Что ж, отдадим любви себя —
Мы в этой жизни будто в смерти.

В закатной золотой крови
Найдём небесную дорогу,
Но до конца отдать любви —
Себя — под силу только Богу...

В листопаде

*Истинная любовь —
как Божественное откровение,
вне времени земного.*

Светлая мгла налетела из сада,
Светится небо остатним огнём.
И золотая душа листопада
Светится, светится в сердце моём.

Словно в таинственный час откровенья,
Сердце омылось в огне золотом...
Господи, дай ну хоть малое время
Жить неземным, оставаясь в земном.

Жить, оставаясь бессрочно влюблённым,
Не замечая, что годы летят...
Солнце померкло в оранжевых клёнах,
Но не померк золотой листопад.

Жить бы да жить в листопадах со всеми!
Сердце трепещет кленовым листком...

Господи, где моё малое время —
Время земное — в огне неземном?..

Светлая мгла отступила от сада,
Небо омылось остатним огнём...
Но золотая душа листопада
Светится, светится в сердце моём.

Архистратигам

*Только один Господь
никогда никого
не искушает.*

Архистратиги высших сил —
Небесные Архистратиги,
Храните нас под сенью крыл,
Как тайну Голубиной книги.

Уходят наши берега,
И всяк живущий — тайнозритель...
Но Вы от вечного врага
В бессмертье нашем нас храните.

Храните нас за бездной лет,
Где смерть повержена любовью,
За берегом, где моря нет,
Где всё объято вечной новью.

И в огненосный Судный час —
Покровы крыл не отвратите...
Храните нас! Храните нас!..
От нас самих навек храните...

Рубаха

*Зло в этом мире
такая же постоянная
величина,
как скорость света.*

Всю ночь одна без страха
В безумном ноябре
Висит моя рубаха
За домом во дворе.

Висит моя рубаха
В ночи вниз головой,
И бьёт её с размаха
Ветрище ледяной.

Верёвка бельевая
В безумной вышине,
Рубаха ледяная —
Мерещатся во сне.

И, позабыв о страхе,
Один в чужом краю,
Я в ледяной рубахе
Пред Господом стою.

Владимир Лория

Владимир Карлович Лория — поэт, художник, член Высшего творческого совета Московской областной организации Союза писателей России, лауреат московской областной литературной премии имени Я.В. Смелякова (2010), автор сборника «Бетания» (2004), и других книг. Является потомком древнего западно-грузинского рода.

* * *

Здесь жизнь размеренно текла.
Но вот однажды в час урочный
Минувших лет колокола
Вдруг зазвонили поздней ночью.

«Как быстро молодость прошла», —
Подумал он, встав озабочен.
Минувших лет колокола
Ему звонили прошлой ночью.

Ей взор слеза заволочла,
И как-то изменился почерк.
Минувших лет колокола
И ей звонили прошлой ночью.

Земля была ещё тепла,
Но утром клён был позолочен.
Минувших лет колокола
Звонили долго прошлой ночью.

* * *

Уеду я в Кусково поутру
От суеты стяжательства московской.
Мне эта толчея не по нутру,
И ад машин, и зло рекламы броской.

Уеду я туда, где поутру
Румянится тумана поволока,
Где липы в кринолинах на смотру,
Как дамы в кавалерственном барокко.

Познав себя и с грустью бытиё,
Сомненьем бесконечно ночью мучась,
В дворцовое войду я забытьё,
В прошедших дней холодную текучесть.

Часов старинных мелодичный бой
Меня при входе в анфилады встретит.
И там наедине с самим собой
Внимать я буду тишине столетий.

Суздаль

Отныне духовные узы
Связали нас, нежно любя.
Жемчужный и розовый Суздаль,
Как раньше я жил без тебя?

Сокровище древних преданий,
Из сна воспаряющий град,
Святые и старые камни,
И воздух хрустальный твой свят.

И храмы твои, Божьей волей
Похожие на облака,
Цветов белогривое поле
И тихая, в травах река.

Гипноз петушиного крика,
Тумана в лугах молоко,
Где цепко хранит повилика
Ушедших монахов покой.

Плакучие ивы в низинах,
Холмов бирюзовый овал...
Как нужен ты, Суздаль, грузину,
Чтоб веру он в Русь не терял!

Медовый водопад

Водопада Медового возглас
И дымок над каньоном шашлычный.
Кисловодский озоновый воздух,
Как вино, пью по старой привычке.
И, минуя знакомые вехи,
На террасах альпийского склона
Забываю грехи и помехи
В этом солнечном мире исконном.
И колеблется воздух, сочится
Терпкий воздух с оттенками мяты.
Пахнет елью, полынью, корицей
И ребячьего счастья утратой.
Храбрый зяблик плескается в луже.
Пух летит — жди посланье в конверте...
С каждым вдохом спокойней и глубже
Вера в подлинность жизни и смерти.

Возвращение

Туч скользящих лиловые тени,
Громыханье далёкое гроз.
Плющ, покрывший церковные стены,
И затейливость вьющихся лоз.
Ностальгией пожизненно болен,
Вперив взгляд в голубой окоём,
Благовест неземных колоколен
Ясно слышу у моря; потом,
Всё забыв: и восторг, и обиды, —
Лишь способен впитать в себя ум
Эти дивные дали Колхиды
И прибоя наветренный шум.

* * *

То ли сновидение,
То ли лёгкий бред —
Будто из забвения,
Он возник, твой след.
Напрягаю память,
Но, увы, с листвою
В сумрачную замять
Канул голос твой.
На мысу скалистом,
Где ныряли мы, —
Небо в дымке мгlistой,
Море да холмы.
В бухте под Анапой
Юность не найти,
Лишь полынный запах
Твоего «прости».

* * *

Вечер таял на её ресницах,
И бежал за ворот холодок...
Счастья миг, увы, не повторится,
Дважды не войти в один поток.
Так печально Гераклит Эфесский
Истиной обмолвился простой.
Волосы её в закатном блеске
Отливали пряжей золотой.
Помнится, мерещится и снится:
Сумрак моря, дальняя гроза,
Вечер, угасавший на ресницах,
И её туманные глаза.

* * *

Темнеет равнина моря
И облака палевый локон.
Янтарным тыквенным цветом
Луна поднялась с востока —
Императрица печали
Над царством мышей летучих.
За ней — послушная свита
Звёзд голубых и колючих.
Жемчужная свежесть ночи.
Ночных насекомых клавиры.
И ветер, который носит
Извечную горечь мира.
Косой кипариса парус
Над камнем могильно-белым.

Бессмысленно жизнь стремится
В неведомые пределы.
В глубоких уснувших водах
Стремительный блеск макрели,
А крабы — монахи моря —
В своих прозябают кельях.

* * *

Косы протяжённость, и только вода
С рождения мира жила здесь всегда.
Она за окном, за горой и везде,
При солнце всходящем, при первой звезде.
На пляже пустынном у горной гряды
Есть ровный чарующий рокот воды.
Клубится под снегом, молчит под дождём...
А мы всё чего-то волшебного ждём.
И тянет вода нас в сумятицу странствий,
Но сколько забвенья в её постоянстве...

* * *

Покинул сердце жар желаний.
Отсеребрились гор верхи.
И в час дождливый утром ранним
Лишь вы со мной, мои стихи.
Опять бессонница, невольню
К кувшину тянется рука —
Вином раздумий, старой болью
Моя наполнится строка.

Татьяна Уварова

Татьяна Иосифовна Уварова — член Союза писателей и Союза журналистов России, член-корр. Академии Российской словесности, лауреат московских областных литературных премий им. Я. Смелякова (2005) и Е. Зубова, дипломант московской областной литературной премии им. Р.Рождественского (2006), руководитель литобъединения «Угреша». Выпустила в свет шесть авторских поэтических сборников, в числе которых «Предзимье» (2004), «Послесловие к любви» (2008), «Поздние астры» (2012). Награждена Золотой Есенинской медалью, орденом Екатерины Великой II степени.

Молитва о Руси

Праведный Боже, надежда Иисус,
Молюсь Тебе слёзно, усердно молюсь.
Я ничего не могу изменить,
Лишь верить могу и умею любить.
Рок надо мной, над моею страной,
Где вечно сражаешься Ты с Сатаной.
Слово моё как травинка в стогу.
Я научить никого не могу.
Люди устали от криков души.
Пьют ли, стреляют, считают гроши,
Плачут, ишачат, с трибуны галдят —
Демоны зла наши души едят.
Господи! Свет в наши души пролей,
Чтоб думали чище, творили светлей.
За Беларусь, и за Малую Русь,
И за Россию Тебе я молюсь.

Точно ножом, разделила граница —
Общая рана кровит и гноится.
Три богатырских души разделила
Чуждая русичам злобная сила.
Каждый посажен на хитрую цепь:
Злу ненавистна их общая крепь.
Братьев единой утробы до рвоты
Пичкали ложью лжепатриоты.
Псы отработали честно куски.
Те, что бросали им в пасть чужаки.
За Беларусь, и за Малую Русь,
И за Россию, Господь, я молюсь.
Отче! — взывают из славной дали
Все собиратели Божьей земли.
Русские князи в небесной стране
Бросили вызов на бой сатане.

Господи, я Тебе сердцем молюсь:
Сомкни воедино Великую Русь!
Тяжесть грехов нам сполна отпусти.
Отче! Помилуй детей и прости!

* * *

Усвоена жизни наука.
Дружны мы, как дети, с тобой.
Но где эта сладкая мука,
Что люди назвали — любовь?

Иссякли ревнивые страсти,
И трепет груди отлетел,
И сердце не рвётся на части
Соприкосновением тел.

А годы всё нижут и нижут
Дней бисер на тонкую нить.
А вечность всё ближе и ближе.
И этого не изменить.

Крещение смолян

Князь Владимир в Смоленске
гостил неспроста.
Он смолян окрестил
новой верой в Христа.
Окрестил не добром,
а мечом и огнём:
— Эй, дружина,
гони их к Днепру — окупём!
Византийский священник,
склонясь над рекой,
осенял непокорных
дрожащей рукой.
И сулил нам блаженство
в загробных садах,
если жизнь проживём
в подневольных трудах.
В Днепр безжалостно сброшен,
как бездельник и лгун,
с Воскресенской горы
наш великий Перун.
Деревянный гигант
от обид обомлел.
Где же гнев его — гром
и огонь его стрел?
Мы вдоль берега мчались
и выли, скорбя:

— Выплывай, боже, выдыбай!
Мы за тебя!
Разгоняли нас копьями,
мяли бока...
Но без идолов жить
мы не можем пока.
Не настала пора —
без князей, без оков.
Мы растём ещё,
малые дети веков.

* * *

Ноябрь вступил в свои права,
но ни теперь, ни впредь
не хочет умирать трава,
а хочет зеленеть.

Она ярка ещё пока,
как и мои зрачки.
Мы любим с нею облака
над зеркалом реки.

И я веду своих собак
по тропке травяной,
и ощущаю жизни смак
в обители земной.

О милосердный наш Господь,
мы все в Твоих руках.
Дай жизни нам ещё помощь —
так сладок он пока!

Пока нам жизнь ещё мила,
дай на земле побыть,
Пока душа ещё светла
и есть кого любить.

* * *

Море холодом встретило осень.
У курортников вздыбились нервы.
Стылый ветер бил листьями оземь,
Как картёжник козырною червой.
Евпатория бархат сезона
Подарила заезжей певиче.
И она, новым платьем фасоня,
Выступает в далёкой столице.
А в приморье пустынно и тихо
В ресторанах, в курзале, на пляже.
За билетом на поезд франтиха
Мчится ланью, а мне, прямо скажем,
Праздник сердцу и взору услада —
Одинокие волны седые,
Когда думать и спорить не надо
В сигаретном отчаянном дыме.
Когда Муза любви и печали
Неожиданно в гости заходит,
И душа, молода как в начале,
Запоёт соловьём на восходе.

* * *

Нет, не страсть! Многолетняя дружба,
Что вдвоём возводили любя...
Я — твоя аварийная служба,
И сама обгоняю себя,
Если ты вдруг в беду попадаешь,
Нездоровье сомнёт или ложь,
Всё осилю. И ты это знаешь.
Так и ты мне на помощь идёшь.
Ты — моя аварийная служба.

* * *

Этот день проявлен, как фото.
Весь он видим и осязаем.
На плацу марширует рота.
На стене — картина Сезана.

Пролегла морщинка у глаза.
Сыну в школе впарили «дозу».
Беспорядки в секторе Газа.
Смертника подвергли гипнозу.

Этот день отмечен брожением.
Новые законы и флаги.
Бедным всё сулит унижение,
А богатым — роскошь и страхи.

Этот день умрёт в этом мире,
Не устроив общего блага.
Раскалились струны на лире,
Сожжена глаголом бумага.

* * *

Где-то за морем птицы краше,
А у нашенских голос слаще.
В их предутреннем щебетанье
Русской песни сокрыта тайна.
Их ночные рулады-трели
Сердце стылое отогрели.
И теперь я души не чаю
В песнях радости и печали.
И поётся мне, и летится,
Словно птица я, словно птица.

Эдуард Хандюков

Эдуард Валентинович Хандюков — поэт, скульптор, инженер-изобретатель, член правления и Высшего творческого совета Московской областной организации СП России, лауреат премии имени А.Л. Чижевского в области науки и техники, московской областной литературной премии имени Я.В. Смелякова (2011), автор прозаической книги «Сказки», и книги стихов «Не ведаю, за что тебя люблю...»

* * *

Воспой избранницу свою,
Не думая о том, что будет.
Быть может, завтра позабудет
Она тебя в ином краю.

Ведь так, загадывая впрок
В делах, в которых сам непрочен,
В её судьбе готовишь прочерк,
Кто знает, на который срок.

Мы в суете спешим, как будто
Нам жизнь короткая дана.
В любви прожитая минута
Тысячелетию равна!

Благослови же ясным днём
Ту, что века тебе дарила,
Ту, что навеки опалила
Тебя негаснущим огнём.

Свет звезды

Холодная до пустоты
И ледяная до ожога,
Роняешь, будто с высоты,
Свой взгляд таинственно и строго.

У космоса своя игра.
Зачем тебе его забавы?
Живёт лишь только до утра
Мираж любви без слёз и славы.

В глазах твоих ищу ответ,
В глазах твоих — синее сини.
А в них всего лишь синий свет
Звезды, которой нет в помине.

* * *

Ещё годов не тяжек груз.
Красивая и молодая,
Ты улыбнёшься — снег растает
И расцветёт сирени куст.

Ты запоёшь — и соловьи,
Что на рассвете песней будят,
Тебя услышав, позабудут
Петь соловьям о любви.

Когда гроза колдует тьму,
Ты слово скажешь — улыбнётся
Твоей приветливости солнце
В своём высоком терему.

* * *

Великого ничтожные примеры —
Как уцелевший полинялый флаг.
Сокрыты символы давно забытой веры
В твоих курганах, в росных ковылях.

Мне в старых письменах тебя не разглядеть.
На бересте, на черепках с глазурью —
Печать веков... Под вечною лазурью
Спокойна и величественна твердь.

Гляжу на мир, где танки и машины
Свои рисуют знаки на земле...
А где-то вдалеке твои былины,
Звеня уздечками, качаются в седле.

* * *

Листвой скрывая серых птах,
От их же песен соловья,
В поющих травах и цветах
Поют кусты, поют деревья.

Поют просёлками ручьи
И комары над лопухами...
Кто разом петь их научил
В одном ключе, в единой гамме?

И не понять, где сон, где явь,
Под звоны звёздной карусели...
И соловьи, в свой круг приняв,
Вручают нам свои свирели.

Осень

Какая осень, какая синь
Легла на плечи седых осин.
Какая осень, какой огонь —
Губами только его не тронь.

Какая осень, какая даль —
В глазах рябины огня печаль.
Какая осень, какой полёт —
Течёт по лесу осенний мёд.

Какая осень, какой восторг —
Распахан плугом полей пирог.
Ах осень, осень, как будто вновь
Я постигаю твою любовь.

И бескорыстье щедрот твоих,
И песню сердца лишь на двоих,
Веселье хлеба в огне печей,
Бессмертье наше в огне ночей.

Гудят над миром колокола,
Зима присела на край стола...
Ах, осень, осень — крик журавля.
В осеннем вальсе кружит земля.

* * *

Готов я целовать любимой след.
Но час пробьёт разлуки с ней...
Любви моей чем ярче свет,
Тем тень её черней.

* * *

Исток Руси — он среди полей
С названьем тихим — Украина.
И в той окраинной земле
Моя зарыта пуповина.

Воды напьюсь — не замочу руки,
Припав губами к родниковой тайне...
Звени, ручей, в сторонке дальней,
Благословляя родники.

* * *

Уж месяц звёзды в хороводы кличет,
Не слышно дробы быстрых каблуков,
А я не сплю до первых электричек,
До наших подмосковных петухов.

Пусть тополя колдуют, будто маги,
Меня склоняя шёпотом ко сну, —
Слова ложатся на клочок бумаги,
Едва его карандашом коснусь.

Слова птенцами бьются под руками,
Проклюнув вымысла и яви пелену.
Вот оперились, вот поют стихами,
Вот я уже и сам у них в плену.

Рвёт темноту задор смолистых спичек,
Тускнеют звёзды в зное табаков...
Мне вновь не спать до первых электричек,
До наших подмосковных петухов.

* * *

Приходи, чайку попьём
Со смородиной, рябиной.
Разольются витамины
По душе твоей огнём.

От простуды, от тоски,
От усталости тщедушной
Ароматом лечат душу
Трав духмяных лепестки.

Сбросив латы и щиты,
За беседой неторопкой
Мы уйдём знакомой тропкой
В край забытой доброты.

Мы отыщем невзначай
Слов возвышенных приметы,
А повинен будет в этом
Старой дружбы крепкий чай.

Крепок он, как есть, вдвойне,
Горячей заморских грогов...
Приведи тебя дорога
Почаёвничать ко мне!

Евгений Аверьянов

Евгений Иванович Аверьянов — член правления Московской областной организации Союза писателей России, член Союза журналистов России, лауреат московской областной поощрительной литературной премии имени Я.В. Смелякова (2007), автор сборника «Под прицелом» и других. Его произведения публиковались в журнале «Поэзия», газете «Московский литератор» и других СМИ.

Моя свеча

Опять морозный день и суета,
И с новой силой жаждет солнца тело.
Белым бело, померкли все цвета;
Уже февраль. Зима поднадоела.

Деревья голы, будто бы ничьи,
Не оглядеть снегов моих безбрежность.
А я всё жду, что побегут ручьи
И ты придёшь — придёшь как неизбежность.

Мне не сорвать зимы тугой покров,
Кругом снега, снега белее мела...
О сколько одиноких вечеров
Моя свеча любовью небо грела!

Как я мечтал услышать звон ручья,
Чтобы зима откинула одежды...
И ты пришла, тебя звала свеча
Моей любви, и веры, и надежды.

Русский пилигрим

Небо в белёсой нуге,
Время — змеёю ползущей,
Я заплутался в пурге,
Всё полагая на случай.

Жил в безысходности фраз —
Сердцу тоскливо поныне,
Хочется истовства глаз,
Губ твоих вкуса полыни.

Вьётся позёмка, как тварь,
Ветры ледящие душат.
Эта холодная хмарь
Скоро мне вывернет душу.

Сердце моё не молчит,
Думы взывают к ответу...
В чёрной промозглой ночи
Я выбираюсь к рассвету.

Афган

А водка из фляжки пропахла металлом,
Металлом напичкана эта земля.
День к миру приходит под взглядом усталым,
Где я ещё жив — не во имя, не для.

Небесная фея спустилась к солдату —
На штык автоматный упала заря...
Сегодня на сопке погибли ребята
За горы Афгана. Дай Бог, не зазря.

Мы все здесь погибнем... Да в этом ли драма?
От гор и до Бога всего с полверсты.
Эх, Родина наша, да наша ль ты мама?
Что намobeliski? Поставь нам кресты.

Поставь из железа, чтоб крепко и ржаво...
Поставь задарма, за скупые гроши.
Мы русские воины последней Державы,
Последней Державы для русской души.

Волк

Опять бурелом и размытая пойма,
Вся роба в поту и пустая обойма.

Какая верста? Но считать их — нет толку,
Мы гоним и гоним матёрого волка.

Он лихо уходит дорожною новью,
Следы оставляя, краплённые кровью.

Охотников запах шибает по ветру —
Спасение близко и смерть где-то в метре.

Чудес не бывает у дикой природы:
Не ведают волки судьбы без свободы.

Лишь мёртвому волку свободы не надо.
И я холодею от волчьего взгляда.

В прыжке молчаливом с последнею болью
Он прыгнул на нож, приготовленный к бою...

Ноябрьские розы

Снега, снега ещё не пали,
Лес гол. То слякоть, то мороз.
А я бреду к тебе в печали,
Бреду один с букетом роз.

В мечтах моих живёт Суматра,
Где жарких чувств не тронет лёд.
Меня не манит звук Монмартра —
Мне дева чистая споёт.

Споёт о том, что лёд растает,
Что буду жить, весь мир любя,
Что ждёт она меня и знает:
Не убегают от себя.

В свинцовых тучах небо стонет,
Но живы вечные мечты.
Холодный лёд меня не тронет —
Я принесу тебе цветы.

Ворвусь всесильным и безбрежным,
Взбегу в покои со всех ног...
Ты ж отогрей дыханьем нежным
На каждой розе лепесток.

Ирина Белых

Ирина Анатольевна Белых (Суздалкина) — член правления Московской областной организации СП России, лауреат премии «Золотое перо Москвы», московской областной поощрительной литературной премии имени Я.В. Смелякова (2008), автор поэтических книг «Подружка», «Изумрудный ангел», «С любовью» и перевода книги болгарской поэтессы Виолеты Христовой «Другая комната». Награждена Золотой Есенинской медалью и орденом Екатерины Великой.

Земные времена

Вспоминать о прожитом не надо
В тихом доме на краю села.
Из души ушёл ты, как из сада,
Где любовь черёмухой цвела.

По ночам черёмуха любовно
Изливала аромат в окно,
И дрожали в бликах лунных брёвна
Вместе с дверью чёрной заодно.

И метался в небе вихрем белым
Тонкий шёлк из нежных лепестков,
И любовь светилась женским телом,
Вечно юным в памяти веков.

И меня обняли нежно стены,
Тонкий шёлк летал меж чёрных стен.
Ведь любви, вовек благословенной,
Ничего не надобно взамен...

Два креста

Мне не снились горы золотые
И не снился город золотой,
Но душой всегда несла кресты я:
Крестики простые — мой и твой.

Два креста и робко, и несмело
Я в своём безумии — несла,
А душа, что обнимала тело,
Сторонилась низости и зла.

Время плавно под уклон катилось
До времён неясных, но иных.
Я душою за двоих молилась
И крестилась тоже за двоих.

Жизней поднебесных перекрестье
Положила на душу судьба,
Но стирали пагубные вести
Мне печать безумия со лба.

И моё безумье — отлетело,
Но в безумье канул мир пустой,
А душа, что обнимала тело,
Показалась тенью золотой.

Изумрудный ангел

Мой путь к любви, лесной и трудной,
Заполнит время через край,
Но ты, мой ангел изумрудный,
В мой мир древесный не ступай.

Своей любви цены не зная,
Постой безвинно в стороне,
Пусть леса радуга живая
Тебе напомнит обо мне.

Я вся — изъязны и овраги,
И вся — пустынная стезя.
А надо мною ветра флаги,
И сквозь меня пройти нельзя.

Ворвётся солнце в мир безлюдный,
И дрогнет памятью во мне —
Твой образ яркий изумрудный,
Что спрячет лес на самом дне...

Москва

Ветки словно ресницы,
И глаза — фонари,
Ты со мною, столица,
Ты со мной говори!

Напряжена, как провод,
Ты волнуешь мне кровь,
И не нужен нам повод,
Чтобы встретиться вновь.

Ты, как встарь, белотела;
И в огне купола,
Всё понять ты умела,
Пережить всё смогла.

Жаль, гостей твоих лица —
Не родная семья,
Буду я тебе сниться,
Дорогая моя!

Ветки словно ресницы,
И глаза — фонари,
Ночи — чёрные птицы,
И печаль до зари!

* * *

Нет, уж лучше на холод —
Стуже лицом навстречу!
Знаешь, ведь этот город
Рану мою залечит.

Светятся мостовые,
Дождик исходит плачем...
Стены Кремля — живые,
С ними я что-то значу...

Как у Титана плечи —
Глыбы домов ночные.
Что мне сладкие речи?
Будут встречи иные!

Ветер крепкой рукою
В полночь пригладит локон —
Любят меня и такую
Светлые очи окон...

Игорь Витюк

Игорь Евгеньевич Витюк — секретарь правления Московской областной организации СП России, член Контрольно-ревизионной комиссии СП России, заслуженный работник культуры РФ, член правления Московского отделения Российского творческого Союза работников культуры, член Союза журналистов России и Международной федерации журналистов, шеф-редактор газет «Московия литературная» и «Московский вестник культуры»,

автор сборника стихов «Не прощаясь с любовью» и других изданий, лауреат премий имени А.В. Суворова, Я.В. Смелякова (2006), К. Симонова, В. Пикуля, генерала М. Скобелева, «Золотое перо Москвы» и других.

Офицерские жёны

Мы вас вырвали с корнем с родимой земли,
И по двум полосам на курсантских погонах
В безывестную даль вы за нами пошли —
Не курсантские, а офицерские — жёны.
Благонравно-изящный немодный наряд
Выдавал простоватость на крупном вокзале.
А затем — в городке ей во след говорят:
«Вот приехала к нам лейтенантская краля».
Что немодно в Москве, в гарнизоне — в чести,
Обсуждают простые и блузки, и юбки.
И такое вниманье тебе даже льстит,
Но о моде забудешь в общега-халупке.
Хорошо, если есть и вода, и тепло.
Ну а как занесёт в лес на дальнюю точку?
Десять финских домов, из удобств — ничего...
Слёзы мамы своей враз припомнятся дочке.
Муж отдался во власть боевой кутерьмы:
На дежурствах, на стрельбах и на полигоне...

От промёрзлых окошек бессрочной зимы
Даже верное сердце вдруг изморозь тронет:
«Почему в этом Богом забытом краю
Потеряла здоровье, веселье и юность?
Муж не видит родимушку — дочку свою...» —
И поплакалось ей, и на часик вздремнулось.
Только — чу! Отворилась скрипучая дверь,
И усы, что крепки от стального мороза,
Безоглядно тебя зацелуют теперь,
Всё смешав: влажность губ, и отталки, и слёзы.
А потом будут в жизни — большие чины,
Будут дети и внуки в уютных квартирах.
Офицерские жёны — для нас рождены!
Офицерские жёны — хранители мира!
Офицерские жёны! Не наша вина,
Что мы вырвали вас из родимых селений.
Вашу жертвенность вряд ли оценит страна...
И лишь мы перед вами — всегда на коленях!

Страх любви

Заблудился я в твоих глазах.
Как же отыскать мне путь обратно?
И на сердце безысходный страх —
Даже Солнце ослепляют пятна.
Неподвластна разуму любовь,
Но любви земная жизнь подвластна.
Оттого в любви воскреснем вновь
И в любви погибнем не напрасно.
Страх любви бессрочен для живых,
И в любви живым прощенья нету.
Заблудись и ты в глазах моих,
Вот тогда мы, может, выйдем к свету.

Любимой

Любовью к Родине пылаю,
Но убоявшись громких фраз,
К рукам любимым припадаю,
Храня тепло лучистых глаз.
Вы для меня слились в единый
Источник вдохновенных сил, —
О Русь! — ты в облике любимой,
И ты, Любовь, с душой Руси.

Величальная

Воссияло Солнышко
Красной горкой.
Нацелуюсь вволюшку
Горько-горько.
И приманит вербонька
Нас украдкой.
Полюбил я девоньку
Сладко-сладко.
И наступит Хлебный Спас —
Днём венчальным,
Наградит колечком нас
Обручальным.
Быть чадолюбивыми —
Нам от Бога.
Проживём счастливо мы
Долго-долго.
И детишки наши пусть
Вырастают.
Будет жить вовеки Русь —
Русь Святая.

Сестра милосердия

*Всем сёстрам военных
госпиталей посвящаю*

На меня ты напрасно сердисься
За невинную шалость слов:
«Ты — моя сестра милосердия,
Я в тебя влюбиться готов!»

После встречи желанной и робкой,
Как сочащийся кровью порез,
Лёг на сердце татуировкой
Полумесяц и Красный крест.

Но зачем с каждым днём всё усерднее
Я твержу тебе вновь и вновь:
«Ты — моя сестра милосердия!»
Ведь сестра, увы, не любовь...

Рождественский молебен

Глаза-глаза зовущие,
Глаза-глаза следящие,
Незримо вездесущие,
Безжалостно палящие.

И всюду взгляд Всевышнего —
И на земле, и в небе.
И снова сердце слышит
Рождественский молебен.

Просвечен, как рентгеном,
Я Божьими глазами.
И каждый миг мой бранный —
Пред Вечностью экзамен.

Натали Владо

Натали Владимировна Владо (Ананова) — член Союза писателей России, автор сборников «Стихи мои — моя судьба» (2007) и «Белочкин орешек» (2009), лауреат московской областной поощрительной премии имени Я.В. Смелякова (2010). Её произведения печатались в тбилисских периодических изданиях, в московских журналах, в альманахах «Академия поэзии», «История Угрешы» и «Угрешская лира», в подмосковных газетах.

* * *

Горит свеча на столике моём,
Всё в комнате чуть-чуть преображая,
Стекает воск встревоженный её,
Причудливо подсвечник украшая.

Вот так слеза стекает по щеке,
Скупясь, стесняясь, медля, одиноко,
И песня о замёрзшем ямщике
Звучит в душе, как память о далёком.

Но пламень чистый столько говорит
О днях счастливых, но невозвратимых...
Благодарю. Пусть Бог тебя хранит!
Моя любовь к тебе неистребима.

Горит свеча — отчаянье моё,
Тихонько превращается в огарок.
Приму без слёз горение её.
Приму как твой рождественский подарок.

Белочкин орешек

Выпадали то орёл, то решка.
На заре свистели соловьи.
Пушкинская белочка орешек
Кинула, как молвила: «Лови!»

Я поймала золотой орешек
С изумрудным ядрышком внутри,
Вдруг от сосен голосом поспешным:
«Ты его не потеряй, смотри».

Потянуло радостью безмерной,
Я такой весёлою была.
Пусть недолгий срок мне был отмерен,
Всё равно сегодняшним жила.

Веселилась, время жгла беспечно.
(Это так присуще молодым).
Только счастье наше скоротечно,
От костра живого только дым.

Всё в какой-то сумасшедшей спешке
Я неслась к Закату от Зари,
И пропал мой золотой орешек
С изумрудным ядрышком внутри.

* * *

Не запираю за собою двери:
Сегодняшним живу, как и жила.
Быть может, снова безотчётно верю
В распахнутые надо мной крыла.

Шахматный король

Бессильный старый шахматный король,
Я начинаю новое сражение —
Надёжное мне нужно окружение,
Ведь не моя первостепенна роль.

Необходим со всех сторон заслон,
Но офицер спасёт меня едва ли —
Он ходит только по диагонали,
Неповоротлив, как индийский слон.

Покорный жребию и жребий не кляня,
Стою один на самой чёрной клетке.
И чёрный ферзь в меня нацелен метко,
И не приблизить белого коня.

Я так устал, что прошепчу: «Адью».
Уж нет былой отваги и сноровки.
Меня спасти хотели рокировкой,
Но потопили верную ладью.

Ошибкам груз мы тяжело везём.
Не нами путь наш по земле рассчитан:
Мне так нужны и сила, и защита,
А ты не хочешь стать моим ферзём.

Хоть гибну, о пощаде не молю,
И даже на ничью я не согласен,
Исход сраженья до простого ясен,
Но не пристало плакать королю.

Рубиновый браслет

Ты подарил рубиновый браслет, —
И он легко обвинил моё запястье.
Его носила я как амулет,
И он хранил меня от всех напастей.

А годы шли. Всему отмерен срок,
День отыграл на золотой свирели.
Но тот браслет от бед ещё берёт,
Рубиновые капельки горели.

Тебя сберечь не смог мой амулет.
Печать разлук, увы, не в нашей власти.
Теперь горит рубиновый браслет
Кровавой раной на моём запястье.

* * *

Ты машешь вновь досадливо рукой,
Такой как есть меня не принимаешь
Иль просто до конца не понимаешь.
А я... я не умею быть другой.

Так ненавистны мишура и фальшь,
Сама в безумном пламени сгораю.
Живу нескладно, вовсе не играю.
У каждого своя от Бога блажь.

Ведь каждый сам прокладывает путь,
Своих богов, кумиров прославляет.
Познав свою в иных явлениях суть,
Я за собой идти не заставляю.

Дожди

Пошли осенние дожди:
Блестят от счастья мостовые,
Жары и мух уже не жди,
Печально мокнут постовые.

И словно странные цветы,
Несомые над головою,
Плывут по городу зонты,
Владея весело Москвою.

* * *

Какой нелепый грустный поединок,
В нём нет ни Вашей, ни моей вины,
Но стынет фраза колющею льдинкой
И ожиданьем боли со спины.

* * *

Свеча в окне как память о былом.
Гвоздичный чай как аромат блаженства.
Горит в душе обиду надлом:
Как человек далёк от совершенства.

В плену интриг, сомнений и проблем
Порой чужой не замечаем боли,
Приверженцы шаблонов и эмблем,
Хозяева своей большой неволи.

Сергей Газин

Сергей Юрьевич Газин — член СП России, член-корр. Академии российской словесности, ответственный секретарь журнала «Поэзия», лауреат московских областных поощрительных премий им. Я.В. Смелякова (2011) и Е. Зубова, премии «Золотое перо Московии», международной премии имени К. Симонова, автор книг стихов «Босиком по воде» (2003), «По русским просторам» (2004), «Русский салют» (2006) и «Волны любви» (2009).

Награждён Золотой Есенинской медалью, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

* * *

Раскололся лёд со звоном —
Бесшабашный слышу смех!
Я примчусь к тебе с поклоном,
С ветром, что гоняет снег.

Пусть румяная улыбка
Мне цветёт через метель!
Для тебя играет скрипка
И далёкая свирель...

Вторя им, звенит гитара
Под гусарскою рукой —
Сердце гибнет без пожара
Пред красавицей такой!

Скользки зимние дорожки,
Ты одна бежишь легко...
Пусть скрипят твои сапожки —
Не уйдёшь ты далеко!

Хмурое утро

Не блещут над Москвою с утра небоскрёбы —
Над холодной рекою угрюмый туман,
Серой тенью клубится из бездны-утробы
Безнадёжной тоски неземной океан.
Тяжело на душе без небесной лазури,
И волнуется сердце, сжимаясь в груди.
Лишь молитва спасает средь бешеной бури
От сомнений: а что там ещё впереди?!
Продираюсь сквозь сумрак, тихонько ступая;
Злые бесы растерянность сеют во мне,
Но кресты православные, кровь согревая,
С куполов шлют надежду, сияя во тьме.
Ни к чему мне идти к небоскрёбам далёким,
Если есть на пути пятиглавый собор, —
Он зовёт моё сердце к вершинам высоким,
Открывая душе бесконечный простор!

* * *

Шумели ночью тополя
Листою трепетной, зелёной,
Дышала свежестью земля —
И дождь шумел, в неё влюблённый.
И ветер дерзко в окна дул —
Он перебил мой сон тревожный,
И лишь под утро я заснул
Под гром грозы неосторожной...
И снился гул высокий мне,
Из дальних далей принесённый:
Я мчался в небе на коне
К тебе, как юноша влюблённый!

В белую ночь

Романс

В белую ночь сладко пахнет сиренью,
Звонко поёт о любви соловей,
Вижу в реке белых рук отраженье,
Радость улыбки жемчужной твоей.

Ты протянула открыто ладошки
Мягкому свету полночных чудес,
Смело шагнули две быстрые ножки
В лодку, качнув синеву до небес...

Неуловимо дрожат очертанья —
Двигутся небо, поля и леса,
В скрипе уключин ты слышишь признание,
Падает в воду тугая коса...

По ветерку распускаешь ты злато —
Солнце сияет в твоих волосах
Песней сердечной, высоким закатом,
Ясным рассветом в счастливых глазах.

Белая ночь удивительна очень, —
Кажется, день продолжает свой ритм, —
Светятся счастьем бессонные очи
Под благозвучие ласковых рифм!

Алмазная грань

Где розовые лилии
Пылают лепестками, —
Печаль там в изобилии
И грусть под небесами.

Смотрю в озёра томные,
В глубины ледяные,
Пугающе бездонные,
Но всё-таки родные...
И глубь зеленоглазая —
До капли, без остатка, —
Неистово алмазная,
Мне льётся в душу сладко...

Любовь, ты где?

О, этот зов: ты где, любовь?
Ты улыбаешься туманно...
Среди ветров, среди снегов
Ищу тебя я непрерывно.

Твоё присутствие везде,
Ведь ты божественна — по сути.
Ты в облаках, в живой воде,
На всех житейских перепутьях.

Да и не нужен ум любой,
Коль нет ни радости, ни счастья.
Пролей бальзам воды живой,
Откройся радугой в ненастье!

Пусть гром, пусть молния сверкнёт,
Пусть ливнем льёт поток зовущий,
Чтоб страсти нежной водомёт
Забил в крови моей поющей.

А как затихнет, — осветись
Лучами солнечного света,
Любовь моя! Уйдя, вернись!
Откликнись на слова поэта!

Елена Есина

Елена Владимировна Есина — член Союза писателей России, лауреат московской областной поощрительной премии имени Я.В. Смелякова (2009), автор книг поэзии и прозы «Мы на возу сидим втроём» (2005), «Небесная сосна» (2005), «Живая вода времени» (2009), а также многочисленных публикаций в альманахах и литературной периодике.

* * *

Взращённый в варварское время,
Ты научился побеждать.
И выбрал неземное бремя —
Слова из бездны извлекать.

Вослед шагнула за тобою
В стихию звука, как в огонь,
Но опалённая любовью,
Я обожгла твою ладонь.

* * *

Я за тебя, как за якорь, держусь
В жизни неистойвой.
Смотрит на нас восходящая Русь —
Женщиной с пристани.
Сколько она проводила сынов
В плаванье смелое,
И за столетья скорбный покров
Выцвел до белого.

Радуга любви

Я её в руках держала раньше,
В зыбкую мечту хотела верить.
К радуге бегу — она всё дальше,
И всё ближе серповидный берег.

Но печаль не омрачает небо,
И к нему стремится стебель тела,
Обретая радужную небыль,
У которой больше нет предела.

В центре радуги — светлее краски
И нежнее в сердце милый образ,
Он позвал с такую силой ласки,
Будто все ветра запели в голос.

* * *

Жизнь — смена бедствий и безумств.
Прочти на небе туч знаменья.
Сквозь них пробьётся отблеск чувств
И перейдёт в сердцебиенье.

Владеть тобой, душой, звездой —
И в путь неведомый пуститься.
Закрыв тебя от бед собой,
О жизни праведной молиться.

И силы ощутив в борьбе,
Смотрю бесстрашно в день грядущий,
Где я одна нужна тебе,
Как красота и хлеб насущный.

* * *

Эта боль почти блаженна,
Эта боль — озноб на солнце.
Мы влюбляемся мгновенно,
Но печалимся до донца.

Ястребиным серым глазом
Целишь в сердце беспощадно,
Забирая душу разом,
Говоришь, что страсть всеядна.

И поёт пространство с нами
Голосами птиц летящих,
Накрывая облаками
О бессмертье говорящих.

* * *

Твои глаза преследуют меня,
Любить навек желая беспощадно.
Но не пугает страсти западня:
В любви бывает боль отраднa.

Как простодушны радости уста,
Дарящие слова и поцелуи!
И только в счастье наша жизнь проста,
В душе рождая солнечные струи.

В развилке яблони спит тишина,
Листва лицо мне ласково закрыла,
И роза распускается до дна,
От твоего воспламеняясь пыла.

* * *

Камнем провалилась в крепкий сон,
Чтоб не мучили жара и жажда.
Но и там твой голос, как огонь,
Всё пылал, сжигая беспощадно.

Ночь прошла, и утренняя тень
Сквозь окно приветственно шагнула, -
И рвалась персидская сирень
В жизнь мою из уличного гула.

Шрамы сердца солнцем залечу,
Всё равно душа неопалима,
Поднимусь по тонкому лучу
И войду в великое светило.

* * *

В потоке времени всевластном
Не выцветают небеса.
Во все века в моление страстном
Оберегают голоса.

Русь вьюжные взрастила ветры,
Наш дух подняв из пепелищ,
В сраженьях воины окрепли,
В поход уйдя из городищ.

Пусть ветер треплет крылья мельниц,
Стволы деревьев гнёт в дугу...
Здесь по ночам гуляет месяц
И косит травы на лугу.

Анна Картавец

Анна Олеговна Картавец — член Союза писателей России, лауреат московской областной поощрительной литературной премии имени Я.В. Смелякова (2006), автор поэтических сборников «Ветка сирени» (2006), «Песни луне» (2009). Её произведения печатались в «Литературной газете», журналах «Поэзия», «Российский колокол», альманахах «Угрешская лира», «История Угрешы», в подмосковных периодических изданиях.

День рождения

С неба ливнем холодным
Чья-то грусть пролилась.
День заветный сегодня —
Я на свет родилась,

Чтобы всласть надышаться
Терпкой горечью лет,
Чтобы там потеряться,
Где кончается свет,

Знать, что с первой минутой
Жизнь разбита о лёд,
Знать, что в холоде лютом
Сердце скоро умрёт.

Небо дышит свободно.
Пусть любовь не сбылась,
День заветный сегодня —
Я на свет родилась.

* * *

Робко по лунным нотам
Пел молодой прибой.
Ты сказал отчего-то:
«Мне хорошо с тобой».

Звезды во мгле дрожали,
Тихим мерцая светом,
Бережно мы держали
В тёплых ладонях лето.

Пусть этот миг исчезнет,
Пусть эта ночь промчится, —
Звёзды над синей бездной
Мне будут вечно сниться.

* * *

Ты словно сон, забытый мной,
Счастливый сон, витавший где-то,
Пока меня манило лето,
Пока томил и мучил зной.

Ты словно мой далёкий зов,
Растаявший в ночи бескрайней,
Пока дышала звёздной тайной,
Не различая бег часов.

Ты боль моих минувших дней,
И ты со мною ищешь встречи.
Но что теперь тебе отведу,
Чтобы не стало нам больней?

* * *

Вечер бредит дождём, я бреду по Арбату —
В мире пасмурных грёз, в мире вечной утраты.

Над домами простёрлось бескрайнее небо.
Бесприютным таким этот мир прежде не был.

Этот путь нас манил за собою напрасно,
Путы смутного дня разорвать мы не властны.

Мы вкусили молчания горькой отравы,
В горле комом застыла строка Окуджавы.

* * *

Сегодняшний вечер, прозрачный и чистый,
Прощальной тает улыбкой лучистой,
Он кружит над миром листвою золотистой
Под нежные грёзы влюблённого Листа.

Сегодняшний вечер — завет о спасенье,
Он бродит вдоль узких тропинок осенних,
Он слышит, как шепчет о чем-то Есенин,
Чей голос по миру незримо рассеян.

Сегодняшний вечер — свершённое чудо,
Что выпито мной, как вино из сосуда,
Что явлено мне неизвестно откуда,
Что в жизни своей никогда не забуду.

* * *

Нежность твоя тщетно ищет предела,
Сердце тонет в реке под названием страсть.
Я сегодня остаться с тобою посмела,
На мгновение к жаркому телу припасть.

А потом я сказала: «Ну что же, довольно».
И тебя проводила до самой двери.
Ты прости, что любить так мучительно больно,
Не встречая вдвоём отсвет алой зари.

Отчего никому в этом мире бездонном
Было сердца не надобно моего?
А теперь, глядя в души лишь взором холодным,
Я сама полюбить не могу — отчего?

* * *

Женщины, носящие в глазах жемчужины,
Ни в зимнюю стужу, ни знойным летом,
Ни та́я в осенне-весенних лужах,
Не разбивайте сердца поэтам!

Грамм даже самой обычной страсти
Может сегодня спасти положение.
Шепните: «Судьба моя в Вашей власти!»,
Чтоб вызвать лирическое брожение.

А дальше... ждите торжественной оды
С припиской примерно такого рода:
«Из двух богинь предпочёл я свободу,
Но Вашу любовь не забуду до гроба!»

Максим Ключев

Максим Алексеевич Ключев — член Союза писателей России, лауреат московской областной поощрительной премии имени Я.В. Смелякова (2011), автор сборника «Тени. Блики. Отражения» (2011). Его произведения публиковались в журналах «Поэзия», «Слово Отчее», газетах «Угрешские вести», «Московский литератор», в альманахах «Угрешская лира», «История Угреши», звучали в эфире радио «Угреша».

* * *

Вином причастившись и хлебом,
Грехи отпустив на погост,
Мы смотрим в полночное небо
С белёсою проседью звёзд.

Жалеть о несбывшемся поздно,
Но небо не помнит стыда...
Сегодня счастливые звезды
Сияют нам как никогда!

И тянутся руки навстречу,
И кругом идёт голова,
И губы горячие шепчут
До дрожи родные слова.

Всё тише они, всё короче...
На сердце ложится ладонь...
Священное таинство ночи
Слова превращает в огонь!

* * *

Я канул в скитаньях далёко,
Ни дома мне нет, ни любви.
Чужие ветра и осока
Меня иссекли до крови.

И дикие звезды Пальмиры
Меня прожигали насквозь.
Нашёл я сокровища мира,
Лишь счастье моё не нашлось...

И путь мой усеян камнями,
И молодость выпита вся...
Босыми дошёл бы ногами,
Куда возвратиться нельзя.

Но где же искать вас, истоки,
Родная моя сторона?
К чужбине ведут все дороги,
На Родину — только одна!

Просто

Грусть — это просто трава лебеда,
Память о прошлом — цветок незабудка,
Душные слёзы — морская вода,
Смерть — это чья-то жестокая шутка.

Небыль и быль порастают быльём,
В окнах души отражаются звёзды.
Просто любимые, просто вдвоём...
Господи! Как это было непросто!

На Мамаевом кургане

Слов не надо, пожалуйста, тише.
Здесь уже отгремел Божий гром.
Здесь, молитвы сыновьи услышав,
Мать Россия взмахнула мечом —

Так, что плачут поныне берёзы,
А по Волге в траве луговой
Выпадают кровавые росы.
Здесь бессмертье и вечный покой.

Здесь минуты молчания глуше,
Здесь по-русски молчат о былом.
Тишиной разрываются души,
Опалённые Вечным огнём.

Возвращение

Видно, хлеб твой и горек, и лаком:
Узнаю тебя, брошенный Дом!
По чумным обречённым баракам,
И по шраму над пятым ребром,

И по волчьему взгляду ребёнка,
По могильным крестам у реки,
И по морде крутого подонка,
Чью машину сожгли мужики.

И в ларьке, у витрин закопчённых,
В белохлебном витая дыму,
Продавщице скажу: «Дайте чёрный,
Я без чёрного жить не могу!»

* * *

Судьба на испытанья не скупилась,
И жизнь была не Божия роса...
Спрошу тебя: «За что же полюбила?
Неужто за красивые глаза?

А может, за обманчивость полёта,
За первые бездарные стихи?..»
В ответ услышу: «Любят не за что-то.
Тебя я полюбила вопреки!»

Я жду

Поверь, любовь не умерла,
И счастье где-то есть.
В плену потерь, сомнений, зла
Я жду благую весть.

Я жду, как первый свет весны,
Шагов твоих капель.
Я жду в тревоге тишины,
Не закрывая дверь.

Поверь, я научился ждать,
Научись и ты,
Как прежде, искренне прощать
Разбитые мечты.

А не дождусь — не обессудь,
Не отпущу тебя!
И там, где мой прервётся путь,
Я буду ждать, любя.

Домострой

Веками учит «Домострой»:
«Жена да убоится мужа!»
Известно женщине любой:
Терпи, покорствуй, будь послушна.

Я «Домостроем» дорожу,
И ты меня не облапошишь!
Всё будет так, как я скажу!
А я скажу, как ты захочешь.

* * *

Были деревья в зелёных фраках,
Соло исполнял красавец март.
Этот вечер на кошачьих лапах
К нам подкрался вдруг и невпопад.

Таял под ногами чёрным снегом
Холод затянувшейся зимы.
Чудо — быть с любимым человеком —
Только-только пригубили мы...

Этот вечер золотом и шёлком
Сам Господь, наверно, вышивал,
Если до сих пор не помним толком,
Кто из нас кого поцеловал.

Геннадий Кобылкин

Геннадий Иванович Кобылкин — член Союза писателей России и Товарищества детских и юношеских писателей России, лауреат московской областной поощрительной литературной премии имени Я.В. Смелякова (2009), лауреат международного литературного конкурса «Ступени-2» (2005) и международного литературного конкурса им. А.Н. Толстого (2006), автор поэтической книги «Берегов родное очертанье» (2009). Его стихи

печатались в альманахе «История Угреши», журнале «Поэзия», коллективных сборниках и периодической печати.

* * *

В храме солнца — белой роще —
В жёлтом саване и пыли
Лета высохшие мощи
До зимы глухой застыли.

Ветры в пашне студят ноги,
Провода всю ночь гудели.
Низким избам у дороги
Снятся гиблые метели.

Не до звона, не до лоска:
В тёмных латах время суток.
Осень горбится в обносках
И спешит на первопуток.

* * *

Сквозят в лазури дымкой облака,
И полая вода шумит по склонам.
Как вена, вздулась, тужится река,
И шальный ветер носится по кронам.

Запахло талой свежестью коры,
На солнце лёд темнеет и слезится.
Вдали дымятся рыхлые бугры,
И лёгкий пар над полем серебрится.

Ещё белеет снежная гряда,
А лужицы на солнце пламенеют.
Вода в лучах как жидкая слюда,
В ней тени крон извилисто синеют.

Забавная весёлая пора
Звонит с карниза в солнечной капели.
На улице смеётся детвора,
На окнах в доме стёкла запотели.

Грачиный грай по-летнему весь день,
Тепло, но лёгкий ветер студит руки.
И благостно-пленительная лень
Весною в каждом запахе и звуке.

* * *

Есть вечера, безмолвной негой полны,
Когда в тиши отчётлив каждый звук,
Когда зари румянящейся волны —
Бесценный дар из благодатных рук.

Они подчас, как лёгкие виденья,
Являют нам волшебный, нежный Лик.
И всё хранит печать благословенья,
И Вечностью наполнен каждый миг.

* * *

Закрыв на час поля густой завесой,
Спустился дождь сплошною полосой.
Но снова солнце светится над лесом,
Блестит трава янтарною росой.

В лучах лоснятся чистые пшеницы,
И лёгкий пар задумчиво скользит.
В берёзах нежно шепчутся косицы,
В них ветерок таинственно сквозит.

Грачиный молодняк галдящей стаей
Срывается со старых тополей
И, вдоль дороги низко пролетая,
Чернеется на зелени полей.

Запахла мёдом кашка луговая,
Отчётливей слышны перепела.
Вот ящерка зелёная, зевая,
Пластом, на солнце греючись, легла.

Степное освежённое дыханье
И яркий блеск алмазных крупных слёз.
Вдали порой внезапное блистанье
Ушедших, но волнующихся гроз.

Мессамбрия

*Древнему городу в Болгарии —
Несебру, ранее Мессамбрии*

Вдалеке Балкан упругий кряж,
Синевою пропитанное море.
И в ночной прохладе древний пляж,
И луна фракийская в просторе.

И, касаясь бережно воды,
Всей душой, что в прошлое проникла,
Слушаю дорийские лады,
Вижу флот могучего Перикла...

Я всегда паломничать мечтал
И вхожу в Мессамбрию в надежде...
Вижу стены, гавань, низкий вал
И ромея в складчатой одежде.

Сколько горя, соли и тепла
Ты хранишь в своей заветной чаше —
Прикоснусь и чувствую: была
Ты ещё загадочней... и краше.

* * *

*Пропаду от тоски я и лени...
А.А. Фет*

Пропадаю от грусти и лени.
Может быть, это вовсе не лень,
Это гроздь душистой сирени.
Обожаю весною сирень!

А грустить одинокому надо,
Как грустит отцветающий сад.
Потому и кружится над садом
Из цветов поутру снегопад.

* * *

Поле глухо, небо хмуро,
По оврагам слой тумана,
Туча изморось понуро
Рассыпает из кармана.

По низинам в каше вязкой
Спят нахмуренные сёла,
Вечер с алой опояской
Смотрит в поле, невесёлый.

Уплывает осень в лодке
По степи широкой к югу,
Снится сёлам в околотке,
Что зима несёт им вьюгу.

Метель

Ночью бьётся в стены злая,
Беспокойная метель.
Гулко воя, звонко лая,
Тащит двери из петель.

Окна пылью заметая,
Отрывает шифер крыш.
Разбежится и, взлетая,
Воет жалобно из ниш.

Хлещет веткой по сараю,
Рыщет змейкой у ворот,
А потом с межи по краю
Заметает огород.

Екатерина Корнакова

Екатерина Сергеевна Корнакова — член Союза писателей России, лауреат московской областной литературной поощрительной премии им. Я.В. Смелякова (2010), награждена Золотой Есенинской медалью, медалью «Александр Пушкин». Екатерина является родственницей А.С. Пушкина по линии Ганнибалов, стихи пишет с детства, выпустила в свет две поэтические книги: «Счастье — это непривычно»(2007) и «Кофейня на Патриарших»(2010). Её стихи публиковались в журнале «Поэзия», в «Литературной газете», в газете «Угрешские вести», в альманахе «Угрешская лира» и других сборниках, в периодической печати.

Инкогнито

Я сегодня инкогнито —
Снова взойду на престол.
В этой геенне огненной
Свой сохраню ореол,

Платья шуршащего складки,
Тонкий с изгибом каблук,
Имя моё — три девятки,
Трижды по девять букв.

Мне досталось по праву
То, что как мир старо:
Скипетр и держава —
Чернильница и перо.

Памяти моей прабабушки

Она любила пить крепкий горячий чай...
Её раздражали украшенья, перчатки, очки...
Закуривая, дочь выходила под вечер встречать,
В кольцах дыма расширенные пряча зрачки.

Потеряв мужа, она разучилась бояться —
Быть слабой не для кого, если одна.
Стала курить, когда стукнуло ей семнадцать.
Хотела бросить, но началась война.

Вечерами её можно было найти в театре
Под руку с поклонником где-то за тридцать.
Позволяя себя проводить до парадной,
Тут же закуривала, стоило ему удалиться.

Она не бывала ласковой,
Была суровой, почти жестокой.
От природы характер имея властный,
Осталась до старости одинокой.

От бессонницы мучаясь по ночам,
Дня и ночи так часто теряла канву.
Любила пить крепкий горячий чай,
Глядя в окно на ночную Москву.

Она умерла лет двадцать назад...
И сколько бы ещё ни прошло дней,
У меня её жесты и её взгляд —
Она ведь живёт... во мне.

Кофейня на Патриарших

В эту маленькую кофейню
На одной из московских улочек
Нас манили по воскресеньям
Ароматы французских булочек,

Горький запах кофейных зёрен,
Притягательной чёрной гущи.
Мне казалось, ты стал покорен,
Словно зверь, мой покой стерегущий.

Наизусть мы читали Гейне
И хотели казаться старше
В этой маленькой тихой кофейне,
В кофейне на Патриарших.

Ты однажды сказал: «Попробуй,
На кого-то другого глядеть!»
Одиночества серую робу
На меня захотел надеть.

И, пожалуй, в это мгновенье
Я решила с тобой проститься
В этой маленькой тихой кофейне,
Там где пахнет так сладко корицей.

Моя муза

Шея смуглая, в жемчугах,
И на плечи манти наброшено...
Вновь с улыбкою на губах
Дерзкой гостьей пришла — непрошеной...

Марионетки

За бронзовые монетки
И в поисках лучшей доли
Играют марионетки
На сценах великие роли.

Кто — пленник, а кто — победитель,
Кто сдался и просит защиты...
Не знают: натянуты нити
И каждый поступок просчитан.

И донжуан, и кокетка,
И хамка, и недотрога —
Каждый марионетка
В руках у Господа Бога.

Портрет

Нарисуй мой портрет, если хочешь,
Только красок простых не бери:
Для ресниц — одолжи их у ночи,
А для губ — возьми у зари.

Для моей белоснежной кожи —
Тихой речки молочный пар,
А причёска моя похожа
На осеннего леса пожар.

Нарисуй, нарисуй попробуй
В ярких красках счастливого дня.
Я готова позировать, чтобы
Наконец ты увидел меня.

Музыка Сибелиуса и Грига

Музыка Сибелиуса и Грига
Душу растревожила спящую.
Не забуду волшебного мига
И мелодию, в купол летящую.

Сердце иголкой-смычком пронзила,
Разом прогнав безразличие.
В творчестве лишь человека сила —
Сила его и величие.

Играла на арфе моих эмоций,
Струны души натянув до предела.
Музыка трелью по венам льётся...
Вспомни, как в купол душа летела.

Мой октябрь

Полыхай... Полыхай для меня!
Мой октябрь с оранжевой гривой!
Языками шального огня
Расскажи о душевных порывах.

Листопадом за мной наблюдай,
Хризантемой, поставленной в вазу.
Мой октябрь, гори — не сгорай
Этой осенью зеленоглазой.

В переливах осенних истом
Километрами птичьих стай,
Золотистым кленовым листом
В самом сердце моем полыхай!

Дмитрий Краснов

Дмитрий Анато́льевич Краснов — член Союза писателей России, лауреат Московской областной литературной поощрительной премии имени Я.В. Смелякова (2005), автор публикаций в журнале «Поэзия», сборников «Странник», «Высокая глубина».

* * *

Пред тобой преклоняя колени
И твою воспевая красу,
Я, безудержный баловень лени,
Сыплю строчек безумных росу!

Мне не жалко душевной силы.
До конца разбазарю талант.
И пускай надрываются жилы,
Мне не страшно: я — царь, я — атлант!

И, стихами тебя убаюкав,
Унесу в бесконечный рассвет,
И забуду бессонные муки
И безумной реальности бред.

Мы с тобой потеряемся всеу,
Мы очнёмся средь горних высот,
Нас утопит любовь в поцелуе,
Нас любовь в поцелуе спасёт.

* * *

Где-то между Солнцем и Луной,
Между звёзд потухших и горящих,
Люди, одурманенные тьмой,
Перебили мыслящих и зрящих.

Был отлит из золота телец
В духоте безмерных возлияний.
Почернело золото сердец
От пустых неверных оправданий.

И предстал чужбиной край родной,
Загалдел кагал прямоходящих,
Но ещё за Солнцем и Луной
Кто-то ищет мыслящих и зрящих.

* * *

Трубят архангелы призывно песнь свою,
Седые облака саднит багрянец.
Я перед Искупителем стою,
Как перед полководцем новобранец.

Он солнце взял в пробитую ладонь.
Спасать людей — смертельная работа.
Он был испепеляющий огонь,
Упавший в греховодные болота.

И снова палец вниз — привычный жест —
Потеха, опьяняющая кровью.
И снова будут плети, будет крест
И смерть надежд, распятых нелюбовью.

* * *

Жемчужные капли, как звёзды, зажглись,
Их приняло тёплое лоно,
Загадку Вселенной, могучую жизнь
Вбирая в себя упоённо.

И наша любовь не померкнет вовек,
И плоть освятится душою.
На новую Землю сойдёт Человек, —
Чтоб я повторился с тобою.

* * *

Осенний долгий листопад —
Багрянец мёртвых рос.
Деревья зябкие дрожат,
Глаза дрожат от слёз.

А мир в извечной чистоте,
В бессмертных Божьих снах
Внимает смертной красоте
С улыбкой на устах.

* * *

Ты — тихий и ласковый ветер,
Ты — ландыша хрупкий росток,
Искрящейся радуги веер,
Летающий с дождём на восток.

Тебя я к нему не ревную,
Нас грозами не испугать!
Я верю в любовь роковую —
Она-то и есть благодать!

* * *

Всю жизнь свою я ждал тебя,
Тревожно вглядываясь в лица,
То восторгаясь, то скорбя,
Спеша в надежде утвердиться.

Бежали в сутолоке дни,
Душа томилась в непокое,
Мерцали чуждые огни,
Манило призрачно бывшее.

И я, оглохший, чуть живой,
Раб суеты, друг лихолетья,
На миг обрёл в тебе покой
И осознание бессмертья.

* * *

Я живу на пределе мечты,
Где горит первородный огонь,
Где в лазоревой глади цветы
Лепестками ласкают ладонь;

Где хрустальная звонкая нить
Улетает стрелой в небосвод,
Чтоб сияньем своим защитить
Хрупкий мир от случайных невзгод.

Там ни старости нет, ни беды,
Там не льётся невинная кровь,
Там Божественных знаний плоды
Нам не смерть принесут, а любовь.

Саида Кузнецова

Саида (Александра) Павловна Кузнецова — член Союза писателей России, лауреат московских областных литературных премий им. Я.В. Смелякова (2005) и им. Е. Зубова (2006). Учится в литературном институте. Её произведения публиковались в журналах «Поэзия» и «Российский колокол», в альманахах «Академия поэзии», «Угрешская лира» и «История Угрешы». В 2005 году выпустила авторский сборник стихов «31 вздох».

Вся моя любовь

Я талый снег твой, зима в Баку,
Я в чёрной вене твоей теку,
Я пульс твой смутный, я ток обратный.
Открой раскосые очи, брат мой,
К тебе бегу.

Морозный сгусток из воронья
Зима вдыхает в свои уголья,
Дворов трущобы промеж белья.
Люби, кляни и умри сегодня,
Пока есть я.

Стучались чёрные ветви дня
В балкона двери и бились в окна.
Ах, Шива, бедный родимый бог мой,
Предвечной боли звучанье смолкнет,
Когда взорвёшься внутри меня.

* * *

Базарное пекло раздело по пояс.
Мы так нереально запутались в ценах.
Ты, чёрный и чистый, так дорого стоишь,
Что трачу полжизни за каждую сцену.

Прости мне отверженность жестов небрежных,
Но гордость — как масло в пожаре фиаско.
Как дом свой оставишь — последняя нежность.
Как руку отрезать — последняя ласка.

И лишь на прощанье, прошу я, без фальши,
Звезда моя бедная с ликом османа,
Мой маленький мальчик, мой маленький мальчик,
Открой, чем так сахарна соль этой раны...

* * *

Нелепо так: овчарка руку лижет,
А я пинаю палую листву.
А я тебя, наверно, не увижу
Ни в коме, ни во сне, ни наяву.

Приятно так: листва летит салютом,
Чтоб рыжей краской небо опалить,
А я давлюсь октябрьским уютом,
А я глотаю огненную нить.

И так понятно: ничего не надо
Мне, кроме силы памяти моей,
Ведь лишь она хранит со мною рядом
Того, кто вечность коротает в ней.

Звездопадами

Кому-то вечер расчесал косы,
а мне развёл и раскрошил сердце.
По небу белые летят осы,
по телу новые бегут герцы.
Что говорить, когда темно в холле?
Что отвечать, коль про мечту спросят?
Сегодня вечер изменил роли:
актёров ветер под мостом носит.

Она была, как звездопады, яркой,
с туманных крыш высматривала братьев.
Лежал январь по золотым паркам
ковром её многострадальных платьев.

Сегодня грубые слова — нож в спину,
желанья странствуют дурным слухом.
О ней кино не разрешат, не снимут.
Гореть оставят тополиным пухом.
А завтра — руки по снегам рыщут.
Что потеряли, то искать поздно.
Она ждала, она звала с крыши,
она была как эта ночь. Звёздной.

* * *

Моя свобода не снилась ни ветру, ни птицам:
я гуляю по рельсам с тем, кто в пути попался,
подставляю юное сердце ножам и спицам,
я смеюсь — я хочу, чтоб кто-то со мной смеялся.

С поэтичным рэпером буду молиться идолам:
Мы прославим Рената — на разные полюса,
Мы уже никогда не будем терзаться выбором.
Мы — нашедшие все дороги, ведущие на небеса.

Незнакомка

О, если бы я знал
Заветный номер дома,
Любовная истома
Нашла бы идеал.

Потерянный клубок
Найду в огромном мире,
Отдав свой разум лире
Для вдохновенных строк.

Любви она княжна.
Я узник, вечно пленный
Красавицы вселенной
Без страсти и вина.

Я белые цветы
Дарить ей вечно буду,
Наш дом предаю уюту,
Пречуждо нищеты.

Но где ж мой идеал?
По городу шагая,
Увы, о том не знаю.
И жаль, что не узнал!

Анатолий Медведев

Анатолий Сергеевич Медведев — секретарь Правления Московской областной организации СП России, член Союза писателей-переводчиков, член-корр. Академии российской словесности, лауреат международной литературной премии имени С.Я. Маршака, московской областной поощрительной премии имени Я.В. Смелякова (2008), премий «Золотое перо Московии», имени А.П. Чехова и Е. Зубова. Награждён «Золотой Есенинской медалью» и медалями «Во имя жизни на Земле», «Ревнителю просвещения. В память 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина». Его перу принадлежат авторские сборники стихов «Лики любви», «Ночная сирень» и три книги вольных переводов английских поэтов XVI-XX века.

Моему другу

Свеча горит, таинственно мигая,
Фитиль подвёрнут, полумрак вокруг.
Тебя сейчас мне очень не хватает,
Мой самый лучший, несравненный друг.

В моём пустынном загородном доме
Мне одиноко очень в тишине.
Сажу один я в кресле, мне знакомом,
Тепла души так не хватает мне.

Сверчок скрипит уныло за комодом,
И грустно плачет ветер за окном,
И в этом своевластии природы
Грустит со мною милый старый дом.

Ночная сирень

Под кустом сирени я хотел бы спать,
Терпкий, но приятный аромат вдыхать.
Звёздочки на небе весело горят,
Радуя сегодня взрослых и ребят,
И влюблённым ночью освещают путь.
Ты сирени росной запах не забудь.
Он опять напомнил юности года,
Время, что промчалось раз и навсегда,
Школу и учёбу, Серпухов родной,
И друзей, к которым ездил в выходной,
Техникум, подружек, первую любовь.
Что умчалось в вечность — не вернётся вновь.
Под сиренью росной, на траве густой
Я лежу сегодня в этот час ночной,
Вспоминаю юность, прошлые года,
Что умчались в вечность раз и навсегда.

* * *

Ещё стоят не убраны поля,
И солнце днём всё так же ярко светит,
И вряд ли кто-то в этот час заметит,
Что скоро в сон погрузится земля.
Прохладой веет ранняя заря,
Она однажды утром осень встретит,
Зелёный лес во все цвета расцветит,
Ледком подёрнет берега ручья.
Сухой листвою ветер шелестит,
Как будто шепчет о зиме, играя,
В далёкий путь пернатых приглашая.
Всё чаще небо в серых облаках.
Лишь иногда луч солнца заблестит,
И радость прозреваю я в глазах.

Музыка любви

Вечерний час. На город опустилась,
Играя звёздами, ночная тишина.
В окно взглянув, немножечко смутилась
Влюблённых всех любимица — луна.

Сидели пары тихо в полумраке,
А рядом с ними музыка лилась,
Её играл маэстро в старом фраке,
Над фортепьяно низко наклонясь.

Мотив любви струился, разливался,
Истомой лёгкой души наполнял,
То улетал, то снова возвращался,
А музыкант играл, играл, играл.

Скользили руки, будто бы ласкали
Они собой прекрасный инструмент,
А все сидели тихо и мечтали,
Чтоб никогда не кончился концерт.

Маме

Сидишь одна, перебираешь фото
И смотришь на детей и на меня,
А на лице твоём всегда забота
С рожденья нашего до нынешнего дня.

А жизнь идёт, летит неумолимо,
Мы повзрослели, что ещё сказать?
Но ты, родная, нам необходима —
Любимая единственная мать.

Мы далеко, но всё же здесь мы — рядом,
Мы взрослые, но дети для тебя.
А ты глядишь своим печальным взглядом,
Далёких нас по-прежнему любя.

Не нужно, мама, в грусти мало прока,
Знай, мама, мы всегда с тобой,
К тебе одной ведёт моя дорога
В беде и в радости — к любимой и родной.

Встреча

Колючий ветер в спину подгонял,
Мороз щипал за щёки и носы,
И я уже не шёл — почти бежал,
Пока не пробили полночные часы.

А город спал, не ведая тревог,
Покрылись снегом улицы, дома,
Один лишь я, как брошенный щенок,
Спешил туда, где ты была одна.

Спешил туда, где не был много лет,
Спешил скорей в родной когда-то дом,
Где я не раз с тобой встречал рассвет,
Не ведая, что был тогда влюблён.

Прошли года. Умчались навсегда.
Забылось раньше милое лицо.
И надо ж так: я вновь спешу туда,
Где ждёт в снегу заветное крыльцо.

Анастасия Мигова

Анастасия Алексеевна Мигова — член Союза писателей России, лауреат московской областной поощрительной литературной премии имени Я.В. Смелякова (2008), автор сборника «Лабиринты души» (2008), лауреат всероссийских и областных конкурсов авторской песни. Её стихи публиковались в альманахах «Угрешская лира» и «Академия поэзии», в журнале «Российский колокол», газете «Угрешские вести» и других изданиях.

* * *

Снеся потери, но оставшись целой,
Смотрю на небо с пеленой слезы.
Прощай, беда моей души несмелой,
Прощай и заметай свои следы.

Без всякой пользы я брела куда-то,
Без всякой цели шла я по земле.
И, может быть, я в этом виновата.
Огонь отцвёл на выжженной золе.

Судите, люди! Бог простить был в силах,
Зачем Ему теперь меня судить?
Он был со мною вместе на могилах,
Где приходилось мне надежды хоронить.

Судите, люди: я была летящей
Листвой по ветру в городском саду,
Но лишь теперь живу я в настоящем
И верю в свою яркую звезду.

* * *

Я дивных раковин морских
Насобираю у воды.
В песчинках утонул мой стих.
И смысл прибой его следы.

А ветер чувства уносил
В безбрежной дали синеву...
И, охмелев от свежих сил,
Я в новом времени живу.

В закатном зареве горят,
Искрятся пики медных скал.
Не буду я смотреть назад,
На зыбкий замок из песка.

Открылась новая глава
Невероятно добрых дней.
И ярче в ней звучат слова
Любви возвышенной моей.

Снежный лабиринт

Я в лабиринте изо льда
Бреду неведомо куда.
Руками по беде скольжу
И выхода не нахожу.

Опять тупик! Куда идти?
Нет, мне дороги не найти.
Как холодно! Я, как в бреду,
По узким улочкам иду.

Но стоит лишь поднять глаза
На голубые небеса —
Там солнца тёплые лучи.
И вот бегут по льдам ручьи —

Растаял снежный лабиринт.
И солнца луч в ладонях спит,
Устав от долгого труда.
Исчез тупик. Сошла вода.

* * *

Замирает прохожий от ветра,
Пробираясь домой через осень.
Он похож на тебя. Тень у света
Ждёт приюта. Приюта так просит.

Дрожь уже полумёртвых растений,
Остывающих в каменной клумбе...
Отойдут души их в царство тени.
Листья рвутся в ночное безумье.

В этом диком холодном припадке
Бьётся город, дрожит и немеет,
Всё в ноябрьской сырой лихорадке,
Всё в осеннем дожде леденеет.

Тени прошлого тянутся к свету,
К солнцу просится город уставший...
Я хочу на другую планету,
Где нет ливней и листьев опавших.

* * *

Я посвящу твоей улыбке
Сонеты — тысячи стихов.
Мои случайные ошибки
Достойны самых резких слов.

А ты — единственная правда,
Души неровный тихий свет.
И воспевать тебя я рада
Сто тысяч светоносных лет.

Я вихрем вознесусь до неба
И брошусь в отчужденья тьму.
Ради тебя я стану хлебом —
Сирот голодных подниму.

И импульс каждого мгновенья
К тебе направлю, мир любя.
Я стану светом, стану тенью
Ради единого тебя.

* * *

Я наблюдаю за собой.
Мной правит радость и покой.
В душе царит любовь и свет.
В груди предчувствие побед
Над грустью, болью и тоской,
Над ложью, страхом и судьбой...

Валерий Ненашев

Валерий Васильевич Ненашев — член Союза писателей России, член-корр. Академии российской словесности, лауреат московской областной поощрительной литературной премии имени Я.В. Смелякова (2008), лауреат ряда Всероссийских литературных конкурсов, автор книг стихотворений «Господняя Рать», «Скифо-Русь», «Тоска по женщине любимой», музыкальных дисков «Божественная ночь» и «Течёт любви река».

* * *

Что-то кони мои приотстали
От житейского поезда дней.
Иль от плётки заморской устали?
Или власть захватил лиходей?

Не печальтесь, родные! Не надо...
Нам не зря Богом дан этот край.
Русь любимая — наша отрада.
Нашу Русь не сменяем на рай.

Слышно, вновь в деревенской церквушке
В светлый праздник молебен идёт.
Близ неё в деревенской избушке
Неприметно Спаситель живёт.

Что-то кони мои приотстали
От житейского поезда дней.
Иль от гонки безумной устали,
Иль поблизости с камнем злодей?

Хрустальная роса

Хрустальная слеза на листьях земляничных
Застыла в ожидании дождей и холодов.
Прощальный взгляд, пустой и безразличный,
Сгубил покой в душе родной без слов.

Молчит душа, храня былые встречи,
В чертоге грешном лишь печаль живёт.
Бессильны речи! И любимой плечи
В ночи далёкой холодны, как лёд.

Листву осеннюю во тьму ветра сметают,
Дрожат во тьме деревья без одежд.
И вслед за листьями стыдливо улетают,
Осколки жалкие несбывшихся надежд.

* * *

К лицу Вам бордовый халат,
Заколка лимонного цвета.
Я грустен, но всё-таки рад,
Что кончилось знойное лето.

Вы спите, а я у окна
Отца вспоминаю и маму.
По небу гуляет луна,
И блики ложатся на раму.

Осенняя ночь за окном
Промокшие листья целует,
Но полон уюта мой дом —
В нём милая гостья ночует.

Чёрно-кровавые всадники

Чёрно-кровавые кони мчатся и тут и там,
Всадники дикой погони хлещут их по бокам,

Не замечая рытвин, не замечая ям,
Чёрно–кровавые кони мчат по нашим полям.

Всадники хлещут прохожих, заживо жгут слова,
Гибнут невинные души, стонет от боли трава,

Солнце от горя вскипает, реки мелеют вокруг,
Чёрно-кровавые всадники новых вербуют слуг.

Братцы, не торопитесь иродам присягать,
Господи, не позволь им Родину четвертовать.

В дальней глухой деревушке колокол наземь пал,
В первопрестольной столице хам Божий Храм взорвал.

Чёрно–кровавые кони мчатся и тут и там,
Всадники дикой погони хлещут их по бокам.

Господи! Чашу эту Русь осушала не раз...
Господи! Чад заблудших не покидай в сей час.

* * *

Я любовь повстречал на дороге
И привёз в поздний час домой.
Тихо имя спросил на пороге
И сказал: «Будь моею женой!»

Подбежала соседка к ограде,
Голосила, чернея душой:
«Не губи ты себя, Христа ради!»
Но любовь и сегодня со мной.

Молитва

Н.Р.

О Боже, дай мне умереть
Достойно и без слёз.
Дай в миг последний посмотреть
На солнце среди берёз.
И если можно, дай сказать:
«Любимая, прости!»
Дай сил любовь поцеловать —
И душу ей спасти.

Посвящение маме

В краю степном над сонной речкой
Висит печальная луна...
Там мама за старинной печкой
Ютится — столько лет! — одна.

Поспит немного, тихо встанет,
Наденет серый сарафан,
И на неё с улыбкой глянет
В окошко звёздный караван.

Поправит волосы рукою,
Вздохнёт и, с думой про меня,
Пойдёт по тропке за водою,
Чуть слышно вёдрами звеня.

И вспомнит дальнюю чужбину:
«Далече родненький сынок...»
А за окном клюёт рябину
Снегирь. И порошит снежок.

Олег Севрюков

Олег Николаевич Севрюков — член Союза писателей России, лауреат литературных премий «Золотое перо Московии» (2010), имени Е. Зубова (2010), московской областной поощрительной премии имени Я.В. Смелякова (2011), автор книг «На разных уровнях души» (2004), «В бездонной глубине кристалла» (2010), публикаций в журнале «Поэзия» и альманахе «Московский Парнас». Награждён Золотой Есенинской медалью (2009).

Учителю

Льву Котюкову

1

В небе старится месяц
И рождается снова,
Сквозь коросту и плесень
Пробивается Слово.

Слово было началом,
А потом продолженьем,
Слово Землю качало,
В Слове — сила движенья!

Слово было у Бога —
И даровано людям.
Это в Вечность дорога,
В Слове мы все пребудем...

2

Жизнь нам ставит капканы,
Верши и самоловы,
И всё множатся раны
От поганого слова.

Но живёт ощущение,
Будто мусор бывшего
Перейдёт в удобренье
Для грядущего Слова!

От заката к рассвету
Не отыщешь дороги,
И спасения нету
От тоски и тревоги.

Всё пропитано ложью,
Не хотите — не верьте!
Я иду бездорожьем
От рожденья до смерти.

* * *

Пусть внешне не случилось ничего,
Но внутренне всё стало по-другому:
Я в дом вхожу как выхожу из дома
И слышу всё, не видя ничего.

Вот дерево. Его лесная суть
Отчётливой мне стала и понятной:
Оно скорбит тихонько и невнятно —
У неба просит дождика чуть-чуть.

Цветок сложил ладони-лепестки
Не потому, что солнце мало светит —
На луг пришли безжалостные дети,
Чтобы с собой букеты унести.

Снаружи ли, внутри ли — всё равно,
Когда в душе распахнуто окно!

* * *

Мой ангел светлый, жизнь моя!
Опять с тобой в разлуке я,
И что работа, что дела? —
Был сон — и ты меня звала,
А я — о сон проклятый мой! —
Пошевелинуть не мог рукой,
Чтоб дотянуться... И любя
Коснуться, милая, тебя...
В изнеможение сил моих
Преображался в вечность миг,
И сердце рвалось на куски
В безумье счастья и тоски,
Что ты со мной,
Что всё не сон...
О Боже,
Как же я влюблён!

Из цикла «Трудные мысли»

Поэт не закройщик чужой души,
Не маг, не волшебник и не кудесник, —
Он просто свою раздарить спешит
Каждой пропетой песней.

* * *

Моя желанная!
Любовь моя,
Обетованная
Моя земля!
Родник, звенящий
Водой живой,
Цветок, манящий
Живой красой!
О белопенная
Моя волна,
Моя вселенная,
Река без дна!

Зимний этюд

В небе плыли облака
Еле-еле:
Их хватали за бока
Ели.
Щекотали облакам пятки,
Зазывали поиграть
В прятки.
Заливались облака
Смехом,
Одевали белый лес
Мехом.
А когда укрыто всё
Было,
Только солнце в синеве
Плыло.

Сергей Соколовский

Сергей Константинович Соколовский — член союза писателей, лауреат Всероссийских премий имени М.Ю. Лермонтова, Н.М. Рубцова, А.Т. Твардовского, премии МГО СП России имени С.А. Есенина, премий МОО СП России «Золотое перо Московии», имени Я.В. Смелякова (2007), Е.П. Зубова, премии журнала «Юность» имени В.Н. Соколова, автор ряда поэтических книг, среди которых «Суд офицерской чести» (2006), «Алтарь любви» (2007), «В зеркале времени» (2009). «В новых садах» (2010).

* * *

У любви свои законы,
И дворцы, и закрома, —
Мы ещё едва знакомы,
Но от счастья без ума!

Каждый миг короткой встречи
Убеждает вновь и вновь —
Не взвалить ярмо на плечи,
А принять душой любовь!

В закоулках жизни блудной
Не укрыться никуда.
Мы с любовью безрассудной
Ждём Небесного Суда.

И душа родной природы,
И надежды соловьи
На века слагают оды
О Божественной Любви!

* * *

Дремлет устало дорога,
Звёзды играют с Луной.
Всё в этой жизни от Бога
В свете любви неземной.

Сердце с надеждой весенней
Бьётся сильней и сильней.
Где же моё воскресенье —
Солнце утраченных дней?!

Словно вобрав неземное,
Жизнь повторяется вновь.
Что же случилось со мною?
Может быть, это любовь?!

Песнь о Москве

Люблю тебя, моя столица,
Люблю глаза твоих реклам,
Люблю прохожих вереницы,
И древний Кремль, и вечный Храм,
Твои проспекты и бульвары —
Твои ладони и лицо,
Твои шаги и тротуары,
Твоё Садовое кольцо,
Нескучный сад и гул вокзалов,
Тверскую, Сретенку люблю —
Всё, что душа мне подсказала
Сегодня, будто во хмелю.
И снова хочется забыться,
И кругом, кругом голова...
Люблю тебя, моя столица!
Люблю тебя, моя Москва!

* * *

Позади долгожданное лето.
Пожелтела живая трава,
И черёмухи песня отпета,
Будто лето украло слова.

Отчего ж мне по-прежнему снится
Одинокой черёмухи свет,
Где поэзия, точно девица,
Не найдёт долгожданный ответ?..

Снова сердце, покоя не зная,
Позабить о любви не даёт,
Где поэзия — вечно живая —
Безответной любовью живёт.

* * *

Заполнит душу синева,
И жизнь покажется иной,
Где только светлые слова
На облаках любви со мной.

И в этой чуткой вышине,
Где лишь одна прямая речь,
Я вспоминаю по весне
Поэму наших первых встреч.

И будет вечность не дыша
Искриться нежностью в веках,
И будет вечная душа
Парить с любовью в облаках!

* * *

Я одной тебе, моя отрада,
Подарю последние слова, —
Ничего мне от любви не надо,
Только б ты всегда была жива!

Чтобы между небылью и былью,
Пред грозой Небесного Суда,
Жизнь твоя не обратилась пылью,
Что смывает вечная вода!

Чтобы меж закатом и рассветом
На тропе, подаренной Судьбой,
Золотым неповторимым летом
Я навеки встретился с тобой!

* * *

В небе ласточка кружила,
Грациозна и быстра.
Ты меня приворожила,
Как цыганка у костра.

И заря в душе алела —
Первозданная заря.
И надежда душу грела,
За любовь благодаря.

Этот миг не повторится —
Улетают наши дни.
Но ночами будут сниться
Золотой любви огни.

* * *

Осенняя любовь не увядает.
Осенняя любовь в душе цветёт,
Как время, на ромашках не гадает,
Как зависть, свои сплетни не плетёт.

Душа моя поёт в любви осенней,
И сердце замирает от любви.
Я заклинаю, позабытый всеми, —
Живи, любовь осенняя, живи!

* * *

Средь толпы, средь потускневших взглядов
Я тебя, как солнышко, ищу.
Может быть, твой голос где-то рядом,
Твой игривый солнечный прищур.

Может быть, ещё не так уж плохи
У меня любовные дела.
И в сердцах житейской суматохи,
Может быть, любовь не умерла.

Может, бродят в мире половинки
Многогранных внутренних светил.
Может, рано праздновать поминки.
Может, я в любви ещё не жил.

Я, своей судьбой пренебрегая,
Не прошу небесного огня.
Что ж ты смотришь грустно, дорогая?
Озари, как солнышко, меня!

* * *

Снова закатное небо.
Дремлют кувшинки в пруду.
Греет бескрайняя небыль
Яблони в нашем саду.

Веки сомкнули ресницы.
Снова покой на земле.
Милая, что тебе снится
В этой чарующей мгле?

Наша Судьба не напрасна.
Милая, слёзы утри.
Милая, как ты прекрасна
В свете бескрайней зари!

* * *

Я нашёл свою аллею
В тихом парке вечных грёз.
Ни о чём я не жалею —
Грусть моя без горьких слёз.

И дышу надеждой страстно,
О минувшем не скорбя,
И страдал я не напрасно,
Если я нашёл себя!

Маргарита Филатова-Клюева

Маргарита Алексеевна Филатова-Клюева — член Союза писателей России, лауреат московской областной поощрительной литературной премии имени Я.В. Смелякова (2007), автор сборника стихов «Жемчужины памяти» (2007). Её произведения печатались в альманахах «Угрешская лира» и «История Угрешы», в журнале «Поэзия», газете «Угрешские вести» и других периодических изданиях, звучали в эфире радио «Угреша».

Этюд

Татьяне Уваровой — учителю и подруге

Величье любви развенчала в мороз новогодний...
В сияющих стёклах оконных, как будто на льдинах,
Плывут ко мне люди — я им для чего-то угодна.
Плывут ко мне люди, как будто на клич лебединый!

Этюд замыкает перо ускользающей тучи,
Берёз, белизной обтекаемых, чёрные кольца.
Сквозные сплетенья теней. Скрип шагов однозвучный.
Над свежестью снега — луна, как ведро над колодцем.

И где-то над выдохом либо над тягостным вдохом
Чугунная туча нависла нежданного страха:
Что если мне станет сейчас так отчаянно плохо
И я заблужусь в этой вечной прелюдии Баха?

От циркуля до циферблата

Зима сомнамбулы проста:
От циркуля до циферблата.
Не до двенадцати — до ста
Считаю я туда – обратно...

Зима сомнамбулы в горсти
Горит рябиновою кровью!
О дай мне, Боже, уместить
В груди рябиновое море!

Укрывшись плюшевой тоской,
Свечу дыханием целую.
Не дай мне, Господи, покой...
А зиму дай ещё такую!

* * *

Октябрь устремил свой взгляд
На чёрную дрожь бузины.
А я уплывала в сад,
В котором все влюблены!
А мне так хотелось жить,
Огонь не искать в золе.
А мне так хотелось плыть
За счастьем на корабле.
Не падать в пожар травы.
Луч солнца держать в руке.
Расти. И зачем-то быть
Прожилкою на листке!

* * *

Я слово обронила в зеркала.
Я слышать научилась отраженье.
И вот они — бесценных два крыла.
За них я отдала своё прощенье.

Я выучила небо наизусть,
Оно мне было суждено от века...
Но в сердце мне летит чужая грусть:
Несбывшейся любви — комочек снега.

* * *

Взгляни! Цветы, не имея ног,
Уходят в долину
Самых зелёных на свете глаз!
Цветы, не имея ног,
Уходят под радуги твоих век!
Им нравится, когда зелень и снег,
Лёд и пламя, время и бег!
Цветы уходят, чтобы жить
У родника твоих губ,
У тишины твоих слов,
Под сенью твоих волос,
Пахнущих темнотой.
Я иду за цветами, не замечая,
Что иду — под радуги твоих век,
В пещеры зелёных глаз,
Не чувствуя под собой
Земли...

**Владимиру Кроткову —
художнику и учителю**

Метель, метель, дай мне прозрачность крыльев —
На акварель снегов спорхнуть голубкой,
Чтоб кистью колонковой без усилья
Пройтись по тем московским закоулкам,
Где вместо солнца — встречи наважденье,
Где никаких логических цепочек,
А только кисти плавное скольжение...
Всё то, что на холсте он видеть хочет!

* * *

Забавы всё тебе, забавы...
А я — в снегу,
А я — в плену!
У сердца память согреваю
И отогреться не могу.
А ты придёшь...
На клавишах души сыграешь —
Моей души — свою печаль,
Одну печаль!
А ты уйдёшь...
Звучанье клавиш,
Как будто Вечности следы,
Оставишь
На песке судьбы —
Моей судьбы!

Галина Черкес-Филатова

Галина Степановна Черкес-Филатова — член Союза писателей России, лауреат московской областной поощрительной литературной премии им. Я.В. Смелякова (2006). Её произведения публиковались в журнале «Российский колокол», газетах «Московский литератор» и «Угрешские вести», в альманахах «Угрешская лира», «История Угреши» и коллективных сборниках. В 2006 году выпустила книгу «Не сказки».

Московский рассвет

1

Жёлтое солнце — кипящий хрусталь —
Воском свечным оплывает,
На осовелую в ночь магистраль
Вязкою струйкой стекает.

Лезут бетонные сосны — дома —
Ввысь, тротуары ломая.
Пахнет бензиновым дымом «Клима»
В пудре неона Тверская.

Вот уж романтика! — не продохнуть.
Каменной клумбой сверкая,
Город, пришпоренный бегом минут,
С гулом цветы распускает...

2

И газом выхлопным цвела сирень,
И лужи отливали перламутром...
Смотрите! В город вновь вломился день,
С размаху вышибая двери утра.

Дверь заботы

*Моим одноклассникам и
Августе Васильевне — лучшему
классному руководителю*

Крепка заботы дверь. Попробуй отвори —
Бессмысленно, смешно, порою глупо даже,
Ведь тысячи замков висят на той двери.
Но сквозняки из всех замочных дуют скважин...

Казалось, наша дверь ветрам не по зубам.
Нам были не страшны ни слёз, ни грёз осколки.
И взаперти от бед лишь оставалось нам
Смотреть на взрослый мир сквозь маленькие щёлки.

Нас к скважине добра всех за руку вели,
И заглянув туда, обзаведясь мечтою,
Мы в скважину надежд заглядывать могли,
У скважины побед толпились всей гурьбою.

Ну хоть на миллиметр хотелось сдвинуть дверь,
Курносый сунуть нос за опыта пороги.
Казённый дом, любовь и дальние дороги
Нам были нипочём: проверь — потом поверь.

Открылась дверь сама внезапно и легко,
Как будто и не дверь, а крылья альбатроса
Распахнуты. А нам теперь помог бы кто
Найти один ответ на тысячи вопросов.

Но времени корвет не повернётся вспять.
Когда в руках штурвал — ты за корвет в ответе.
Для нас открыта дверь... Но хочется опять
Приникнуть к скважине тепла, любви и света.

Три ангела

Моей маме в день 50-летия

Летят года, и внуков ждут родители.
И вот уже растут день ото дня
Три дочери, три ангела-хранителя,
Три новых продолжения меня.

Серьёзный взгляд — три пары глаз (бездонные!)
Ни дать, ни взять — твоя родная кровь.
И именами их распространёнными
Зовут: Надежда, Вера и Любовь.

Цветут лучисто три улыбки лунные.
Спешат домой, бегут со всех сторон.
Две старшие — красивые и юные,
И мудрые, как вечный Соломон.

А младшая лишь только взглянет пристально
И тут же тянет за руку меня
К кому-то — то далёкому, то близкому,
К чужому... но я знаю: он — единственный,
Кто сладить сможет с этими тремя.

Надеяться, любить, и верить хочется,
И греться возле чистого огня.
Но иногда нагрянет одиночество,
Трёх ангелов на время отстраня.

Но дочери разгонят грусть старательно,
Ведь их не разделить, не променять.
Быть невозможно одинокой матерью
С такими дочерьми, как у меня.

Валерий Шитуев

Валерий Анатольевич Шитуев — член Союза писателей России, полковник запаса, лауреат Московской областной литературной поощрительной премии имени Я.В. Смелякова (2010), автор сборника «Странник» (2009), публикаций в журнале «Поэзия», газете «Московский литератор» и другой литературной периодике.

Знамя

Лежит моё знамя клеёнкой на кухне,
Мои идеалы давно уж протухли.
Не пишут ребята о нашем комбате,
Продал ордена я на старом Арбате.
Повесил в чулан свой берет и тельняшку,
Забыл времена, когда грудь нараспашку.
Закатаны плотно все принципы в тесто,
В своей же стране я не нужен, мне тесно.

Рука не поднимет ни лома, ни плётки,
От лозунгов громких остались ошмётки.
Охрипшей гортанью бормочешь натужно,
Бубнишь себе в нос: «Ничего мне не нужно».
Бесцветными днями заполнено время,
Пора надевать мне уздечку и стремя.
И только ночами в уснувшей квартире
Ты снова в окопах — в борьбе, а не в тире.

Лежит моё знамя укором на кухне,
Свеча посредине давно уж потухла.
Заляпанный атлас лоснится при свете,
Пустые стаканы стоят на рассвете...

Мне больно и стыдно, скопилось презренье.
Пора принимать непростое решенье.
Возьму снова древко, ножом обстругаю
И знамя своё ототру, отстираю.

Два жетона

Полоскает ветер старые берёзы,
У заборов кружит тополиный пух.
Дождь бросает горстью в окна свои слёзы,
И забыты церкви толпами старух.
Русь промокла болью — накопилось море
Крови самых лучших наших сыновей.
Русь недоброй вестью — почтальоном горя —
Посылает стаи чёрных журавлей.

Ветер баламутный, налетай скорее,
Промокни мне слёзы, оботри виски...
Я не тот, что раньше, — я намного злее
С почерневшим сердцем от глухой тоски!
Под зелёной крышей дом стоит на взгорке,
Ждёт седая мама братьев-близнецов...
Давят два жетона штампом похоронки,
Где-то бродят души мёртвых пацанов!

Журавлиным клином накануне утром
Пронеслись, курлыча, «ангелы войны», —
И застыли бабы, подвывая жутко,
Всё молили Бога: «...Только не мои!»
Сколько этих клиньев, я не знаю точно,
Носится сегодня по моей стране,
Я несу в конверте с маркой чёрной почты
Две судьбы, сгоревшие заживо в войне...

Завещанная любовь

Ты слышишь деревья в саду,
О чём с ними ты говоришь?
Над чем на лужайке молчишь?
Доверила клёну любовь
И тайны свои на беду,
И вновь взбудоражена кровь...
О ком ты шепталась в саду?
В твой дом постучался рассвет,
Ты с ним ворковала весь день,
И только вечерняя тень
Спугнула его, но опять
Ты долго хотела в ответ
О чём-то своём рассказать...
Кому ты послала привет?
Часами ты слушаешь дождь, —
В твоё барабанит окно.
Дождинок накапай в вино,
Обмой своё тело росой,
Всё выпей. Сотри, уничтожь,
Что слилось плохое с душой...
О ком прошептал тебе дождь?
Под утро, в рассветную ночь,
Обласканы летним дождём,
В саду вместе с клёном вдвоём
Любимой жене — на века —
Пропели мы песни, и вновь
Нам все подпевали слегка...
Кому завещал я любовь?

* * *

Я такой же, как вы. Я Россию люблю!
Пью берёзовый сок, и в церквях подаю,
И могу просидеть до вечерней зари,
Слушать долго в саду, как поют соловьи,
На охоте с ружьём целый день простоять,
А увидев зверьё, по нему не стрелять,
В старой кухне вдвоём до рассвета молчать,
Если друг захотел мне о чём-то сказать...
И на вражеский дзот — гимнастёрку рвануть,
Посмотреть в небеса и — тихонько шагнуть,
И беззвучно кричать, направляя штурвал,
Когда ленты пусты, на последний таран...

Я такой же, как вы. Я Россию люблю!
Про наш вечный бардак анекдоты травлю,
И пытаюсь понять, в чём российская суть,
Почему у страны свой особенный путь?
Только русским дано свои храмы спалить,
А потом по ночам тайно Бога молить...
И веками клеймить своих страшных царей,
И веками стеречь их родной мавзолей,
И веками любить, и веками страдать,
И такие стихи о берёзах писать...
Я такой же, как вы. За Россию молю,
Проклинаю порой, но всё крепче люблю!

Урешский Парнас

Наталья Алимова

Наталья Юрьевна Алимова — поэтесса, член Союза писателей России, автор поэтического сборника «Мгновенья трепетного счастья (2011). Её стихи публиковались в журнале «Поэзия», газетах «Московский литератор», «Угрешские вести» и другой периодике.

Сон

...Здесь шепчутся берёзы,
Здесь ивы у воды
Незримые льют слёзы
На тихие пруды.
Здесь вместе мы гуляли
В моём волшебном сне,
Здесь вместе мы мечтали
В звенящей тишине,
Здесь вместе мы молчали —
Не нужно было слов —
И мы не замечали,
Что нас ведёт любовь:
Её нельзя увидеть,
Её нельзя понять,
Зато легко обидеть,
Предать и потерять...

Сон на заре умчался
В искрящийся рассвет,
Лишь след в душе остался —
Прекрасный, светлый след...

Мишка из Майданека

*Малолетним узникам
фашистских концлагерей*

На Поклонной горе в многолюдном музее
Экспоната не встретишь грустней и добрее:
Так пронзителен взгляд чёрных бусинок-глаз,
Повидавших все ужасы ада не раз!

— Кто хозяин твой, милый вельветовый мишка?
Украинская девочка? Польский мальчишка?
Кто нагрудничек белый тебе подарил?
Может, в лагере щедрый волшебник гостил?

— Если б к нам хоть однажды волшебник явился,
Бесконечный бы дым из трубы не клубился,
Дети в камерах газовых не задыхались
И с любимыми мамами не разлучались!

Но бедняги на чудо уповали напрасно:
Не заглядывал в лагерь волшебник прекрасный.
Я как мог малышей развлекал, утешал,
В их уставшие души надежду всеял.

Разве может быть большее горе на свете,
Чем смотреть, как на смерть отправляются дети?!
Я шаги их последние слышу сквозь время,
Через годы несу скорбной памяти бремя.

Не забудьте же, люди, мой горький рассказ.
Вы живите и помните, помните нас!

Мечты деревьев

Деревья, как люди, грустят и страдают,
Деревья, как люди, о внуках мечтают:
Чтоб юная поросль шла от корней,
Чтоб нежные листья шептались на ней.

Столетнему дубу так нужен внучок —
Задумчивый, стройный красавец дубок.
Так хочется старому дедушкой стать,
Чтоб мудрость росточку свою передать.

Но тщетно надеется дуб-исполин:
Сменяются годы, а он — всё один!
Берёза мечтает о внучках-кокетках —
Для них распускает серёжки на ветках.

И липа, в медвяном сияя цвету,
О липоньках-внучках лелеет мечту:
«Ах, как бы я внученек милых любила,
Их липовым чаем душистым поила!»

«Я был бы таким замечательным дедом!» —
Каштан уверяет каштана-соседа.
«Но нет у нас внуков, дружище, с тобой, —
Вздыхает сосед с «деревянной» тоской. —

Вот иве о внуках не надо мечтать:
Их рядышком столько — устанешь считать!
И счастья отмерено иве сполна!
О чем же всё плачет и плачет она?»

* * *

Памяти Ии Павловны Фроловой

Вы к нам вернётесь фиалкой прекрасной,
В небе зажжётесь звёздочкой ясной,
Станете каплей росы на траве,
Радугой яркой в небес синеве,
Зоренькой утренней, далью безбрежной,
Первой снежинкой — искрящейся, нежной,
Вешней капелью — серебряной, быстрой,
Тёплой дождейкой — прозрачной, лучистой,
Золотом осени, красками лета,
Кистью художника, музой поэта!

* * *

Я в ладони взяла снегиря —
Красногрудое чудо, —
Словно вспыхнула в пальцах заря
И зарделась повсюду.

Так тревожно сердечко стучит
У прекрасной пичужки,
Но она улетать не спешит
Из горячей ловушки.

Пусть алеют в российских снегах
Эти Божьи создання, —
Чтоб могли согреть мы в руках
Красоту мироздания!

Станислав Горшков

Станислав Владимирович Горшков — член Союза писателей России, автор сборника стихов «Зелёная тетрадь» (2012), его произведения публиковались в газете «Угрешские вести» и других СМИ.

Усталость

Я сегодня устал. По инерции катится время,
Словно камень по льду к незнакомой большой полынье.
Я всегда так хотел уцепиться за чьё-нибудь стремя,
Но лишь дряхлые клячи в пути прибивались ко мне.

Я сегодня устал, хотя вроде не сильно был занят,
Просто делал дела — навалились, вот чёрт бы их драл.
Я как будто бы сдал свой последний ненужный экзамен,
Только чувство такое, что нужный экзамен не сдал.

Я сегодня устал, и гудят осаднённые нервы.
Это память, которая чем-то похожа на боль.
Мне всегда и во всём так хотелось быть именно первым,
А сегодня я вижу, что даже ещё не второй.

Я сегодня устал. По инерции катится время,
Словно камень по льду к незнакомой большой полынье.
Только хочется верить, что будет не омут, а берег,
И на том берегу обернутся с улыбкой ко мне.

Знаю, завтра опять мне петлять по крутым перевалам:
День достойно прожить — всё равно, что пройти перевал.
Но сегодня усну, и позвольте побыть мне усталым.
Не будите меня — я так сильно устал.

Колокольня в Калязине

Рука над водою.
Рука без ладони.
Рука колокольни
над волжской волною.
Как будто утопленник руку вздевает
Из тёмной волны колокольня немая.
А небо соткало жемчужную скатерть.
Стоит колокольня в медвяном закате.
Стоит колокольня, воздетая между
Неясной печалью и смутной надеждой.

* * *

Дождь прошёл. Природа дремлет.
Только капли тихо — кап! —
Разбиваются о землю,
Соскользнув с еловых лап.
Раскрывает лист орешник:
Свято верует в зарю.
Слабый рокот влаги вешней
Нежно вторит глухарю.
Далеко шальным плюмажем
Расплескался яблонь цвет.
Лучше этого пейзажа
Ничего на свете нет.
Впереди широким полем,
Ошалев, шагает май.
Просыпается раздолье,
Пробуждается мой край.

* * *

Здравствуй, бабушка. Вот он я. Снова
Прихожу постоять под окном.
Мне здесь всё совершенно знакомо,
Мне родной этот старенький дом.
Низкий дворик «одесского» типа,
На верёвках цветное бельё,
Пень (когда-то здесь высилась липа,
Я пытался залезть на неё).
Всё почти как и раньше: напротив
Сигарету мусолит сосед,
Ветер мусор нанёс в подворотню...
Только бабушки больше здесь нет.
Больше нет. И не те, как когда-то,
Расцвели на окошке цветы.
Знаю, чёрным ликёром утраты
Не заполнить внутри пустоты.
И поэтому — честное слово! —
Я приду постоять под окном.
Здравствуй, бабушка. Вот он я снова.
Здравствуй, низенький старенький дом.

Из цикла «CAPRICHOS»

Луна — глаз древнего дракона —
недвижна. Сад ночной не спит.
Дерев серебряная крона
под ветром гнётся и кипит.

Луна, храня своё молчанье,
ушла в туманный потолок.

И сад в шумливом ожиданье
продолжил с ветром диалог.

Но ветер стих. И сад безмолвен.
Он смутен в ткани тишины.
Туман рассеялся. Огромен,
завис в пространстве глаз луны.
И будто что-то напоследок
желал промолвить старый сад.
И вдруг с вздетых в небо веток
на землю прыснул листопад.

Из цикла «Напевы»

У забора грезит алая рябина,
Тонкий свет в окошко cedят тополя.
Что же ты поникла?
Что ты загрустила,
Милая, хорошая моя?
Сыплются черёмух золотые листья,
И летит к закату солнце сентября.
Жаль, нельзя быть вечно молодым и быстрым,
Милая, любимая моя.

По кривым дорогам торжествует ветер.
Верно, заблудился... Только это зря.
Что он нам расскажет?
Что он нам ответит,
Милая, печальная моя?
Вечер. Вышел месяц — серебрист и ярок.
В небе звёзды строят мост из хрусталя.
Жизнь не просто чудо — дорогой подарок.
Утром улыбнётся нам заря.

Кирилл Кострецов

Кирилл Александрович Кострецов — член Союза писателей России, автор сборника «Рынок грехов» (2011), его стихи публиковались в газете «Угрешские вести» и другой периодике.

Рабочие плечи

Загрустили станки, осыпаются печи,
Цеховые пролёты чёрны и немý.
Эх, куда же вы делись, рабочие плечи?
Отчего замолчали заводов шумы?

Может, кризис вас съел?
Или ржа подточила?
Пэтэушные реки иссякли давно.
Двадцать первый настал,
И Россия застыла,
Как ушедшее в Лету немое кино.

В пятьдесят я не стар,
И замены не видно:
За станками мои одноклассники-друзья.
Сколько здесь ни молись,
Не поможет молитва...
Без рабочего класса
России нельзя!

* * *

Взглядом окинул пустынные окна рассвет,
Взгляд утонул без надежды на радость побед,
Тьма опустила огромные крылья свои,
Некому ждать розовеющий ветер зари.

Жёлтым отливом сияет чернеющий шёлк,
Будто недели на землю предсмертный мешок,
Лишь иногда через щёлки пробьются огни,
Молнии стрелы к земле направляют свои.

Мрачное время песочный хронометр льёт,
Больше на помощь никто никого не зовёт,
Капли кровавыми реками льются в моря.
Вот и закончила жизнь голубая Земля...

* * *

Я Вас, признаться, вовсе не боюсь,
Но видя вас в чужих объятьях, стыну.
Вы — счастье, что рождает в сердце грусть.
И счастлив я, что Вами не покинут.

Один лишь раз кивнули как-то мне,
И я сражён, как вражескою пулей.
Пишу я Вам, хоть знаю: и во сне
В ответ Вы даже строчки не черкнули.

И пусть во мне останется любовь,
И пусть мы никогда не будем вместе,
Увидев Вас, пишу я вновь и вновь
Своей несбыточной мечте-невесте.

Елена Краснослободцева

Елена Михайловна Краснослободцева — член литературного объединения «Угреша», член Союза художников России, её произведения печатались в газете «Угрешские вести», альманахе «История Угрешки».

* * *

Расправив крылья, мы свободно
Парим в полёте в небесах.
Среди росинок и снежинок
Я пташка смелая, ты — птах.
Парим, парим над синей дымкой
Полей, морей, лесов, небес.
Душа не устаёт в полёте.
Ей ночью снится дивный лес,
Костёр, палатка и гитара,
Палитра, краски, полотно,
Перо и чистый лист бумаги...
Вернёмся ли сюда, родной?

* * *

Изящество в полете отточив,
Дай Бог мне крылья
Сохранить сухими.

* * *

О, сколько неги
В потоке солнечных лучей,
И свежести — в любви твоей...

* * *

Поиграй со мной немного,
Нежный летний ветерок,
Разгони в душе тревогу,
Спой мне что-нибудь, дружок.
Ты листву ласкаешь нежно,
Солнышку летишь навстречу
В синеве небес безбрежной.
И мою печаль ты лечишь,
Создаёшь в душе уют.
Все цветы с тобой поют!
Свежесть мыслям придаёшь,
Сил для творчества даёшь.
Лень и скука неуместны
В этот день — такой чудесный!

* * *

Мне под окном в ночи рябина светит,
Мне песнь поёт осенний ветерок.
И не о чем жалеть в ночи бездонной
И нежно прятать душу между строк.

Душе легко, свободно и отратно,
И груз желаний не томит её.
Смятенья позади и все обиды —
Я зрение очистила своё.

Ольга Кубатина

Ольга Павловна Кубатина — родилась на Урале, росла и училась в Казахстане, окончила Джамбульский гидромелиоративно-строительный институт, сценарные курсы при ВГИКе, начала писать стихи в 1990-е годы, работала корреспондентом в газетах и журналах различных городов: Алматы, Самары, Губкина и Москвы. Её произведения печатались в антологии женской казахстанской поэзии «И каждый миг я снова женщина».

О эти милые глаза

О эти милые глаза,
Цены которым я не знала!
Они могли меня спасти
И уверять, что лучше стало.

Ах, как чудесны были дни,
Что нас весельем наполняли!
Остались в памяти они,
А впереди иные дали...

На свете много глаз других,
В них красота и сила страсти,
Но не забыть тепла твоих,
Что защищали от ненастья.

О эти милые глаза...

Метеоморфозы

Был новым день... и боль вчерашняя
Сегодня не имела смысла страшного —
бессилья края.

Забылось...

Кусты в цвету поникли все, озябши
Под снегом, невзначай на них упавшим,
смяв яркость мая.

Застылость...

В согбенности упругость восставала —
Выносливость изящество спасала
для рая.

Извилась...

И луч, пробившись вдруг из тучи серой,
Вонзил огонь в хрусталь, и с веток пеной
зима сползла, истаяв.

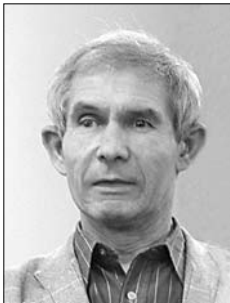
Избылось...

* * *

Отжила, отмучилась, отстрадала.
Поняла: премудростью наполняла
Свой кувшин, из которого пить
Будет мучимый жаждой любить.

А от горьких потерь, мне поверь,
Открывается в новое дверь,
И прохладой живая струя,
Силой веры наполнит, целя.

Михаил Ложников

Михаил Григорьевич Ложников — заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России, лауреат литературной премии «Золотое перо Подмосковья» и Всероссийского фестиваля «Артиада-2003». Его перу принадлежат сборники стихов и прозы, среди которых «Пролог», «С песней ретро», «Август-соавтор», «Лавры и тернии», «И примкнувший к ним Шепилов».

У городского пруда

Здесь во всём пастельные тона.
В зеркале пруда — деревьев станы.
Стая уток на воде видна.
Брызги серебристые фонтана.

Тополей, уж оголённых, сонм.
Кроны клёнов — вспыхнувшие словно.
Золото звенит (почти как сон!):
Слитки вон сгребают в кучу ровно.

Ясно слышен мелодичный звон —
То куранты бьют на колокольне.
Звоном этим город оглашён,
Внемлет ему мир окрестный, дольний.

То что окружает этот пруд —
Мир особый, сказочно-реальный.
Стали явью и мечта, и труд.
Мир для грёз здесь просто идеальный.

Из книги «Приметы дней»

9 мая

Одетые в серые шали,
Взгрустнули с утра небеса,
Слезой слегка орошая
Просторы полей и леса.

Едва окропилися травы
И нежной листвы изумруд.
Сегодня, в День воинской славы,
И тучи смиренно идут.

22 мая

Цветёт сирень. Сиреневые дали
Сверкают, окаймляя небосклон.
Рассветные лучи уж заиграли,
А воздух ароматом напоён.

Кругом поют, свистят, щебечут птицы,
Качаются деревья, внемля им.
Колышутся на них шелка и ситцы...
А миг прекрасен и неповторим.

6 июля

Листва сверкает под луной,
Над миром розовый рассвет.
Туманы с редкой сединой,
От них на травах мокрый след.

В природе тихая прозрачность
Царит предутренней порой.
И может быть, возник напрасно
В душе тревожных мыслей рой?

10 августа

Обретают оранжевый цвет
Гроздья ягод рябины в лесу,
И любитесь ими рассвет,
И дарует свою им красу.

Осенённый слегка сединой,
Наступивший денёк не спеша
По тропинке шагает лесной,
И прохладно, и влажно дыша.

19 августа

Ушла, отступила прохлада,
И лето вновь в спелой красе
Глядит из фруктового сада,
А травы — в жемчужной росе.

День праздничный светел повсюду,
И звоны в обеденный час
Милы православному люду —
Сегодня же Яблочный Спас!

* * *

Словно чьи-то слышались всхлипы
В миг, когда пробуждался рассвет.
Зашептались клёны и липы,
Дуб степенный послал им привет.

Свод небесный окрашен пастелью.
Расплескалась под куполом синь.
Листья стелются жёлтой постелью.
Ярко вспыхнули гроздь рябин.

Изумрудной оваян прохладой,
Старый ельник хранит ещё сон.
Вышло солнышко — сосенки рады.
День разносит весёлый трезвон.

* * *

В памяти не всё былое
Пылью поросло —
С детства сердцу дорогое
Будто вновь возшло.

Древний край Семиозёрный
Посетил я днесь.
Родниковой сути зёрна
Прорастают здесь.

Ключ святой. Вода струится,
Благостью дыша.
Пустынь, верю, возродится,
Оживёт душа.

Светлана Михайлова

Светлана Александровна Михайлова — член Союза писателей России, автор пяти поэтических сборников, работает в Москве директором Центра детского творчества «Матвеевское», лауреат Государственной премии в области образования и воспитания, кавалер почётного знака «За воспитание патриотов Отечества».

Императрица-осень

Знаешь, ты, наверно, зря и даром
В этот вечер вспомнил про меня.
Листья разгораятся пожаром
Жёлтого холодного огня.

Серый дождь пожар осенний тушит,
Разгореться ярче не даёт.
По опавшим листьям, как по душам,
Осень величавая идёт.

Выступает гордо, не таится.
Ни на грамм смущенья на лице.
Словно бы она императрица
В золотом расписанном дворце.

Но размыты фрески расписные
Дождевой туманной пеленой.
Только листья жёлтые резные
Опадают за её спиной.

А она не видит и не слышит,
Даже не оглянется назад.
Серебром зимы недалней вышит
Золотой парчи её наряд.

Только осень не страшится смерти,
Не боится скорой седины.
Словно говорит она: «Не верьте
В тёмные пророчества и сны!

Я на маскараде и параде
Буду вам блистательно сиять.
В золотом пылающем наряде
На миру не страшно умирать!»

Осень близкой смерти не боится.
Гордо и уверенно идёт,
Словно сквозь толпу императрица —
Как на пьедестал — на эшафот.

Хатынь

Ноябрь. Темно. Туманно.
Мы были с утра в пути.
И нужный посёлок — странно! —
Никак не могли найти.

К тому же мотор чихает.
Да вовсе бы не заглох.
Вдруг смотрим: вдали мигает
Мерцающий огонёк.

Ну что ж, повезло — деревня.
Попросимся ночевать.
Стемнело. Туман. Деревья.
Выходим. Идём искать.

И видим: печные трубы
Из голой земли торчат.
И скулы свело, и губы.
И зубы у нас стучат.

Вокруг ни души, ни крыши.
Промозглая жуть и мгла.
Лишь ниоткуда слышишь,
Как стонут колокола.

И каменным великаном
Безмолвствует силуэт.
Пошарили по карманам:
Хоть слабенький — всё же свет, —

Горят светлячки мобильных.
А всё-таки страх берёт.
И мимо камней могильных
Проходим ещё вперёд.

Идём по бетонным плитам.
В ладони дрожит ладонь.
Ведь нас заманил к убитым
Зажжённый для них огонь.

Мы еле себя вернули
Из той пустоты пустынь.
Мы на огонёк свернули —
А это была Хатынь...

В ноябре в темноте Хатыни —
Как в аду — пустота и мгла.
Знаешь, я не смогу отныне
Даже слышать колокола.

Снегурочки

С тех пор, как царь Пётр арапа женил
Назло и друзьям, и врагам,
Далёкий таинственный илистый Нил
Всё манит к своим берегам

Беглянок-белянок, чьи волосы — лён,
Взгляд — лёд, а глаза — васильки.
Им углями топят заснеженный сон
Посланцы далёкой реки.

Им пластика чёрного, белым, сулит
И сладкий, как «Баунти», рай,
И сто наслаждений, и счастье навзрыд,
И горе взахлёб, — выбирай.

И тают Снегурочки. Облачком пар
Взлетает над жарким костром.
И бедные дурочки шахматных пар
Лишь дождиком плачут потом.

А детки растут по российским снегам —
Чёрны и кудрявы как есть.
И просят у бабушек или у мам
Им Пушкина сказки прочесть.

Эмма Сироткина

Эмма Георгиевна Сироткина (Мишина) — член Союза литераторов России, член межрегиональной общественной организации «Содружество творческих сил». Её произведения печатались в периодических изданиях и коллективных сборниках, в альманахах «Угрешская лира» и «История Угреши». Выпустила в свет несколько авторских книг, среди которых «Соло», «Песни», «Визави».

Душа земли

Душа Земли — как ваша иль моя...
Она страдает, любит вас, меня,
Она сгорает на костре войны,
Она любительница тишины...

Душа Земли в заботах о весне,
В заботах и о вас, и обо мне,
В заботах о морях и океанах,
В заботах о дождях и о туманах...

Душа Земли кровоточит и плачет
По неразумным детям: быстро скачет
Искра́ огня бикфордова шнура
К водоразделу злобы и добра...

Душа Земли ликует и поёт,
Когда весной жасмин в садах цветёт,
Смеются дети на планете.
Она как мать за всех в ответе,
Душа Земли...

Река детства

Не многоводна ты, не широка,
И не на каждой карте ты пока,
Но снишься мне в квартире городской,
Сияя первозданной красотой.

Луга в цветах лежат по берегам,
Волной ты нежно ластишься к ногам.
Я так хочу вернуться в отчий дом:
Во мне не гаснет память о былом.

Бабушка Арина

Бабушке цыганка нагадала,
Что ей жить до девяноста лет.
И она жила — не унывала,
И кто знает, верила иль нет.

В поле, в огороде и на праздник
Звонким чистым голосом споёт,
Дождевой воды нальёт мне в тазик
И морковку первую сорвёт.

Быль и небылицы мне расскажет,
У неё на всё готов совет.
И как тоньше шерсть на прясть покажет,
Старомодный нацепив лорнет...

Евгений Хазов

Евгений Васильевич Хазов много лет работал конструктором, технологом, управленцем в Нижнем Новгороде, Энергодаре, Дзержинском. Стихи пишет с юных лет, его произведения печатались в сборниках энергодарского литобъединения «Резонанс»: «Премьера» (1996), «Надежда» (1999) и других, — а также в альманахе «История Угреши» и периодической печати.

Листопад

Ветер, играя,
С веток срывает
Осени прелесть — листья,
Стелет на травы
Юной дубравы
Жёлтых паласов пласты.

В роще берёзам
Ветки тревожит,
Вьюжит, резвясь, листопад.
И на свободе,
Как в хороводе,
В воздухе листья кружат.

Листья с бравадой
В час листопада
Рвутся в смертельный полёт.
К славе? К наградам?
Просто так надо —
Осень в природе идёт.

* * *

Мама, милая мама
С добрым-добрым лицом,
Был я в детстве упрямым,
Озорным сорванцом.

Я хотел быть отважным,
Разбивал нос и рот,
И с дружками однажды
Влез в чужой огород.

Ты меня не ругала,
Только я до сих пор
Помню, как ты вздыхала,
Глядя жёсткий вихор.

Словно дивную сказку,
Вспоминаю я вновь
Твою нежную ласку,
Доброту и любовь...

Вдалеке от деревни
Средь колхозных полей
В тихом кладбище древнем
Холмик мамы моей.

* * *

О Боже, как я Вас любил,
Как долго был лишён покоя!
И чувство светлое земное,
И Вас душой боготворил.

Я был, как в сказочном бреду:
Тоской и нежностью томимый,
Смиренно нёс свою беду,
Взаимно Вами не любимый.

Какая чудная напасть
Младое сердце пламенила,
Какая девственная страсть
И ум, и душу полонила!

С мечтой о Вас встречал рассвет,
С надеждой встретить днём томился,
Без Вас грустил. И много лет
Всё по ночам Ваш образ снился.

Уж не во сне ли это был
Мой всплеск тоски и восхищенья?
Ещё не ведавший забвенья,
О Боже, как я вас любил...

* * *

Теперь во сне лишь только снится
Родная прелесть деревень,
Где по утрам в окно стучится
Росой омытая сирень,

Тревожит душу цвет черёмух
И пенье первых петухов,
Когда идёшь с гулянья к дому,
Изведав счастье женихов.

Теперь во сне лишь только снится
И отчий край, и отчий дом,
Уже не мне в окно стучится
Весна сиреневым кустом.

Борис Щербатов

Борис Николаевич Щербатов — известный поэт, член Союза писателей России, автор 4-х сборников стихов. Первый сборник «Над Непрядвой-рекой» опубликовал в 1983 году. В четвёртую книгу «Плач соловьиный» (2006) вошли избранные произведения и стихи последних лет.

Чудо

Из множества чудес библейских
особо памятно одно:
на свадьбе в Кане Галилейской
Он воду претворил в вино.

Всё впереди — и подвиг веры,
Голгофа, и огонь Креста.
То чудо было самым первым
в земной истории Христа...

Наверное, осудят люди:
мол, Бога всеу не тревожь.
Но ты поэт! И в этом чуде
ты чем-то на Него похож.

Ведомый волею небесной,
весь вдохновением горишь,
когда ты из воды словесной
вино поэзии творишь!

Рябина

Я помню день, когда его убили,
далёкий день в пороховом дыму.
Я — дерево, я — старая рябина,
и нет предела горю моему.

Когда в паучьих свастиках солдаты
пошли на приступ серою стеной,
он прикипел к прикладу автомата,
ко мне качнувшись жаркою спиной.

Мне никуда от памяти не деться,
она сжигает медленней огня.
А пуля, что его пробила сердце,
ржавеет в сердцевине у меня.

Но я живу. Деревья, мы живучи,
мы рождены и в старости цвести.
Но как горчит неслыханная участь —
в гудящих жилах кровь его нести!

Влетевшая на кончике металла
в тугую плоть, густа и горяча,
она в тяжёлых гроздьях запылала
непобедимым цветом кумача!..

Остановитесь! Здесь его убили.
Далёк тот день в пороховом дыму.
Я дерево, я старая рябина,
но с той поры — я памятник ему.

Февраль

В трубе февраль, как филин, ухал,
рыдали сосны на ветру.
Давай, мой друг, загоним в угол
непроходимую хандру.

Из этой хижины прокуренной
бежим, нахмуренная, прочь,
туда, где бесы бедокурили
всю нескончаемую ночь!

Звенят по насту лыжи лёгкие,
летят с откоса на откос.
Какой огонь влетает в лёгкие,
как локон выпустил мороз!

В твоём роду две крови поровну
смешали Север и Кавказ.
Меня смущают бровь упорная
и синь архангельская глаз.

Но я гоню остатки робости!
Мгновение, остановись!..
И две судьбы у края пропасти,
как две лыжни, пересеклись.

Когда наступит время каяться,
простим же, плача и смеясь,
всех, чьи пути пересекаются,
одним путём не становясь.

Степь

Здесь ветра сабельное пенье
и белый жар солончака.
Одеты в золото забвенья
и степь, и дымные века...

Ловя чужой тревожный запах,
от скачек и от крови пьян,
он здесь стоял лицом на запад —
пропахший потом басурман.

Не ты ли, ветер, в дни разгула
орды свирепой, как гроза,
огранил каменные скулы
и сузил Азии глаза?..

А нынче степь — моя дорога.
Простор и воля впереди!
Но почему тогда тревога
растёт и ширится в груди?

И вдруг в лицо дохнуло прошлым,
когда ветрам наперерез,
наметив жертву, рухнул коршун
звездой чёрною с небес!

Закон сохранения

Вчерашний мальчишка,
бумажный солдат
сегодня впервые стреляет.
Как рвётся из рук боевой автомат,
как больно в плечо ударяет!

Сегодня учёба, а завтра — война.
И он не последний в шеренге,
кто в жаркой работе познает сполна
закон сохраненья энергий...

Там всё по-другому, забыт полигон.
У южных окраин отчизны
главенствует древний звериный закон —
закон сохранения жизни.

Там — в землю заройся, испачкай лицо,
стань деревом, камнем, травой...
Их шестеро было. Их взяли в кольцо
в «зелёнке» рассветной порою.

И не было дела огромной стране,
оглохшей от демонстраций,
что здесь погибают — спиною к спине! —
вчерашие новобранцы.

От крови горячей багрова трава.
Далёкая мысль о невесте...
Но всё отступает! Вступает в права
закон сохранения чести.

Его окружили, склонились над ним,
гортанны, чёрны, бородаты.
Всего и осталось — движеньем одним
рвануть под собою гранату...

Мальчишки, мальчишки,
в позорные дни
отпели вас райские хоры.
А правду о вас знают горы одни,
седые кавказские горы.

* * *

Гроза будила среди ночи.
Над крышей небо накренья,
гроза в испуганные очи
метала всполохи огня.

Росла невиданная туча,
как необъятный материк.
И тени корчились в падучей
и умирали через миг.

И открывался мир без грима,
в избытке ярости и сил.
Нам волосы рукой незримой
горячий ветер шевелил.

Огнём распятые небесным,
на самом верхнем этаже
стояли мы.
Какие бездны
мы смутно чуяли в душе!

И цепенея в этом шквале,
с колючим холодом в груди,
мы потрясённо прозревали
свои грядущие пути.

Выбор

Пилат был болен, некрасив.
Власть принимая, как отраву, —
— Кого помилую? — спросил.
И люди выбрали Варавву.

Вершись, кощунство из кощунств,
уродуй человечесьи лица!
— Кого, — спросил, — вам отпущу?
И люди выбрали убийцу.

Какие муки и огни
сравнятся с мукою Господней?
— Распни его, — кричат, — распни!
И бесы стонут в преисподней...

Христос распят.
На небесах
горит Его святая слава.
А в наших грязных городах,
в безвестных лесах и лесах —
повсюду! —
царствует Варавва.

* * *

Когда дневное скроет ночь
и обнажит миры иные,
молюсь: дай, Боже, превозмочь
пути земные,
когда слабеющей стопой
опоры не найду над бездной,
продли, Господь, мой путь земной
путём небесным.

Любовь Щипанова

Любовь Ивановна Щипанова — прозаик, её произведения печатались в газете «Угрешские вести», альманахе «История Угрешы», журнале «Славянка» и других изданиях.

Цезарь

Валентина устала. В квартире всё блестит, стол уже накрыт, сладко пахнет куличом — мужнин день рожденья пришёлся в этот раз аккурат на Пасху. Причёску Валя сделала, макияж навела, супруга отправила за выпивкой — в этом мужики разбираются лучше. Осталось нарезать салат. Вчера вроде решила сделать цезарь, да последний лиловый вилочек цикория прямо из-под рук какая-то фифа выхватила в супермаркете, занимавшем весь первый этаж длинной унылой многоэтажки, что выстроена в годы социалистического застоя на месте нескольких дворов родной деревни Гремячево.

Без цикория выйдет не цезарь, а подделка — Валя такое едала. Гордо так преподносят, хотя толком приготовить-то не умеют, в Италии не были. Она тоже не была, но точно знает, что кладут в этот салат.

Как просто было раньше: намешала тазик оливье по-советски — с дешёвой варёной колбасой — и гости довольны. Теперь все исхитряются, чем бы гостей удивить, хотя за стол садятся кушать, а не удивляться заморским салатам...

Валина бабушка Катерина Николаевна — Царствие ей Небесное — говорила, что на столе главное — хлеб да соль. И права была. А уж как пекла! — ни с чем не сравнить. Всё Валино детство — это сладкие воспоминания о её кухонном творчестве...

На Новый год сидели они, внуки, кучей малой за отдельным от взрослых столом и лакомились вкуснейшей бабушкиной ку-

лебяжкой со сладким чаем. Наевшись, бежали на улицу, гроздьё наваливались на большие дровяные сани, катались с горы, с разгона падая в снег и визжа от счастья. Детское-то счастье незаvistливое, простое! Сыты дети, любят их — и рады...

Ох, как здорово было на масленицу прийти к бабушке на блины! На столе мёд, сметана, варенье всякое. Катерина Николаевна несёт стопку тонких кружевных блинов — такие у Вали не получают. Садятся бабушка с дедом рядышком и смотрят, как внуки, краснощёкие с мороза, метут всё дочиста. Дед ворчит: «Пореже, пореже, это вам не каша...»

А к Пасхе готовились всю Страстную неделю. Сначала бабушка делала в марлевом кулке жирный творог, плотно наполняла им старинную липовую пасочницу и ставила на холод в сени, наказав внукам следить, чтоб там кошка не шастала. Яйца красили только в луковой шелухе: по-другому бабушка не признавала, брезговала. Наконец, в пятницу ставилось тесто на куличи. Тут Катерина Николаевна начинала волноваться, потому что пекла не один кулич, а каждому домочадцу по одному. Сначала она сажала в печь главный дедов кулич, с которым надо идти в церковь, а потом остальные. Пеклись они в старых кастрюльках и кружках. Куличик самому маленькому — Лёньке — бабушка пекла в консервной баночке. Внучата, её семья, толклись в крошечной кухоньке. Сердиться было грешно, и бабушка старалась куда-нибудь их выпроводить. Да не тут-то было! Каждый ждал свой кулич: его ж надо украсить и самому поставить на хрустящее полотно под киот с теплящейся лампадкой.

В субботу утром Катерина Николаевна, наплевав на атеистическую «совецку власть», надевала плюшевую жакетку и праздничный набивной платок, укладывала главный кулич, пасху и яички в сумку и шла их освящать за Москву-реку в церковь села Беседы: Николо-Угрешский монастырь был уже давно закрыт. А в воскресенье чистое и нарядное потомство Катерины Николаевны с аппетитом кушало свои куличи, пило чай с пасхой и терпеливо ждало, когда дед станет дарить всем денежки. Это были копейки, конечно, но зато для детей — свои, кровные. Трать себе на что вздувается!

Потом начиналось лето, а с ним появлялись на столе пышные бабушкины пироги с луком и яйцами, щавелевые с крапивой щи, вареники с вишней, шипучий ядрёный квас с пухлыми изюминками. Следом наступала пора варки варенья с огромным количеством пенек, липких пальцев, подзатыльников. И так до первой квашеной капусты, белой и маслянистой, твёрдого пупырчатого солёного огурца, скользкого маслёнка, ухи из судака, добытого зятем-рыболовом, пельменей, налепленных всей семьёй...

Да много ещё чего было памятного! Однажды Валя, покачивая на коленях своего годовалого сынишку, спросила у бабушки, чем та кормила деток — вдруг стало ей интересно. Ушла Катерина Николаевна в кухню и, немного погремев посудой, принесла и поставила на стол миску. В ней были кусочки чёрного хлеба с накрошенным луком, залитые водой и слегка приправленные постным маслом.

— Это мы звали мурцовкой. Попробуй, очень вкусно, особенно когда присолишь...

Стоит Валентина, забывшись, и качается в воспоминаниях, как в зыбке. Нет, не будет она делать заморский салат! Просто нарежет свежие овощи и выложит на блюдо. Едоки сами разберутся.

Валя подняла хрустящее полотенце на куличе, вдохнула запах. Хорош! Цезарь — это у них, в Италии! А у нас — на Руси — хлеб да соль, пирог да кулич!

Юная муза Угрешу

Анастасия Ангелярова

Анастасия Сергеевна Ангелярова (Иванова) в 2012 г. окончила РГГУ (факультет истории, политологии и права), стихи пишет с 10 лет. В 2007 г. стала лауреатом 1-го городского конкурса юных литераторов «Юная муза Угрешы» (лучший результат в номинации «Поэзия»). Её произведения публиковались в газете «Угрешские вести», альманахах «Угрешская лира», «История Угрешы».

Противоречия

Больно. Настолько больно,
Что даже слов нет описать...
Остановись! С меня довольно!
Мне надоело всё прощать.

Я так хочу быть вольной птицей,
Забуть про всех и ввысь лететь,
Но высота мне только снится,
Ведь недостаточно хотеть.

Я никого не упекаю,
Не вижу тут ничьей вины.
Ты лишь скажи мне: «Отпускаю!» —
И я достигну вышины.

Дотронусь крыльями до неба
И камнем брошусь к тебе вниз.
Каким бы ты у меня ни был,
В одном тебе вся моя жизнь!

Метро

Слишком жарко, слишком тесно,
Слишком долго, слишком громко...
И совсем неинтересно
Для души прозрачно-тонкой.

В уши — плеер музыкальный,
Чтоб не слышать перебранки.
Этот шум индустриальный —
Хрип заржавленной шарманки.

Надоедливо пестреют
Всюду скучные гримасы.
Эх, глаза б закрыть плотнее,
Чтоб не видеть серой массы...

* * *

Мы уходили с тобой в никуда,
Не зная, что будет дальше.
Искали мы новые города,
В которых ни лжи, ни фальши.

Мы уходили, не зная, зачем
Бросали привычную жизнь.
Мы уходили с тобой от проблем,
От скучных зеркал, тусклых призм.

Мы уходили от взглядов косых,
Никчёмных и праздных слов
Туда, где на солнечных мостовых
Ждала нас с тобою любовь...

* * *

Она посвящала ему стихи —
Так сильно его любила.
И, слушая ночью его шаги,
С ним мысленно говорила.

Она раскрывала ему мечты
И вся выливалась в строки.
Любовь достигла такой высоты —
Слезами искрились щёки.

Она берегла его от невзгод,
Безмерно во всём доверяла...
И вместе встречала с ним Новый год.
И верною спутницей стала.

Но вдруг оказалась ему чужой,
Беда чёрной тенью нависла...
Неужто случилось это со мной
И я тебе ненавистна?..

* * *

Ночь. На улице темно.
Белый снег летит, не тает...
Всё. Теперь мне всё равно
И ничто не удивляет.

Больше не придётся мне
Чувствовать такую боль.
Я рисую на окне...
Белый снег похож на соль.

Ночь. На улице темно,
Белый снег летит, не тает.
Я смотрю, смотрю в окно.
Мне тебя так не хватает...

Поющая в терновнике

Птица с шипом в груди
Вечную песнь поёт.
Песнь великой любви,
Что вовек не умрёт.

Сквозь страдания и боль,
Трудности и дожди
С этой песней позволь
Путь тернистый пройти.

Ну а пока живёт
В маленьком сердце свет,
Птица пускай поёт,
Встретив алый рассвет.

Песнь великой любви
Пусть вовек не умрёт,
Пусть в пронзённой груди
Вечно она живёт.

Андрей Завгородний

Андрей Олегович Завгородний — победитель конкурса «Юная муза Угрешки» в номинации «Поэзия»(2010), окончил с серебряной медалью гимназию № 5 в г. Дзержинском, студент, стихи начал писать в отрочестве, во время летних каникул работал внештатным корреспондентом газеты «Угрешские вести», где печатались его очерки, заметки и стихи.

Гитаре

Моя любовь!
Везде со мною непременно,
Она поёт, когда её о том прошу,
В своих эмоциях всегда проникновенна
И не в обиде на меня, когда в ответ молчу.
Она — мой идеал:
Изгибы, форма, лёгкий стан,
Изящная глава на тонкой шейке
И чуткие послушные уста:
Вы душу ей излейте —
Вам вторит радостно она.
Найдите к ней подход —
И горечь неизбежную невзгод
Вберёт в себя,
Потом, чуть погода, умолкнет —
И тогда найдёте вы
Источник чистой,
беззаветнейшей любви...

* * *

Ныне я не знаю радости,
Не чувствую печали.
Журавли моей судьбы
Осенний хор свой откричали.
Впереди одна зима — седая,
С бело-бесконечными снегами,
Злыми снами,
Тёмными, безмолвными лесами,
По которым будто в сумерках
Бреду
И волчьей стаи,
Сотканной из тени и печали,
Жду.
Я жду всего,
Но только радости одной не ожидаю —
В неё не верю, не о ней мечтаю.
По чередё неясных образов в тумане
Ищу свой путь, о цели забывая,
И, отдыхая
Средь тиши лесной,
Всё чаще думаю порой
О том, что здесь,
В недвижной и душистой хвое,
Моих желаний истинная суть —
Она в невиданном всепоглощающем покое,
Где страха нет, где чётко виден путь
И ясной тихой жизни
Тёмным страхам не спугнуть.

* * *

Все страсти обходят
Меня стороною.
Как долго я ждал
Распалённой душою

Любви водопадов,
Гремящих, кипучих,
Парами и водами
Сладость несущих!..

Но тихо в душе.
И такой тишине
Не выйти слезами,
Не согнуть в огне.

* * *

Мне видится поле, пармой^{*)} окаймлённое,
В закат бесконечностью вольно продлённое,
Со сказочной грустью в укромных лощинах,
Кровавых, золотых и охровых седицах;
И видится лес, что его окружает:
Он тёмный, безмолвен, и так привлекает
Мой взор и стремленье на поиски ближнего!..
Но где-то за лесом всё более слышимо:
Твой говор пастельный, твоё ощущение,
И солнце, и синяя высь беспредельная,
И радость от жизни с надеждой на лучшее.
Для них я оставляю чащобу дремучую
И выйду, прищурясь, на солнечный свет:
Туда устремлюсь, где тебя уже нет.

^{*)} Парма — еловый лес на склоне горы или высокого холма.

* * *

*... и отсюда — все рифмы,
отсюда тот блёклый голос,
вьющийся между ними, как
мокрый волос, если вьётся вообще.*

И.А. Бродский

Каждой новой зиме
Я обязан, возможно, потерей,
Сотворённой в душе —
Не вселенной, но собственной жизнью —
Я обязан ушедшим.
Ими создан и тихий,
В тон прибою играющий слог,
Не освоенный смёрзшимся горлом,
Но звучащий в груди
Ожидающим воли глаголом.
Слух доносит до сердца
Не ропот, не крик, не воззвание.
Мой учитель, во множестве лиц
Разминувшись со мною, оставил
Для меня тишину, завещая
Научиться в молчании жить.

Искандера Кондрашова

Искандера (Александра) Александровна Кондрашова является победительницей конкурса «Юная муза Угреши-2» (2008), стихи пишет с детства, её произведения печатались в газете «Угрешские вести», альманахах «Подсолнушек» (2008), «Угрешская лира» (2009) и «История Угреши» (2010).

* * *

*Дорога на двоих рассечена мечом
на две тропы во тьму без смысла и без цели...*

Тэм

Я помню ненависть, тяжёлые шаги,
Последней нашей осени прощальный яд...
Быть может, то для нас с тобой сплели венки,
Которые на дне времён огнём горят?

И зря дорогу делит лезвие клинка...
Ты помнишь, длинный путь для нас одних лежал?
Так больно... дёргаясь, бежит строка...
Воспоминаний в сердце огненный кинжал.

Теперь не знаю, мой заклятый друг,
Что разделяло нас и что сближало.
Так замкнут мир наш в прочный древний круг
Кольцом страстей, прошитых ненависти жалом.

Нас, может, примирит твоя лишь только смерть.
Мне слёзы смоят стылые дожди.
Ты мне, проклятой, там — за смертью — верь,
И я приду, ты только подожди...

Вдоль лесного ручья

Искристой зыбью шёл поток,
Узорчатые листья плыли,
И расцветал пыльцой и пылью
Пробившийся луча росток.

Прохлада вод звала в края,
Где воздух напоён свирелью,
Где отдыхали наши тени
На мшистых берегах ручья.

Случайность встреч была дана...
На перепутье осени и лета
Дарила я тебе росинки света,
А ты мне — беспечальность сна.

Закатное

Небо пронизано жилами,
Красными жилами троп.
Что там наворожило мне
Солнце в распустье дорог?

Стоит ли верить радуге,
Ярко пронзившей зенит?
Небо в багряной патоке.
Сердце — холодный гранит.

Ветер гудит гитарою,
Сосны стремятся ввысь.
В небе — щемящая аура
Песен, что не сбылись.

* * *

Размеренно вздыхает море. Перья звёздные
Едва касаются прогретых мостовых,
А воздух густ и душно-сладок розами —
Расцветами и увяданьем их.

Мои шаги тихи... Волна баюкает.
Прозрачен над землёю зноя дым.
Ночь полнится цикад стрекочущими стуками —
Сердцебиением ночным.

Ложусь на берег пенными соцветьями,
За куполом небес черно, бездонно, —
К нему тянусь — и прорастаю ветвями,
Бутонами рододендрона.

Бессмысленность

Зачем мы вспоминаем о былом,
О неслучившемся когда-то?
Веками уходили мы в закаты,
А здесь погрязли в тщетности борьбы со злом.

Всё бесполезно, беспредельно пусто...
Уйти, как встарь, в усталые края,
Где, сожаленьем больше не томя,
Угасли б мысли, и стремления, и чувства.

Но Смерти перекрыты все ходы.
И значит — не уйти, не сдаться.
Опять тоска, готовая прорваться
На сорные поля глухой тупой вражды.

Осеннее

...А в городе осень.
Туманом застужен
Дух старых сосен.
Прозрачные лужи,

Усталые взоры,
Пронзительный ветер.
Плетутся узоры
Из снов и столетий.

Тревогу пророчат
Опавшие листья...
И многоточия
В брошенных письмах.

Им нет адресата —
Летят прямо в лица,
Но осень не плачет —
Печаль ей лишь снится.

Безжалостность сказки,
Безоблачность дали.
Предать всё огласке?
Сбежать? Нет, едва ли...

И снова закаты —
Кровавые знаки.
Пустые плакаты,
Забытые флаги.

И ветер рвёт звёзды
На мелкие части.
И всё несерьёзно,
Как мысли о счастье...

* * *

...Только лес, только ночь, только влага земли,
Огоньки поселения мерцают вдали.
И собратья отстали под полной луной,
Сладко дышится свежей холодной мглой.

Пряный огненный запах осенних костров —
Так горят листья цвета больных вечеров...
Конь мой — лунная тень в синеве предночной,
Духа леса быстрее мчит оленьей тропой.

И сегодня опять, как уже сотни лет,
Я лечу на закат, обгоняя рассвет.
Через тьму перелеском спускаемся в лог,
И смыкается веток чёрно-серый полóг.

Там в смятенье колеблются, гаснут огни,
Гулко лают собаки, точно чуют могли
Тихий шелест пожухлой и мёртвой травы,
Дуновение старой и жуткой молвы...

Впрочем, это пустяк... Очаговый огонь
Мы погасим, и искры помчатся вдогон,
Звонко грохнет щеколда... И дальше — в леса,
Вверх подняв оживлённо глаза — к небесам...

Помертвевшие листья шуршат и поют,
Звёзды светлое кружево в небе плетут.
И азарт снова сможет печаль превозмочь.
Нагоняем рассвет — мы, ушедшие в ночь...

Андрей Кошелев

Андрей Вячеславович Кошелев учится в Московской государственной академии ветеринарной медицины и биотехнологий. Прозу пишет с отроческих лет. Его произведения публиковались в газете «Угрешские вести», сборниках «Рассказы новых писателей. 2011», «Парус». В 2010 году стал победителем конкурса «Юная муза Угреши» в номинации «Проза», автор книги рассказов «20-11» (2012).

Кондуктор

— Прости, Даш, не получилось отпроситься. Придётся весь вечер развозить заказы, — сказал расстроенный Александр в микрофон гарнитуры мобильного телефона.

— Похоже, этот день влюблённых не для нас,— огорчилась Даша.

Её слова звучали так печально, что у Александра защемило сердце. Он был влюблён в эту высокую статную рыжеволосую красавицу. Глубоко вздохнув, Саша с отвращением посмотрел на посылки, которые ему предстояло доставить.

— Что грустишь? — неожиданно спросил кто-то сзади.

Александр вздрогнул. Обернувшись, он увидел своего старого друга Виктора. Они учились на одном курсе в академии. Именно Виктор предложил Саше вместе подрабатывать курьерами.

— Четырнадцатое февраля....

— Можешь не продолжать, — махнул рукой приятель. — Оставь мне адреса своих заказов и беги к Даше.

— А как же ты? — удивился Александр.

— Сам же сказал: «Четырнадцатое февраля». У меня выходной. Но лучше провести этот вечер на работе, чем одному.

— Вить, ты меня так выручил! Я твой должник.

— Не переживай, Сань! Сочтёмся.

Александр быстро собрался и вышел на улицу. По дороге он схватился за мобильный, но батарея оказалась на нуле. «А может, оно и к лучшему? Будет Даше сюрприз!», — пронеслось в голове.

— У вас есть букет для самой милой девушки на свете? — выпалил Саша, влетая в цветочный магазин.

В ответ продавщица привычно улыбнулась. За сегодняшний день ей довелось услышать уже не менее десятка подобных фраз. Она посоветовала купить розы. Банальный, но вполне надёжный вариант.

Спеша к Дашиному подъезду, Александр случайно задел плечом шедшего впереди парня и тут же извинился.

— Бывает, — отозвался тот.

Выглядел он немного постарше Александра, в руках нёс букет лилий. Оглядывая друг друга, молодые люди невольно улыбнулись и вместе вошли в лифт.

— Пятый, — сказал парень в ответ на вопросительный взгляд Саши.

«И мне», — подумал тот, нажимая на кнопку.

Когда двери лифта открылись, Саша немного замешкался. Теперь уже незнакомец задел его плечом, выходя из лифта. Видно, он тоже спешил. Молодые люди направились к одной двери. Незнакомец потянулся к звонку квартиры, в которой жила Даша. У Саши возникло желание дёрнуть его за руку и выяснить, что это значит, но оно уступило место странному любопытству. Ему вдруг захотелось по-мальчишески затаиться и посмотреть, что будет дальше. Он развернулся и осторожно поднялся вверх на один лестничный пролёт. Дверь Дашиной квартиры открылась.

— А вот и ты! — слышался милый сердцу Александра голос. Вот только звучал он не для него.

— Мчался как мог. Хорошо, что ты сегодня всё-таки освободилась, — мягко сказал парень.

Саша осторожно выглянул на лестничную клетку. Его Даша с букетом лилий в руках обнимала того парня. Через секунду они зашли в квартиру и закрыли дверь. У Александра всё поплыло перед глазами. Ему не захотелось звонить в дверь, устраивать скандал, орать на девушку, лезть в драку с незнакомцем. Он просто ушёл.

Саша чувствовал себя униженным: «Видимо, этот молодой человек был её запасным вариантом. Наверно, она позвала его после моего звонка, узнав, что я сегодня занят». Он долго бродил по улицам. Вначале злился, потом стал жалеть себя, а после обвинять в трусости и нерешительности: «Я ведь мог спуститься и застать их вместе. А вместо этого просто сбежал». Вымотавшись и порядком замёрзнув, он наконец отправился домой. Сел в автобус, пристроился у окна и задремал.

Проснулся Саша оттого, что кто-то тихонько тряс его за плечо. Открыв глаза, он увидел перед собой кондукторскую сумку. Она висела на плече у симпатичной девушки с короткой стрижкой и добрым взглядом.

— Жалко было Вас будить. Вы так сладко спали. Но уже конечная, — сказала она.

Он поднялся и пошёл к дверям.

— А за проезд?

— Извините, — тут же спохватился Александр, полез в карман за деньгами и заметил, что до сих пор держит в руках букет роз.

— С днём святого Валентина, — он протянул девушке цветы.

Кондуктор растерялась, но машинально взяла букет. Саша вложил деньги за проезд ей в другую руку. Мгновение они стояли, молча глядя друг на друга. В воздухе витал аромат цветов.

— Спасибо! — тихо сказала кондуктор и улыбнулась.

— А во сколько Вы заканчиваете? — неожиданно для самого себя спросил Александр.

— Это был мой последний рейс на сегодня.

Молодой человек дождался, пока девушка отметится в диспетчерской, сдаст деньги и билеты.

— Давно работаете кондуктором? — спросил он, когда она освободилась.

— Полгода с небольшим. В мае увольняюсь, буду поступать в институт. Может, перейдём на ты? — предложила девушка и представилась: — Настя.

— Саша, — он широко улыбнулся.

Александр проводил Настю до общежития и попросил у неё номер телефона. Больше о Дарье он не вспоминал.

Эдизиум «Угрешской лиры»

Архимандрит Пимен (Благово)

Архимандрит Пимен (Дмитрий Дмитриевич Благово, 1828-1897), известный русский духовный писатель, автор книг: «Исторический очерк Николаевского Угрешского общежительного мужского монастыря» (1872), «Духовные стихотворения» (1874), «Инок» (поэма, 1873-1874), «Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные её внуком Д. Благово» (1878-1880). Пережив семейную драму (измену жены), в 1867-1880 годах Благово подвизался в Николо-Угрешском монастыре, постригся в 1882 году в ярославском Толгском монастыре, в 1885-1897 годах был настоятелем русской посольской церкви в Риме, где и похоронен.

Инок

*Отрывок из поэмы
<Молитва старца Гавриила>*

26

В тот вечер позднею порою —
Девятый час в исходе был —
Молитвы кончив, пеленою
Минею бережно прикрыл
Маститый старец Гавриил,
И, сев на лавку в утомленье,
Перебирать он чётки стал
И с сердцем, полным умиленья,
Свои обычные моленья
Чуть слышно медленно шептал:
«Прими, Царю, благодаренье
За день сей, мною прежитой,

И отпусти ми согрешенья,
В сей день содеянные мной;
И с сердцем чистым и смиренным
И с сокрушённою душой
Моим языком дерзновенным
Тебя сподоби восхвалить
И даруй мне по благодати
От днесь начало положить
Стезёю правую ступати,
Тебе неленостно служить...
От дел моих несть мне спасенья:
Я слячен множеством грехов:
Но Ты, всех жизнь и воскресенье,
Покой преставльшихся рабов,
Нас воскреси Ты и восстави,
И от сетей греха избави,
И от злокозненных врагов!
И вера пусть моя довлеет
И оправдѣт мя пред Тобой:
Дел добрых раб Твой не имеет,
Он нищ делами, наг душой.
И даждь нам сон в упокоенье
И брэнной плоти, и души,
И укроти страстей стремленье,
И чувств волненья утиши;
Успи все наши мудрованья
И ум наш бодрым соблюди,
И отжени от нас мечтанья,
От вражих стрел нас огради;
По сне ночном Ты день нам новый
И день безгрешен воссияй,
Да мы обрящемся готовы
Узреть Божественный Твой рай!

Нас ненавидящих, Владыко,
И нас обидящих прости,
И, щедрый милостью великой,
Вся их грехи им отпусти:
И всем-всем, нам благодворящим,
Ты также благо сотвори;
Недужным, немощным, болящим
Ты исцеленье ниспошли;
Всех, иже в море, Ты управи,
Всех, в путь грядущих, сохрани;
Стезёю правой их направи
И спутешествуй с ними Сам,
И всех служащих нам собратий
И милость делающих нам
Помилуй Ты; по благодати
Ты их грехов не помяни;
В селеньях праведных вчини
Всех, кто в надежде воскресенья
От мира в Вечность отошёл;
Всех братий, страждущих в плененье,
От обстояния и зол
Избави Ты; плодоносящих
И благодеющих в церквах,
Велицей милости просящих
Ты не лиши небесных благ.
И нас, и грешных, и смиренных,
И недостойных раб Своих,
Сподоби, сердцем просвещенных,
Идти стезёй путей Твоих;
И за молитвы Препоблагия,
Пренепорочной Всесвятой
И Богоматери Марии
Нам даруй в вечности покой!»

Так дряхлый старец со слезами
От всей сердечной глубины
Почти невнятными словами
Среди безмолвной тишины
Душою к Богу возносился,
О мире мира он молился
И помощь Божью призывал.
И старца взор был так бесстрастен,
Так безмятежен, чист и ясен,
И столько мира совмещал,
Что в нём, как в зеркале, казалось,
Всё благо мира отражалось.
Весь старца вид, его чело —
Всё миром, кротостью цвело,
Всё благодушием дышало,
И силы горней благодать
На нём оставила печать
И, как святое покрывало,
Сияньем света осеняла
Сего простого чернеца,
Смирennemудрого борца.
И был он инок не названьем,
Не по одежде схимонах,
Но чистотой и воздержаньем
И в помышленьях, и в делах.
Он был безмолвник в самом деле
И небожитель в брэнном теле,
И как то Лествичник сказал:
«Он тело в келье заключал;
Уста его сомкнуты были
И о мирском не говорили,
И чрез порог души своей,

Давно от мира отрешённой,
Любовью горней окрылённой,
Он путь пресёк для злобных змей —
Нас уязвляющих страстей».

29

Он рано с миром разлучился,
И ровно восемьдесят лет
Прошло с тех пор, как он решился
Вступить сюда, оставя свет;
И с той поры уже ни разу
Он не помыслил никогда
За воротá сходить куда,
Чрез что избёг сует заразу.
И непонятна, и чужда
Была душе его вражда.
Смиренный, кроткий, благодушный,
И всем и каждому послушный,
Он скорби тем не миновал
И от завистников страдал;
Но этим он не возмущался
И, духом мирный, мирен был
И с тем, кто мира отвращался,
Как Псалмопевец научил.
И в телеси, как бестелесный,
Как житель горний без страстей,
Как некий инок древних дней,
И путь себе избрал он тесный,
И постепенно восходил
Он тою лестницею райской,
Путь по которой нам открыл

Святой чернец горы Синайской.
Читать он знал, писать он мог,
И только в том и заключался
Его познаний весь итог;
Но день и ночь он поучался
В Законе Божием с тех пор,
Как с миром он навек расстался
И устремил горé свой взор.
Он много лет был не пострижен
И, хоть монашества желал,
Он не считал, что он обижен,
И воли Божьей ожидал.
Когда ж он принял постриженье,
Его желаний всех предел,
Идти он дальше не хотел:
Его страшило повышение;
Священства он не принимал;
И лишь, маститый, престарелый,
Склонившись долу, колос зрелый,
Он только схиму восприял.

30

«Помилуй, Боже, тех, кто в поле,
Из братий наших иль чужой,
Кто по нужде и по неволе
Застигнут бурей в час ночной;
И многомилостив им буди,
От них вся беды отжени.
Все бо Твои мы, все мы люди —
Помилуй всех и сохрани!»

Игумен Антоний (Бочков)

Игумен Антоний (Алексей Поликарпович Бочков, 1803-1872) — духовный поэт XIX века, знакомый А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. Его произведения печатались под различными псевдонимами в журнале «Благонамеренный» и альманахах 1820-х годов. С 1837 года подвизался в различных монастырях, принял постриг в 1844 году, был настоятелем Черемнецкого Иоанно-Богословского монастыря. Последний год жизни провёл в

Николо-Угрешском монастыре. В 1875 году издана его книга «Русские поклонники в Иерусалиме». В 2010 году издательство «Пушкинский дом» выпустило книгу о нём «Дон Кихот русского монашества. Жизнь и творчество игумена Антония (Бочкова)»

К иконе Богоматери

Чистая Мать Святого Младенца!
Как Ты прекрасно склонила главу!
Благоговейно и трепетно держишь
Мира Спасителя в чистых руках.
К нам устремляешь кроткие очи,
Сердцем же молишься Сыну о нас,
Благословенная Дева Мария!
Чем заслужили мы милость Твою?
Мы непрестанно Тебя прогневаем;
Наши безумия так тяжелы,
От колыбели и до могилы
Богу противимся, грешные, мы.
Скорби, напасти, болезни, страданья
Мы привлекаем за наши грехи.
Премилосердая Мать Господня!
Чем привлекаем мы милость Твою?
Тем ли, что руки людей пригвоздили
Сына Божественного ко кресту —

И в этот день Ты познала болезни,
Горесть страданий и тяжесть креста?
Сердце, пронзённое семью мечами,
Страждет о бедствиях Сына земли.
Слышишь ли жалостный голос младенца —
Вспоминаешь о Сыне Твоём:
Новорождённый во всем Вифлееме
Места не знал, где главу подклонить.
Путника видишь и — бегство в Египет
Припоминая — жезл подаёшь.
И на заблудших Ты призираешь:
Сын Твой однажды отстал [от] Тебя —
Ты искала с болезнью многой
В Иерусалиме, во храме Отца.
Деву безродную, сирую видишь,
Богоневесто! И, к ней преклоняясь,
Светлым покровом её осеняешь
И от соблазнов её бережёшь.
Юность Твоя самим Богом хранилась:
Ты воспиталась в Святая Святых.
Матери бедной, лишённой младенца,
Ты соболезнуешь сердцем Твоим:
Горькие слёзы и Ты проливала
Над бездыханным Сыном Твоим.
Кто оклёветан здесь миром бесславно —
Тот сострадание сыщет в Тебе.
Ты испытания чашу вкусила,
Сын твой неправедно был осуждён.
Всякий, кто терпит невинно, — Твой ближний:
Сын Твой всех братьями нас называл,
И со Креста Твоему Заступленью
С другом Тебе и весь мир поручил.
Сын Твой, о Мати! всякий, кто плачет
Вместе с Тобой у Владычня Креста.

1860-е гг.

* * *

Хотя я прожил долгий век,
И мне пора бы на ночлег,
Но всё не знаю я покою.
И есть ли в мире человек,
Который бы страстей избег,
Прошёл немокренно водою?
Многострадальный ваш святой,
До чресл засыпанный землёй,
Себя живым похоронивший,
Со ангельскою чистотой, —
И он был в пасти страшной той,
Весь мир зубами охватившей.
И в преподобных в оны дни
Блуждали адские огни
И змеи тёмных похотений.
Хотя сто раз их прогони,
Но всё являются они
С полком нечистых приведений.
О! как возрадуешься ты,
Когда из этой темноты,
Из этой тяжкия неволи,
Душа! ты вырвешься на свет,
Туда, где ни печалей нет
И где страстей не знают боле!

Прощание с Афоном

Блажен тот муж, кто в сих лесах,
Как твёрдый дуб, укоренился;
Благословен, кто в сих горах,
Как этот мрамор, укрепился,

Как эта ближняя скала
От берегов не отступает,
Как эта облачная мгла
Верхи Афона обнимает,
Кто лобызает, как волна,
Свои пределы постоянно
И воздыхает, как она,
В молитве Богу непрестанно, —
Благословен сей верный брат!

А я, как чайка — птица бури,
Как чёрный вран, густо-крылат,
Пятном чернеясь на лазури,
На белых крыльях корабля
Перелетал залива волны.
Прости, священная земля,
Простите, берега безмолвны!

1850-е гг.

Афон

Гор пирамида в небесной лазури
Скинией видится сверх облаков,
Фаросом Божиим, пристанью в море,
Тихим пристанищем мирных пловцов.

Чей там кораблик стрелою несётся
Прямо на грозные эти скалы?
Горе пловцам! Колыбель разобьётся —
Так её страшно кидают валы.

Нет, то играет водная стихия¹ —
Лёгкое облако² слышит она.
Благословенная Дева Мария!
Бисерный путь Тебе стелет волна.

То поднимается жёлтым топазом,
То изумрудом, сапфиром блеснет,
То рассыпается перлом, алмазом,
То черно-аспидный гнёт свой хребет.

Лёгкое судно у самой границы
В тень исполинского входит шатра.
Видно, навстречу Небесной Царице
Кинулась в воду Святая Гора.

Грудь исполина крестом³ погрузилась,
И до небес возвышается он.
Слава всех гор на востоке затмилась —
Божией Матери жребий Афон.

Здесь ублажат Её имя святое,
Здесь неустанно Её воспоют,
Здесь Её царство, семейство земное,
Вольных страдальцев последний приют.

Судно крылатое в пристань вбежало —
В страхе главу свою прячет Афон.
«Здесь жребий Мой», — Богоматерь сказала.
Словом Её освящается он.

Примечания автора

1. *Водная стихия — выражение церковно-славянское.*
2. *В пророчествах и песнях церковных Божия Матерь называется Лёгким облаком.*
3. *Афонская гора по географическому плану имеет вид креста, и это сходство замечено самим преподобным Афанасием. Она от перешейка своего как будто двинулась от материка и кинулась в море, привлекая за собой длинный гребень или горный шатёр. Когда въезжаешь в тень его, лежащую далеко по водам, то вершина Афона прячется за ближайшими высотами.*

**Бред засыпающего над костылём
кладбищенского старца**

Стихи мои — поблѣкшие венки
Болотного, приземистого моха —
Не украшение для гробовой доски,
Но видно, мне их петь до мертвенного вздоха.
Зачем мне налагать на старые кресты
Мои бумажные поддельные цветы?
Затем, что я во сне гуляю на кладбище
Воспоминаний, чувств, дум и скорбей моих.
Здесь всё в смешении на гробовом жилище:
Стихи Давидовы и Ламартинов стих.
Во сне жезлом коснув обломков пирамиды,
Встречаюсь с разрушенным столбом.
Когда б я бодрствовал, то пел бы панихиды
И о друзьях моих, и о себе самом,
Читал бы я слова божественной Псалтири
В надгробном храмике и в тишине ночной.
Но забываюсь я... и хладный ветер Сибири
Поёт мне песню тоскливою, степной.
Неситесь вместе с ним своею лёгкой ношей,
Мои иссохшие, поблѣкшие венки!
Вас время погребёт под снеговой порошей,
И дружба сохранит немногие листки.

1864

Сергей Красиков

Сергей Павлович Красиков (1928-2007) — известный русский поэт, автор более 40 книг, в числе которых: «Таёжная быль» (1972); «На грани мистики» (1995); «Легенды о цветах и самоцветах» (1996), «Возле вождей» (1997), «Крик над пропастью» (2002). На его стихи написано около 400 песен. В течение 20 лет руководил литературным объединением «Родник» в г. Дзержинском.

* * *

Через угрюмые места
Над чёрною осокой
Летит полночная звезда,
Роняя свет высокий.
Зеркальный кружится сувой¹⁾,
Смещаются понятия.
Кромешный мрак и свет живой
Сливаются в объятья.
До дна просвечена вода.
Остановилось время.
Высоким высветом звезда
Прощается со всеми.
Благослови, Господь, меня
Всевышним Провиденьем
Предназначение понять
Последнего свеченья,
Чтоб, отправляясь в мир иной,
С неведомым сливаясь,
Светить высокою звездой
Для постиженья таинств.

¹⁾ Сувой — вихрь.

* * *

Над лесами еловыми славными,
Над холмами российскими плавными
Церковь вечную славу поёт,
Среди тёмных деревьев хоронится,
Острострелой певучею звонницей
До высоких небес достаёт.

На скрещенье дорог её сладили.
На посте и молитве поставили.
Бога в душах велела беречь.
Кто ни едет, всяк Богу поклонится.
Приглашает людей её звонница
С Богом тихо вести свою речь.

На восходе зари её свечечка
За версту светит ярко над Вечностью.
На свидание с Богом зовёт.
Точно малых детей, души пестует.
Разрумянившимися невестами
К ней осинок идёт хоровод.

А в часы вековой незадачи
Не поёт она в небе, а плачет,
Над бедою людской правит суд.
Кто страдает в тоске от бессилья,
Вознесут к небесам её крылья,
На скрижалях любви вознесут.

Материнские сны

Меч булатный. Конь буланый.
Вихревой простор.
Всадник в бурке по елани^{*)}
Мчится мимо гор.
Даль стальнойю вьюгой брита.
Огоньки в селе.
Звонко цокают копыта
По родной земле.
Молча к старому подворью
Всадник повернул.
Мать, поникшая от горя,
Кинулась к нему.
— Петя! Петя! Голубочек! —
В повода впилась.
— Ты прости меня, сыночек,
Что не прибралась.
Я сейчас раздую печку.
Вижу, как устал.
Но скажи одно словечко:
Где ты пропадал? —
Сын к старушке руки тянет,
Глухо говорит:
— Не проси меня, маманя,
Я давно убит.
Меня немец — в сердце прямо.
Много было их.
А живу, живу я, мама,
Только в снах твоих.

^{*)} Елань — открытое место.

* * *

Сокол в землю ударился сходу
И накрылся высокой травой,
Где мой пращур глазами к восходу
Отдыхает в землице сырой.
Здесь пылали цветы да померкли.
Забурьянил репьем огород.
В сводах старой разрушенной церкви
Панихидную ветер поёт.
Жизнь прошла, отгорела лучиной,
Прошуршала пожухлым листом.
Разлучился Егор с Катериной
Не на этом на свете — на том.
Разлучило их горькое горе.
Зарастают былые пути.
Тенью мечется дед мой Егорий,
Ищет бабку — не может найти.
Слыла зримой, да стала незримой.
Отсмеялась лучом по воде.
Где два странника? Два пилигрима?
Где их души? Неведомо где?
На полях? На высоком угоре?
В небесах, где просторы ясны?
Как душа твоя, дед мой Егорий,
Отыскала ли душу жены?
Не поникла ли волей с устатку?
Не озябла ль в седой высоте?..
Туча тряпкой, отстиранной бабкой,
Отдыхает на сиром кресте.

Ия Фролова

Ия Павловна Фролова (1951-2011) по основной профессии была врачом, стихи писала с юных лет, живописью увлеклась в 2005 году, стала членом Союза художников России, в литобъединение «Угреша» пришла в 2006 году, её стихи печатались в газете «Угрешские вести», альманахах «Угрешская лира» (выпуск 2) и «История Угреши» (выпуск 1), в декабре 2011 года выпущен посмертный сборник её стихов «В тихих садах осени», проиллюстрированный её картинами.

Родительский дом

Родители ушли к иной Отчизне,
Колодец, сад и нас здесь оставляя,
И дом, что строили они при жизни,
Ни сытости, ни отдыха не зная.

В том милом доме кружева цвели,
Два раза в сутки звонко пела печка,
Детишечки с козлятками росли,
Молилась тихо бабушка со свечкой.

В саду гороховые грядки до небес
И яблок белого налива дождь...
Там столько было всяческих чудес,
Нигде которых больше не найдёшь!

* * *

Мне шестьдесят, а я всё та же девочка.
Как быстро стало время убывать!
Шерна была рекой, а стала речечкой,
И лес — леском, но мне там — благодать.

Посвящение Ногинску

История страны — твоя история, Ногинск.
Владимирского тракта звон цепей,
Калейдоскоп событий, дат... И обелиск
Вновь Богородский стелюю своей
Стремится в голубую высь.

Всё «пионерское» осталось в прошлом веке,
И первый бюст вождя — истории значок,
Но ценности все те же в человеке:
Ум, совесть, честь, труду почёт.

Вновь слышен звон святой колоколов,
Вернулся в души Бог. Окрылены
Победой духа, мы поднимем вновь
Значенье веры, и надежду, и любовь.
Твоя история, Ногинск, — история страны.

Пушкину

Кудрей абрис хранит потомство,
Селясь в краях, не столь родных:
В Руси лихое вероломство
Разрушило усадьбы их —
Увеселенье дней твоих.
И есть иваны, что не знают
И не желают знать отцов...
Москва потомков собирает
Из года в год со всех концов.
Но шар земной не так велик,
Как стихотворный твой родник.

Весеннее

Как чисто везде и как хорошо!
Как сочно, ярко и свежо!
А это весенний дождик прошёл,
Осыпал цветы, как снежок.

Тычинки к пестику льнут,
Как ни крути.
Похорошели все женщины вдруг,
И нам с тобой по пути,
Ещё не знакомый мне друг.

Шальной ветер

Накрахмаленные тучи
Рвёт на клочья ветер рьяный.
Ива веткою плакучей
Дирижирует бурьяну.

Ветер, ветер, ты откуда?
Почему такой шальной?
Облетел, как чудо-юдо,
Над планетою больной,

Ничего тебе не жалко
На поверхностях земных.
Перестань дышать так жарко,
Ветер, стань смирен и тих!

В тихих осени садах

Моросейка-дождь пошёл,
Осень в лужах-зеркалах.
Как мне в дождик хорошо
Под зонтом бродить в садах!

Улетает поздний лист,
Мокрым парусом плывёт.
Яблочком в ветвях повис
Низко серый небосвод.

В тихих осени садах
Я хожу в своих мечтах
О весне, что вновь придёт,
И что встретится мне тот,
Кого сердце моё ждёт.

Добрый город мой

Город на песке
Возрастает с честью.
Беды вдалеке,
Купола на месте.
Звоном серебра
Осыпает праздник.
Множеством добра
Этот город дразнит.
Окаймлён рекой,
Карьерами-глазами,
Добрый город мой
Живёт под небесами.

Содержание

Ярослав Смеляков

Вековой юбилей Смелякова	4
Краткая летопись жизни и творчества	6
<i>Елена Егорова. Коммунар Смеляков. Документальная повесть</i>	10
<i>Марина Бобкова. Ярослав Смеляков в Сталиногорске</i>	69
<i>Ярослав Смеляков. «Нам время не даром даётся...» Стихи</i>	77
Посвящения Ярославу Смелякову	94

Смеляковские лауреаты

Валерий Аушев	100
Юрий Воротнин	106
Инна Гильченко	112
Елена Егорова	118
Лев Котюков	124
Владимир Лория	130
Татьяна Уварова	136
Эдуард Хандюков	142
Евгений Аверьянов	148
Ирина Белых	152
Игорь Витюк	156
Натали Владо	160
Сергей Газин	165
Елена Есина	169
Анна Картавец	173
Максим Клюев	177
Геннадий Кобылкин	182
Екатерина Корнакова	187
Дмитрий Краснов	192
Саида Кузнецова	196
Анатолий Медведев	200
Анастасия Мигова	204

Валерий Ненашев	208
Олег Севрюков	212
Сергей Соколовский	216
Маргарита Филатова-Клюева	222
Галина Черкес-Филатова	226
Валерий Шитуев	229

Угрешский Парнас

Наталья Алимова	234
Станислав Горшков	238
Кирилл Кострецов	242
Елена Краснослободцева	244
Ольга Кубатина	246
Михаил Ложников	248
Светлана Михайлова	252
Эмма Сироткина	256
Евгений Хазов	258
Борис Щербатов	261
Любовь Щипанова	268

Юная муза Угреши

Анастасия Ангелярова	272
Андрей Завгородний	276
Искандера Кондрашова	280
Андрей Кошелев	285

Элизиум «Угрешской лиры»

Архимандрит Пимен (Благово)	290
Игумен Антоний (Бочков)	296
Сергей Красиков	302
Ия Фролова	306

Угрешская лира

Литературный альманах

Выпуск 3

Произведения печатаются в авторской редакции

Составление, дизайн,
подготовка текстов XIX века

Е.Н. Егорова

Технический редактор

В.Н. Киселева

Корректор

О.С. Бахтиярова

Художник

Е.В. Нистратова

Московская областная организация Союза писателей России

г. Москва, ул. Б. Никитская, 50а/5, стр. 1. Тел. (495) 291-01-34

Литературное объединение «Угреша» имени Ярослава Смелякова

<http://www.lito-ugresha.narod.ru>, lito_ugresha@mail.ru

**Благотворительный фонд содействия социальной помощи
и защиты нуждающихся жителей города Дзержинский
«Наш город»**

140090, Московская обл., г. Дзержинский, ул. Лесная, д. 18.

Тел./факс 550-63-40

Сдано в набор 5.10.2012. Подписано в печать 5.11.2012

Формат 60х90/16. Гарнитура «Artsans». Печ. л. 19,5. Тираж 1500 экз.

На лицевой стороне обложки: Виды Николо-Угрешского монастыря зимой.

Фото Е.Н. Егоровой

*Редколлегия выражает глубокую признательность
Новомосковскому историко-художественному музею
за предоставленные фотоматериалы о жизни и
творчестве Я.В. Смелякова и содействие в
оформлении книги.*

Отпечатано в типографии ЗАО «ДОССОМ»

г. Москва, Большая Марьинская, 9, стр.1.

Тел.: (495) 602-48-85.

bankprint@mail.ru

ISBN 978-5-9903866-4-8

